

Журнал издается по благословию
Высокопреосвященного Евгения,
архиепископа Верейского,
ректора МДА и С

Учредители

Московская Духовная
Академия
Международный Фонд
единства православных
народов

Главный редактор

иеромонах Петр (Еремеев)

E-mail: ierom@mail.ru

Заместитель главного редактора

Дмитрий Моисеев

Ответственный секретарь

Владимир Бурга

Выпускающие редакторы

Евгений Петровский

Александр Войтенко

Редакционный совет

иеромонах Нестор (Сиротенко)

Диакон Сергей Матюшин

Михаил Первушин

Игорь Ходыкин, редактор приложения
для заключенных «На перепутье»

Верстка

диакон Роман Глыбовский

Алексей Долгов

Корректор

Александр Чернов

Владислав Алешин

Набор

Дарья Селезнева

Фото

Андрей Лисичкин

Сергей Правдолюбов

Адрес редакции

141300, Московская обл.,

Сергиев Посад, Лавра, МДАиС

Тел.: (09654) 4 12 18

Факс: (095) 973 08 23

Internet: <http://www.mpda.ru>

<http://www.vstrecha.nm.ru>

E-mail: vstrecha_mpda@mail.ru

Издание зарегистрировано
Комитетом РФ по печати

Свидетельство о регистрации
№ 017290 от 6 марта 1998 г.

Подписано в печать 06.06.2000 г.
Формат 60x90 1/8. Бумага офс. № 1
Усл. печ. л. 8. Уч.-изд. л. 8,2. Зак.

Журнал издается попечением
и на средства Международного Фонда
единства православных народов

Оригинал-макет изготовлен редакцией
журнала «Встреча»

Отпечатано в ГП ЦРП

«Москва — Санкт-Петербург»

Москва, Рязанский пер., 3

ВСТРЕЧА 2000 • 3(13)

Ежеквартальный студенческий православный журнал
Московской Духовной Академии и Семинарии
и Международного Фонда единства православных народов

К сожалению, в сознании нашего обывателя, воспитанного на газетных публикациях последних лет, понятия «Церковь» и «музей» остаются почти так же несовместимы, как «гений и злодейство». Передача, а точнее возврат Церкви награбленных у нее святынь, имущества и художественных ценностей, превращается в нашем обществе, которое так стремится стать правовым, в некие, ведущиеся с переменным успехом, упорные баталии между музейными работниками, с одной стороны, и «церковниками» — с другой.

Однако не новый скандал и не новое судебное разбирательство побудили нас посвятить этот номер нашего журнала музейной теме. В этом году Московские Духовные школы празднуют замечательный юбилей — 50-летие Церковно-археологического кабинета при МДА, богатого собрания церковного искусства и единственного в своем роде «церковного музея». Мы глубоко убеждены в том, что история ЦАКа, само его существование свидетельствует о том, что нет никакого противоречия и средостения между музейным делом и благоговейным, церковным отношением к святыне, что священнослужители и искусствоведы могут не только ужиться, но и сотрудничать друг с другом, и более того, совместно призваны сохранять и изучать памятники церковной старины.

И, быть может, это именно наша общецерковная задача — донести до сознания как непримиримых музейных работников, так и общества в целом, что Церковь способна хранить то, что она бережно сохраняла в течение веков, и посему собрание церковного искусства при храме или монастыре — явление куда более органичное, целесообразное и живое, чем «действующий храм на территории музея».

Главный редактор
иеромонах Петр (Еремеев)

Поздравляем!

ЦЕРКОВНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ КАБИНЕТУ ПРИ МДА — 50 ЛЕТ

На фоне славного юбилея 2000-летия христианства меркнут все остальные даты и торжества. И все же мы не можем пройти мимо юбилея, который празднует в этом году Церковно-археологический кабинет при МДА. Ему исполняется в этом году 50 лет, и всякий, кто соприкасался с этим музеем, — был ли он экскурсоводом, сотрудником или просто посетителем, невольно ловит себя на мысли: «Чем же ЦАК так притягивает людей?» Ведь по богатству своей экспозиции он уступает многим музеям, в которых собраны предметы старины и церковного искусства. Опытного музейщика не удивит он сверхсовременными методами датировки и идентификации экспонатов, а простого смертного поначалу даже повергнет в растерянность отсутствием сопроводительных надписей и подписей, разъясняющих, что, где, когда и кем было создано.

И все-таки человек, хотя бы раз побывавший в ЦАКе, уносит с собой совершенно неповторимое ощущение. Многие именно здесь впервые встретились лицом к лицу не просто с музейным экспонатом или с предметом экспозиции, а с живым образом, своими глазами увидели вещи, принадлежавшие не просто знаменитым людям, а подвижникам и святым Церкви. Конечно, такая встреча не может пройти для человека незаметно и оставляет в его душе глубокую и благодатную память.

В ЦАКе иконы смотрят на людей не из-за толщи бронированных стекол и не из-под панцирей тяжелых окладов, они открыто, в своей первозданной красоте обращают свой взор к людям и говорят им о главном. Люди, живущие в эпоху информационных технологий, вдруг погружаются в совершенно иной мир, где действуют иные законы и иначе течет время. Этот мир созидался усилиями, трудами, а главное — молитвенным подвигом многих поколений скромных тружеников ЦАКа.

Редакция нашего журнала от всей души поздравляет весь творческий коллектив нашего любимого музея с его славным юбилеем и желает ему

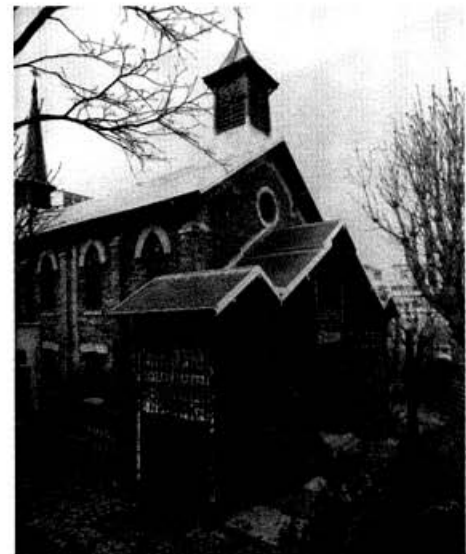
МНОГАЯ И БЛАГАЯ ЛЕТА!

Содержание

- **Не просто музей, а продолжение храма**
Интервью с заведующим
Церковно-археологическим кабинетом при МДА
игуменом Антонием (Паканичем) 4
- **«Очарован вашим гостеприимством...»**
Подборка записей из книги отзывов ЦАКа 8
- **От Византии до Палеха**
Путеводитель по ЦАКу
Алексей Моисеев 10
- **Храм при музее или музей при храме?**
Интервью с протоиереем Николаем Соколовым
и Л.В.Ковтыревой 19
- **Наши попечители**
Лев Порфиоров 22
- **«Софрино»: 20 лет**
Интервью с Е.А.Пархаевым 24
- **«Я видела закат старой Академии...»**
Воспоминания М.А.Голубцовой 28
- **Тяжелая дума**
А.И.Яковлев 32
- **Величит душа моя Господа**
Преподобный Никодим Святогорец 40
- **Основы духовной жизни**
А.И.Осипов 44
- **Жизнь иконы**
Протоиерей Георгий Дробот 50
- **Тропарь Успению**
Андрей Бессарабов 56
- **Пути парижского богословия**
Сергей Тутунов 57
- **Псковское Духовное Училище**
Максим Кузнецов 64

Путеводитель по Церковно-археологическому кабинету
Стр. 10

История Свято-Сергиевского
богословского института в Париже
Стр. 57

На 1-й и 4-й стр. обложки: Церковно-археологический кабинет при Московской Духовной Академии. Фото Сергея Правдолюбова. На 2-й стр. обложки: Благовещенский храм Московского Кремля. Фото священника Дмитрия Шалаева. На 3-й стр. обложки: Псковский Кремль. Фото Михаила Вахрушева.

При использовании материалов ссылка на «Встречу» обязательна. Редакция будет рада любому сотрудничеству, особенно со студентами.

Редакция благодарит администрацию, сотрудников канцелярии и ЦАК МДА за помощь в подготовке этого номера.

НЕ ПРОСТО МУЗЕЙ, А ПРОДОЛЖЕНИЕ ХРАМА

Интервью с заведующим Церковно-археологическим кабинетом
Московской Духовной Академии игуменом Антонием (Паканичем)

Для тысяч и тысяч посетителей и паломников первое знакомство с Московской Духовной Академией традиционно начинается с посещения Покровского академического храма и Церковно-археологического кабинета, который на протяжении многих лет оставался единственным подлинно церковным собранием памятников христианского искусства. Его удивительная судьба является одной из самых ярких страниц новейшей истории не только Московской Духовной Академии, но и всей Русской Церкви. О современной жизни ЦАКа рассказывает предлагаемое Вашему вниманию интервью.

— Отец Антоний, не могли бы Вы рассказать об основных направлениях деятельности Церковно-археологического кабинета и о том месте, которое он занимает сегодня в жизни Московских Духовных школ?

— Церковно-археологический кабинет — это часть большого и сложного организма Московских Духовных школ, и, по сути, уже нельзя представить нашу Академию без ЦАКа. В настоящее время деятельность ЦАКа имеет три направления.

Во-первых, это учебный кабинет кафедры Церковной археологии и Церковного искусства. Очень важно в общем процессе воспитания и образования будущих пастырей Церкви Христовой привить им любовь к церковной традиции, церковной старине. Необходимо также дать правильное понимание истинной красоты, красоты во всем, в том числе и в искусстве, которое должно помогать человеку в его преображении и восхождении к Богу. И в этом плане собрание ЦАКа является наглядным пособием для студентов Московских Духовных школ. Во-вторых, ЦАК — это музей на правах частной коллекции. Ежегодно его посещают более 30 тысяч человек, как наших соотечественников, так и иностранцев. Надо сказать, что за рубежом ЦАК пользуется широкой известностью. Это связано с тем, что долгое время, вплоть до

начала 90-х годов, по большей части, именно иностранные делегации имели доступ в ЦАК. Для граждан же Советского Союза (учитывая, что музей церковный, а государство исповедовало атеистическую идеологию) необходимо было получить санкцию Совета по делам религий. Понятно, что не каждый отваживался на такой шаг. Сейчас ситуация изменилась: никаких внешних ограничений не существует, поэтому всякий желающий может ознакомиться с нашим собранием.

И, наконец, в-третьих, ЦАК служит, если так можно выразиться, рабочей мастерской для студентов Иконописной школы при МДА, которые имеют уникальную возможность учиться иконописи не по фотографиям и иллюстрациям, а по подлинникам. Возможно, в этом и кроется секрет высокого уровня выпускников нашей Иконописной школы.

— Часто, входя в залы ЦАКа, посетители спрашивают: «Откуда у вас вся эта красота?» Действительно, каким образом и на какие средства создавался академический музей?

— Вы правы, собрание ЦАКа оказывает на посетителей очень большое впечатление, но еще больше все удивляются, когда узнают, что все увиденное, за небольшим исключением, — это пожертвования. Дело в том, что в дореволюционное время каждая Духовная Академия имела свой Церковно-археологический музей. Однако, вскоре после трагических событий 1917 года духовные учебные заведения Русской Православной Церкви прекратили свое существование. Во время большевистской экспроприации церковных ценностей бесследно исчезло и все собрание Церковно-археологического музея при МДА. Только с возрождением Московской Духовной Академии и переводом ее в 1948 году вновь в Троице-Сергиеву Лавру возникла возможность воссоздания Академического музея. Первые шаги в этом направлении были предприняты по благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I в 1950 году. Церковно-археологический кабинет начал свое существование с икон, подаренных самим Святейшим Патриархом, который до последних дней своей жизни принимал активнейшее участие в жизни ЦАКа. Его примеру последовали многие преосвященные архиереи, священнослужители и миряне. Причем последние, учитывая непростые отношения между Церковью и государством, часто просили не фиксировать в книгах поступления их имена. Таким образом, как говорится, «с миру по нитке», и была собрана уникальная коллекция Церковно-археологического кабинета.

— Обновляется ли экспозиция музея?

— Современная экспозиция в основном была создана трудами профессора, протоиерея Алексея Остапова, который более двадцати лет являлся заведующим ЦАКа. Конечно, время от времени эта экспозиция обновляется за счет фондов и запасников. Есть и новые поступления или, точнее, пожертвования. Из наиболее ценных и интересных, поступивших за последнее время, можно вы-

делить подписную икону Святителя Николая работы Симона Ушакова, коллекцию медных крестов (XII–XVI веков), дарохранильницу XVIII века и некоторые другие экспонаты.

— *Очевидно, что обеспечение жизнедеятельности собрания церковного искусства такого уровня как ЦАК МДА требует особых усилий. Это и реставрация самих памятников, и ремонт тех исторических помещений, в которых они размещены, и многое другое. Какие шаги удастся предпринимать в этом направлении?*

— Вы коснулись очень важных аспектов жизнедеятельности нашего кабинета, проблемных для любого музея, потому что мы имеем дело с предметами, которым несколько веков, и они требуют постоянного контроля, а при необходимости — реставрации. Эта обязанность возложена на реставрационно-художественную мастерскую при ЦАКе, в которой работают высококвалифицированные специалисты во главе с реставратором высшей категории — Е.С.Чураковой. За последние годы удалось кое-что сделать и в плане реставрации и ремонта самих помещений ЦАКа. Три зала, где экспонируются иконы, оборудованы современной музейной подсветкой, полностью отремонтированы мемориальный кабинет Святейшего Патриарха Алексия I, помещения изофонда и художественно-реставрационной мастерской. В Малом актовом зале и так называемом Елизаветинском зале нам удалось заменить паркет, сохранив его первоначальный вид. Все это требует немалых материальных затрат, и без помощи благотворителей мы не смогли бы осуществить весь комплекс работ, учитывая непростое финансовое положение Духовных школ. Поэтому мы благодарны всем, кто откликается на нашу просьбу и помогает нам приобретать и сохранять бесценные реликвии.

— *Не менее существенной и необходимой стороной жизни музея является проведение в нем научной работы по исследованию и изучению собственных фондов. Ведется ли в ЦАКе такая работа и сотрудничаете ли вы в этой сфере с работниками светских музеев?*

— Всю пятидесятилетнюю историю ЦАКа можно условно разделить на два периода. С 1950 года по 1990 год — это период собирания. Начиная с 90-х годов назрела необходимость, и, самое главное, стало возможным научное описание и исследование всего собрания ЦАКа. Конечно, научная работа велась с момента образования кабинета, но она не носила целостного характера. Исследования велись по конкретным предметам или отдельным коллекциям, однако полного, в строгом смысле слова, научного описания не было, так как для этой работы, учитывая все разнообразие нашего собрания, требовалось привлечение широкого круга специалистов — по преимуществу — сотрудников светских музеев. Такое сотрудничество между церковным музеем и государственным, причем сотрудничество равноправное, стало возможным только в последние годы. Мы очень рады, что у нас сложились хорошие отношения со многими московскими музеями. Особенно хотелось бы отметить Центральный музей древнерусской культуры и искусства

Практические занятия у студентов-иконописцев

имени преподобного Андрея Рублева. Именно после нашего совместного обращения в Российский Гуманитарный фонд нам был выделен грант для научного описания всего собрания ЦАКа. Трехлетний проект предусматривает, что к концу 2000 года мы будем иметь краткий каталог всего собрания. Сотрудниками указанного музея создана компьютерная база данных, учитывающая специфику ЦАКа. Хотелось надеяться, что это плодотворное сотрудничество будет развиваться и в дальнейшем.

— *Отец Антоний, а каково в целом Ваше отношение к злободневной проблеме взаимоотношений Церкви и государственных музеев? Возможен ли компромисс между двумя подчас воюющими сторонами?*

— Мне кажется, что проблемы во взаимоотношениях между Церковью и государственными музеями в правовом государстве (к которому, надеемся, стремится Россия), в принципе, быть не может. Вся острота этих взаимоотношений создана и муслируется искусственно. В какой-то мере, сложное отношение некоторых сотрудников к Церкви является отголоском прошлых десятиле-

Первая экскурсия для первого курса

тий. Мы переживаем очень нелегкий период истории нашего государства — период глобальной переоценки всех сфер жизни. И очень важно, чтобы общество, отрекаясь от тоталитарной атеистической и антицерковной идеологии, дало объективную, правильную оценку роли Церкви в истории государства и его культуре. Ведь именно Церковь создавала и хранила на протяжении веков бесценные сокровища, которыми сейчас гордится Россия.

— Полноценная работа музея требует профессиональной подготовки сотрудников — хранителей и экскурсоводов. Как решается кадровый вопрос в ЦАКе?

— Кадровый вопрос очень важен в любой структуре, и я рад, что в Церковно-археологическом кабинете трудятся не просто специалисты высокого уровня, но прежде всего люди глубоко верующие и преданные своему делу. Что касается профессиональной подготовки, то она проходит по-разному. В художественно-реставрационной мастерской работают реставраторы, окончившие иконописные отделения или школы и прошедшие стажировку по реставрации в нашей мастерской или во Всероссийском художественном научно-реставрационном центре имени академика И.Э.Грабаря. Большинство из них получили в Министерстве Культуры соответствующие категории художников-реставраторов. Хранителей, учитывая особую специфику, ЦАК готовит для себя сам. Научная работа курируется выпускницей Свято-Тихоновского Богословского института, которая закончила факультет Церковного искусства на отделении Истории христианского искусства. Что касается экскурсоводов, то они у нас не профессионалы в строгом смысле, а студенты Академии и Семинарии, и это не случайность, а наш принципиальный подход. Церковно-археологический кабинет создан для Духовных школ, для студентов, и поэтому представлять его внешнему миру должны именно они.

— Среди православной общественности бытует мнение, что место иконы не в музее, а в храме. Как с этим согласуется существование самого кабинета?

— Теперь все чаще говорят, что место иконы в храме, а не в музее. И я с этим согласен. Однако существует и другая сторона этого вопроса. Было время, когда люди, не умеющие хранить свои святыни, уничтожали их. Тогда многие музеи старались спасти все, что возможно, в том числе и иконы. Они изучали памятники церковного искусства и делились результатами своего труда с теми, кто не переставал в них видеть высокие образцы многовекового художественного творчества. Теперь во многом изменился взгляд на икону. Стали ценить ее как святыню и заговорили о передаче икон в храмы. Если согласиться с такой точкой зрения, то как относиться к ЦАКу? ЦАК, строго говоря, не музей. Не зря он так и называется — кабинет.

Другой вопрос: как относиться к тому, что в ЦАКе собрано большое количество икон, размещенных в залах и находящихся в запасниках, в то время как новые храмы, вновь построенные или восстановленные, так нуждаются в иконах. Не лучше ли иконы передать в храмы? Думаю, что не следует этого делать. Во-первых, потому, что ЦАК можно рассматривать как продолжение храма Московской Духовной Академии. Он создавался для учащихся Духовных школ, и он учит их и научит многому, если студенты будут усердно учиться смотреть, видеть, чувствовать и ценить это собрание самых разных икон. Во-вторых, тем, кто считает, что такое множество икон не следует сосредотачивать в одном месте, можно ответить: да, в храме меньше икон. Но в храме иконы, как и богослужбные книги, несколько иначе «работают», чем в музеях. Можно молиться, имея одну икону, но учиться лучше — видя многие. Тем более учащимся Духовных школ. В-третьих, собрание икон помогает выделить лучшие из них по выразительности, по соответствию созданного образа духовному опыту Церкви и научить будущих пастырей и иконописцев отличать подлинно церковное искусство от суррогатов. Ведь не уметь этого — а как уметь, не учась? — значит потерять духовное наследие предшествовавших поколений.

— Послушание заведующего ЦАКом требует и самоотдачи, и опыта, и сил. Насколько для Вас это непростое послушание является благодарным?

— Любое послушание в Церкви требует самоотдачи и сил, а опыт приходит со временем. Главное — любить то, чем занимаешься. Относительно же благодарности я думаю, что мы, христиане, отдавая все свои силы и способности во славу Троицы Божьей, во благо Церкви Христовой, должны всегда помнить евангельские слова: *Мы рабы ничего не стоящие; потому что сделали, что должны были сделать* (Лк. 17,10).

Материал подготовил
иеромонах Нестор (Сиротенко),
2 курс МДА

«Очарован вашим гостеприимством...»

ПОДБОРКА ЗАПИСЕЙ ИЗ КНИГИ ОТЗЫВОВ ЦАКА

Нельзя не поблагодарить инициаторов собрания этого уголка, отображающего жизнь и деятельность нашего Святейшего Отца. В этой комнате собрано то, что ярко представляет высокую личность и исторический подвиг нашего Первосвятителя (Патриарха Алексия I — прим. ред).

Митрополит Крутицкий Николай. 27 мая 1949.

Славная Московская Духовная Академия, сколько ты вскормила людей своим священным материнским молоком! Сколько Ты дала Родине своей и Православной Церкви умных, трудолюбивых, великих патриотов и деятелей...

Митрополит Кутаисский Ефрем. 27 июля 1951.

Очень благодарны за замечательный прием, прекрасный обед и гостеприимство.

Семья Кеннеди, США. 4 сентября 1955.

В третий раз я посещаю Московскую Духовную Академию и радуюсь, что могу видеть здесь пример проявления всемогущества Божиего, и возношу благодарность Ему за то, что имею великую честь принадлежать к Святой Православной Церкви.

Архимандрит Дионисий (Шамбо), Франция. 6 июня 1960.

Как благодарить вас за столь приятный и теплый прием, если не выразить горячего желания приехать к вам снова!!!

Андре Коолс, вице-премьер Правительства Бельгии. 2 ноября 1972.

Очарован вашим гостеприимством и великодушием. Особо хотел бы выразить восхищение преподавательской корпорацией вашей Школы. С благодарностью,

проф. Фриц Махмон, Президент Интернациональной Экономической Ассоциации. 14 декабря 1972.

Очень благодарим за один из наиболее интересных дней пребывания в России и оказанное необыкновенное гостеприимство. Я всегда это буду помнить.

Зигфрид Сикорски.

Американская вертолетная компания. 27 июля 1973.

Для меня было чрезвычайной честью посетить Московскую Духовную Академию и Семинарию в качестве

гостя. Я мечтаю о возможности посетить еще раз вашу Лавру.

Джон Кэмпбелл.

Совет по внешней политике США. 25 октября 1973.

Я в тридцатый раз посещаю СССР, но сегодня я впервые приехал в Троице-Сергиеву Лавру и Московскую Духовную Академию. Этот визит помог мне многое понять и оценить по-новому. Мне кажется, что то, что я узнал сегодня, должны узнать все мои соотечественники в Японии и все люди нашей планеты...

Фумио Абэ. 2 мая 1974.

Как всегда, был искренне рад и глубоко тронут посещением Московской Духовной Академии и молитвенно желаю ей всяческого преуспеяния и процветания во славу Русской Православной Церкви, молитвами преподобного Сергия под Покровом Божией Матери.

Архиепископ Брюссельский и Бельгийский Василий. 24 мая 1974.

Искренне благодарю за гостеприимство, которое было мне оказано в этом прекрасном месте — центре религии, культуры и христианского братства. Пусть Бог всегда охраняет Загорск, его монахов и особенно протоиерея Алексея Даниловича Остапова.

Габриэль Вальдес, заместитель Ген. Секретаря ООН. 30 июня 1974.

Посещение Загорска подарило нам не только удивительно красивое утро, но благодаря доброте и гостеприимству хозяев, и духовное прозрение...

Самкалден, бургомистр Амстердама. 18 октября 1974.

Мы прибыли в Россию для того, чтобы укрепить связи дружбы через более глубокое взаимное знакомство, и не могло быть лучшего места для завершения нашего пребывания здесь, чем то, которое мы сегодня посетили. С глубокой признательностью и приглашением встретиться в Венеции,

министр Дж. Рамли. 14 февраля 1979.

Посетив славную своей церковно-богословской традицией Московскую Духовную Академию, выражаем искреннюю благодарность за сердечное гостеприимство и

Посещение В.В. Путиным Церковно-археологического кабинета Московской Духовной Академии

возможность братского общения, которое, верим мы, принесет свой вклад в дальнейшее развитие отношений между двумя высшими богословскими школами Русской Православной Церкви.

*Ректор Ленинградской Духовной Академии
архиепископ Выборгский Кирилл
с группой студентов 1 курса ЛДА. 2 июня 1979.*

Христос воистину воскрес!!!

Франко Ваккари, Италия. 21.11.1987.

Посещение высокими гостями Московской Духовной Академии и свидетельствует о всеобщем глубоком уважении к этой древней Духовной школе. Господь да продлит Свою помощь и благословение на труды ваши в новом учебном году по воспитанию пастырей Церкви.

*Патриарх Московский и всея Руси Пимен.
14 октября 1989.*

Сегодня для меня был день откровения. Получила столько информации о вере, сколько не получала за всю жизнь. Нужно обо всем этом рассказывать людям.

*О.Боброва, корреспондент журнала
«Студенческий меридиан». 18 декабря 1989.*

Оказывается, я ничего не знал!

№. 22 апреля 1990.

Здесь, в месте святом для каждого русского человека, хочется поклониться всем, кто пронес через века идеалы любви, добра и справедливости, кто и ныне укрепляет веру в духовность и величие матушки-России. С уважением,

Г. Зюганов. 7 апреля 1996.

Сбольшой любовью посетил я Московскую Духовную академию и Семинарию, где прошли мои юношеские годы. Бог да благословит здесь учащихся и учащихся.

*Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II.
8 октября 1996.*

История России, Русская Православная Церковь и судьба России неразделимы.

*Председатель Правительства В. Путин.
13 декабря 1999.*

Все россияне должны прикоснуться к святыням нашей Лавры. Именно здесь возвышается дух русского человека.

Г. Селезнев. 30 декабря 1999.

От Византии до Палеха

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ЦЕРКОВНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ КАБИНЕТУ МДА

В этом году Церковно-археологический кабинет при Московской Духовной Академии отмечает свой полувековой юбилей. Представленная здесь экспозиция предметов церковного искусства является частной коллекцией Московской Духовной Академии. Собрание известно далеко за пределами Троице-Сергиевой Лавры, о чем свидетельствует большое количество гостей как из нашей страны, так и из-за рубежа. В юбилейный год принято подводить итоги. Мы предлагаем вниманию читателей материал об истории музея и его современной экспозиции.

История дореволюционной коллекции музея восходит к 1814 году, когда Академия была переведена в Троице-Сергиеву Лавру. Учебный корпус располагался в Царских Чертогах или, как они еще назывались, Писаревских палатах. Уже тогда в собственность Академии отошли два больших портрета Елизаветы Петровны и Екатерины Великой работы русского художника А. Антропова. В дополнение к ним были приобретены несколько портретов видных иерархов Церкви в их числе, митрополита Платона (Левшина). Дальнейший рост коллекции происходил за счет пожертвований. В 1871 году по инициативе ректора протоиерея Александра Горского при библиотеке МДА была выделена комната, в которой разместили экспонаты. Официальное открытие Церковно-археологического музея (ЦАМ) состоялось 30 сентября 1880 года, после подписания Священным Синодом соответствующего постановления.

Первоначально музей был расположен в библиотеке. С 1891 года он занимал северо-восточную часть актового зала в здании Чертогов. К 1919 году коллекция включала около 3000 предметов древности — монет, медалей, икон, произведений прикладного искусства.

Декрет Советской власти от 5 февраля 1918 года об отделении Церкви от государства и школы от Церкви 12 пунктом запретил церковным и религиозным обществам владеть собственностью как не имеющим прав юридического лица. В соответствии с указом от 5 декабря 1919 года ЦАМ поступил в ведение Всероссийской коллегии охраны памятников искусства и старины. Декрет об изъятии церковных ценностей от 23 февраля 1922 года завершил историю Церковно-археологического музея при МДА.

Только в 1950 году по благословию Святейшего Патриарха Алексия I при возрожденной Московской Духовной Академии был создан Церковно-археологический кабинет (ЦАК), экспонаты которого первоначально размещались в двух-трех шкафах в актовом зале. Под руководством иеромонаха Сергия (Голубцова), а затем протоиерея Алексия Остапова была собрана новая коллекция, знакомящая нас с историей Церкви через соприкосновение с церковным искусством разных эпох. Развитие иконографии, возникновение различных школ письма, появление книгопечатания, совершенствование резьбы и мелкой пластики — обо все этом и многом другом можно узнать при внимательном изучении собрания.

Двухчастная икона. IX–XII в.

ЦАК является крупнейшим церковным музеем в стране, до недавнего времени не имевшим аналогов. Он не финансируется государством, и его фонды собраны в основном за счет пожертвований частных лиц.

Святейший Патриарх Алексий I ставил перед музеем учебно-просветительскую задачу. Протоиерей Алексей Остапов сформулировал ее как собирание образцов церковного изобразительного искусства всех времен, в том числе и новейшего, чтобы студенты смотрели и учились отличать новое от старого, хорошее от слабого, нужное от менее необходимого. В наше время, когда многие нецерковные люди интересуются Православием, ЦАК исполняет еще одну задачу — миссионерскую, ибо для ряда людей путь к Богу через приобщение к церковному искусству оказывается кратчайшим.

ЗАЛ № 1: ИКОНЫ ПРАВОСЛАВНОГО ВОСТОКА И ДРЕВНЕРУССКИЕ ИКОНЫ

Первые три зала музея посвящены преимущественно русской иконе, однако в первом из них собрана коллекция икон Православного Востока и представлены макеты известнейших христианских храмов. Кроме этого, выделяется небольшая экспозиция, знакомящая посетителей с эпохой раннего христианства. Она включает в себя макеты римских катакомб (убежище первых христиан), Колизея (место казни христианских мучеников) и копии предметов, относящихся к тому времени: глиняных светильников, металлических и каменных печатей для просфор и других. Фотографии раннехристианских фресок и интерьера катакомб дополняют это собрание.

Древняя христианская архитектура представлена макетами базилики IV века, храма святого Виталия в Равенне, знаменитого своими сохранившимися доиконоборческими мозаиками VI века, и собора святой Софии в Константинополе, построенного архитекторами Анфилием из Тралл и Исидором Милетским при императоре Юстиниане и освященного в 537 году.

Макеты древнерусских храмов — Софии Киевской, церкви Покрова на Нерли и Успенского Собора Московского Кремля представляют архитектуру Киевской и Московской Руси.

Древнейшей иконой в собрании ЦАКа является двухчастная икона Божией Матери и великомученика Георгия Победоносца. Образ датируется IX–XIII веками, происходит из монастыря святого Георгия в Каире и был подарен Святейшему Патриарху Алексию Александрийским Патриархом Христофором в феврале 1945 года. Последний присутствовал среди почетных гостей на Поместном Соборе Русской Православной Церкви при избрании Патриарха, и эта икона — подарок новому предстоятелю Русской Православной Церкви. Икона надписана «Одигитрия», хотя относится к иконографическому типу «Знамение». В сознании древней Церкви любая икона Богородицы могла иметь такое надписание, ибо изображается на ней Пресвятая Дева — Путеводительница нашего спасения. Четкое разграничение образов Божией Матери на три иконографических типа офор-

милось не ранее XIX века. Долгое время существовало мнение, что данная икона выполнена в редкой технике энкаустики, в которой в качестве связующего элемента минеральных красок используется воск. Это мнение часто оспаривается (во всем мире известно всего несколько энкаустических икон), тем не менее этот образ — один из древнейших в нашей стране.

От строгого, несколько простоватого коптского письма отличается письмо византийской иконы XV века «Введение во Храм Пресвятой Богородицы», относящейся к эпохе «Палеологовского возрождения». Образ отли-

«Млекопитательница». XIV в.

чает изящество, гармоничность и богатство цветовой гаммы. На первом плане изображено событие праздника, а в верхнем левом углу иконы — Ангел, приносящий хлеб Отроковице, более десяти лет жившей в храме после Своего вхождения в него. Два события, разделенные значительными временными отрезками, сведены таким образом в одну композицию. Это возможно, поскольку в иконе преодолеваются пространственные и временные границы.

Из собрания греческих икон XVII–начала XX веков выделяется икона (предположительно XIV века), именуемая «Млекопитательница». Эта иконография появилась

как ответ Церкви на лжеучение докетов, утверждавших, что Бог не мог унизиться до того, чтобы родиться в простой семье и терпеть беспомощность младенца. Икона относится к Сиенской школе письма. Бросается в глаза неестественный зеленовато-серый цвет лика Богоматери на этой иконе.

Экспозиция русских икон занимает значительную часть первого, а также второй и третий залы ЦАКА. Древнейшие экспонаты, относящиеся к этому разделу коллекции, — иконы эпохи Иоанна Грозного московской школы письма: «Богоматерь Донская», «Иоанн Предтеча», «Митрополит Петр», «Собор избранных русских святых». Большинство икон украшено металлическими басменными окладами. Такой оклад изготавливался из разрезанной в разных направлениях пластины с орнаментом. Икона архангела Михаила и святого Андрея Первозванного являет пример классического московского письма, ее отличает гармоничность и внутреннее спокойствие образов. Она датируется третьей четвертью XVI века и написана в придворных государевых иконописных мастерских.

В соборании представлены образцы Царских врат XVII века с изображением Благовещения и образами четырех евангелистов либо авторов Литургии на створках.

Интерес представляет и двусторонняя запрестольная икона того же времени, на одной из сторон которой изображена Богородица «Оранта», а на другой — святитель Николай Чудотворец. Эта традиция на Руси восходит к XII веку, когда была написана знаменитая новгородская икона «Знамение» — двусторонний образ.

ЗАЛ № 2: РУССКАЯ ИКОНА XVII—XIX ВВ.

Экспозиция второго зала продолжает знакомить посетителей с русской иконой. Здесь помещены русские иконы преимущественно XVII—XIX веков, среди которых выделяются некоторые редкие и необычные образы.

В первую очередь, это «мерная» икона — образ, написанный в рост новорожденного младенца (XVII в.). Икона изображает небесного покровителя ребенка — в данном случае святителя Алексия, митрополита Московского. Предание гласит, что эта икона была написана для будущего царя Алексия Михайловича. По существовавшей традиции младенца измеряли, а затем заказывали иконописцу «мерный» или «ростовой» образ.

Внимание привлекают резные иконы «Лоно Авраамово» и «Лествица, возводящая на Небо». Для их создания резчик и иконописец объединили свои усилия.

Икона благоразумного разбойника (XVII в.) с орудием страдания — крестом — является свидетельством того, что Господь принимает покаяние даже пришедшего в *единодесятый час* (Мф. 20, 9). В связи с этим уместно заметить, что икона написана на северной алтарной двери, которая ведет к жертвеннику. Этим Церковь указывает верующим на то, что вход в райские обители лежит через покаяние. Список с иконы помещен в иконостас Академического храма — крайний слева образ.

«Благоразумный разбойник». XVII в.

Нельзя не отметить и походный иконостас-складень работы палехских мастеров XIX века. Традиция изготавливать подобные иконостасы для священнослужителей, сопровождавших русскую армию в военных походах, восходит к XVII веку. Складень имеет четыре ряда священных изображений, исключая, разумеется, местный ряд с Царскими Вратами. Перед такими иконами духовенство совершало богослужение для солдат в полевых условиях.

Одними из наиболее ценных экспонатов музея по праву считаются личные вещи преподобного Сергия, находящиеся в этом зале. Среди святынь — сандалии Преподобного, которые он, по преданию, сделал своими руками и в которых был впоследствии погребен; также металлический инструмент — резец и вырезанные из дерева священные сосуды, использовавшиеся Преподобным за богослужением. На кирпиче из захоронения святого написана икона самого преподобного Сергия и священномученика Панкратия, в день памяти которого были обреты мощи игумена Земли русской.

В витринах зала помещена коллекция малых икон: складни, иконы на металле, а также таблетки — небольшие двусторонние иконы, писанные не на доске, а на пролевах холсте. Наиболее известными являются новгородские таблетки.

ЗАЛ № 3: ОБРАЗЦЫ ИКОНОГРАФИИ

Иконография образов Христа, Божией Матери и некоторых особо чтимых святых на Руси чрезвычайно богата. Ей посвящен третий зал ЦАКа.

Образы Христа в собрании представлены иконами «Спас Нерукотворный» (икона XVII века «Спас на убресе» и несколько икон «Спас мокрая борода»), «Господь Вседержитель», «Спас в силах», «Спас Смоленский» (ростовой образ) и некоторыми другими. Очень необычна икона «Спас Эммануил», изображающая Христа в отроческом возрасте. Эта древняя иконография в наше время практически не встречается.

Иконы Божией Матери представлены более чем семидесятью экспонатами трех основных иконографических типов.

К типу «Оранта» относится новгородская икона «Знамение». Это список с чудотворной иконы, прославившейся в XII веке во время осады Новгорода объединенной армией семидесяти двух русских князей в 1170 году. Икона датируется 1727 годом и является подписной работой новгородского священника Георгия (по его словам, «подобие и мера чудотворного образа»). К этому же иконографическому типу относится икона «Знамение» из Курской-Коренной пустыни.

Широко представлен в нашей коллекции и тип «Одигитрия», прообразом которого, согласно церковному преданию, явилась икона, написанная святым апостолом и евангелистом Лукой. На Руси широкое распространение получили многочисленные варианты Одигитрии: Казанская, Смоленская, Иверская, Тихвинская, Грузинская иконы Божией Матери и многие другие.

«Прибавление ума». XIX–XX в.

Третий тип — «Умиление» — представлен рядом икон, из которых наиболее известны Владимирская, Толгская, Феодоровская, Волоколамская (вариант Владимирской иконы).

Наиболее крупный образ в собрании — икона Божией Матери «Всех скорбящих Радость», происходящая из обители святого Иоанна Златоуста в Москве, для которой она, согласно надписанию, была заказана монахом Александром. Заказ был выполнен в 1780 году.

Среди поздних икон (конца XIX — начала XX века) стоит отметить особо чтимую учащимися икону «Прибавление ума» — список с иконы, находящейся в Ярославле.

Самый поздний образ из представленных в этом зале — Порт-Артурская икона, изображающая Божию Матерь в рост, как на иконе Покрова, однако в руках Ее не омофор, а развернутый плат с образом Нерукотворного Спаса. Она как бы указывает людям на Того, Кто является истинной Надеждой. Икона была написана по указанию севастопольского мастера в 1903 году. Ему явилась Богородица и повелела написать Ее образ, который стал бы благословением «воинству дальней России». Во время русско-японской войны образ находился во Владивостоке и должен был быть передан защитникам Порт-Артура, однако этому помешал ряд обстоятельств. Сейчас в ЦАКе находится список с иконы, некогда утраченной, а ныне снова пребывающей во Владивостоке.

В третьем зале представлены также иконы святителя Николая. Среди них выделяется редкий старообрядческий образ «Никола отвратный», на котором святитель изображен в пол-оборота головы.

Одна из икон Спасителя написана Симоном Ушаковым, о чем свидетельствует надпись на нижнем поле иконы: «писал изограф, Федоров сын, по прозванию Симон Ушаков». В зале также представлена иконография образов пророка Божия Илии и Иоанна Предтечи.

МЕМОРИАЛЬНЫЙ ЗАЛ И КЕЛЬЯ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ I

Особое место в Церковно-археологическом кабинете занимает экспозиция, посвященная памяти выпускника МДА, выдающегося деятеля Русской Православной Церкви Святейшего патриарха Алексия I (Симанского), с чьим именем связано создание ЦАКа.

В комнате, где проживал монах-студент Алексей, собраны материалы, в большинстве своем фотографические, рассказывающие о юности и первых опытах административной и пастырской деятельности будущего Патриарха в должности инспектора Псковской Семинарии, а затем ректора Тульской и Новгородской Духовных Семинарий.

В зале, посвященном его памяти, хранится рабочий стол, облачения и личные вещи Святейшего, а также многие церковные и государственные награды (ордена и медали), которых у Патриарха было более семидесяти. В их числе 4 ордена Трудового Красного Знамени, медаль «За оборону Ленинграда» и высшие государственные награды Сирии и Ливана.

Среди подарков предстоятелю Русской Православной Церкви можно выделить шкатулку работы палехских мастеров, подаренную в 1945 году представителями Советского Правительства новоизбранному Патриарху Московскому и всея Руси. На ней изображены батальные сцены из истории войн, которые вела Россия. Великий русский полководец, святой благоверный князь Александр Невский, изображенный вместе со святым Димитрием Донским, попирает ногой поверженного немецкого крестоносца — символ приближающейся победы над фашистской Германией. Подпись под дарственной надписью на шкатулке: И. Сталин.

Портрет Святейшего Патриарха является работой знаменитого художника и коллекционера икон Павла Корина, родившегося в Палехе в семье иконописцев и написавшего большое количество портретов видных деятелей своей эпохи.

На организацию памятного зала студенты сами испросили разрешение у Его Святейшества, дабы, как писалось в письме к нему, «видеть документы о Вашей почетной деятельности как пример для каждого из нас». Начинать оформлять зал Константин Нечаев, будущий митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим. Затем другие студенты и преподаватели дополнили экспозицию необходимыми материалами. В 1970 году в соответствии со специальным постановлением Священ-

ного Синода зал получил статус мемориального кабинета при МДА.

В стеклянной витрине рядом с кельей Святейшего хранятся личные вещи другого известного иерарха — митрополита Московского Филарета (Дроздова), причисленного к лику святых. Святитель Филарет был не только видным сторонником развития церковной науки, он имел непосредственное отношение к устройению в епархиях кабинетов церковной археологии — древлехранилищ. Такие появились при нем в Троице-Сергиевой Лавре, а также во многих епархиях. Появление ЦАМа всего через четыре года после его кончины также связано с той заботой о церковном просвещении, которую проявлял святитель.

ЗАЛ № 4: ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЕ ИСКУССТВО

Западноевропейскому искусству посвящен отдельный зал ЦАКа.

После осмотра обширного собрания икон несколько неожиданно видеть картины западных художников в экспозиции церковного музея. Неудивительно, что они помещены в отдельном зале, ибо невозможно, не создавая диссонанса, объединить в одном пространстве икону и

«Христос Спаситель с Крестом». XX в.

картину, ибо картина, даже религиозная, — это явление светского порядка. Она есть выражение индивидуальности, в нее вложена художником «частица себя». Икона же, напротив, знакомит взорающего на нее с личностью Бога, что становится возможным лишь при отказе иконописца от самости. В этом коренное отличие иконы от картины и этот зал живописи и был создан в ЦАКе для того, чтобы студенты научились чувствовать эту разницу.

Среди произведений, представленных в зале, не так много работ знаменитых художников, тем не менее нельзя обойти вниманием картину испанца Луиса де Моралеса (1510–1586) «Страждущий Христос», которая является украшением коллекции (в Эрмитаже, например, всего две работы этого художника). Картина написана на дереве, которое обработано так же, как и доска, предназначенная для написания иконы. Да и сама живопись испанского художника отличается сдержанной цветовой гаммой. Работая над лицом Христа, Моралес действует по тому же принципу, которым руководствуется иконописец: поверх темного пятна он налагает светлые красочные пятна, отчего лицо становится похожим на иконный лик. Испанцы в отличие, например, от итальянцев, более консервативны, им особенно присущи благоговение и чувство святости, что становится очевидным, если сравнить картину Моралеса с живописью итальянских художников в этом же зале. Обратив внимание на одну из таких работ «Агарь в пустыне», мы без труда увидим, что библейский сюжет здесь представлен с откровенной двусмысленностью: как «галантная» сцена, сопровождающая общение юноши (ангела) и женщины (Агари). Подобные произведения западноевропейской живописи

побудили святителя Игнатия сказать об искусстве эпохи Ренессанса: «Здесь богодухновенным пророкам придали образ беснующихся жрецов, и утонченное сладострастие дышит там, где должно быть целомудрие». Итальянское Возрождение воспевало то, что Церковь всегда врачевала как болезнь.

В собрании ЦАКа представлена коллекция живописи на фарфоре — довольно редко встречающаяся техника. Самая заметная и, бесспорно, достойная внимания работа — копия с картины художника Гофмана «Отрок Иисус среди учителей в Иерусалимском храме». Поражает детальнейшая проработка лиц, словно светящихся изнутри. При изготовлении произведений из фарфора сначала краска наносится на поверхность глины, а затем производится обжиг, после чего красочный слой часто изменяет свой цвет, поэтому художник должен иметь профессиональное «чутье», чтобы не ошибиться в выборе оттенка. Говоря о фарфоре, уместно заметить, что технология изготовления фарфора в России была разработана выпускником нашей Академии Дмитрием Виноградовым.

Отдельная витрина посвящена католической богослужебной утвари: здесь представлены Чаши для Евхаристии, кресты, гостии (дарохранительницы).

В зале находится также фисгармония, принадлежавшая великому композитору С.В.Рахманинову, автору многих церковных богослужебных произведений.

Скульптурная работа «Христос Спаситель с Крестом» — дар ЦАКу Святейшего Патриарха Алексия I, которому эта работа была подарена автором — современным испанским скульптором. Идея победы Христа над смертью показана через поправление черепа, лежащего под Его ногами. Орудием сей победы, Крестом, который Спаситель держит в руке, раздавлена гидра — исчадие ада. Испанец словно хотел проиллюстрировать всем нам известные слова церковного песнопения: «...Яко бо гордый упразднися и попан бысть на Древе силою распятого Христа».

Внимание посетителей привлекает ростовая бронзовая статуя Христа — работа итальянского скульптора, профессора Романелли, созданная им для одной из площадей города Венеции. Немецкий барон фон Мекк купил эту статую, чтобы установить ее в качестве надгробия на могиле своей дочери, похороненной в Москве на Введенском лютеранском кладбище. Известно, что среди москвичей существовала благочестивая традиция собирать воду, стекавшую с десницы Спасителя, как святую. После вкушения этой воды происходили исцеления, статуя почиталась как чудотворная. Как видим, Господь посылал милость Свою и через нетрадиционную для Русской Церкви скульптуру. В настоящее время статуя находится в экспозиции ЦАКа и доступна для посетителей, ранее же она хранилась в алтаре Смоленской церкви Троице-Сергиевой Лавры.

Большой интерес представляет также коллекция древнегреческих и древнеримских монет, самые древние из которых относятся к VI веку до Р.Х. Нумизматический отдел был и в собрании дореволюционного ЦАМа, причем большинство экспонатов взяты из него.

ЗАЛ № 5: ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО.

Коллекция памятников декоративно-прикладного искусства ЦАКа чрезвычайно разнообразна и насчитывает около трех тысяч предметов. В ней широко представлены все виды прикладного искусства: мелкая пластика, эмаль, деревянная скульптура, шитье, изделия из драгоценных металлов (богослужебные сосуды).

Наиболее древние памятники коллекции сосредоточены в разделе меднолитой пластики. Среди них прежде всего можно выделить кресты-энколпионы, панагии и настольные кресты XII–XVI веков.

Раздел экспозиции «Русские эмали XVIII — начала XX веков» насчитывает около 450 произведений и включает в себя большое количество дробниц и окладов с Евангелий, потиров, дарохранительниц и крестов.

Лицевое шитье в коллекции ЦАКа представлено многочисленными экспонатами в количестве семи предметов — образцов древнерусского шитья. Среди них наиболее ранние памятники — две епитрахили XV века с поясными изображениями святых, затем — три произведения XVI века: плащаница «Положение во гроб» и две иконы: «Богоматерь Владимирская» и «Спас Вседержитель». Ко второй половине XVII века можно отнести две шитые иконы — «София Премудрость Божия» и «Митрополит Филипп». Для более раннего церковного шитья характерно обилие цветных нитей, что не встречается в работах XVII века, поэтому древние епитрахили отличаются от более поздних шитых икон пестротой, тогда как Плащаница и Владимирская икона выдержаны в однородной цветовой гамме, в них использованы в основном металлические нити. В отдельной витрине представлены образцы современного русского шитья.

Среди центров резьбы по дереву выделяют, прежде всего, Новгород, Троице-Сергиеву и Киево-Печерскую Лавры, Нилову пустынь и другие. Большинство изделий, представленных в экспозиции, — работы монастырских резчиков. Резьба троичских мастеров конца XVIII — начала XX веков более плоскостная, тогда как работы резчиков Киево-Печерской Лавры отличаются более глубоким рельефом.

В разделе «Резьба по дереву» находится несколько скульптурных изображений преподобного Нила Столбенского, выполненных в XIX веке. Подобные изображения нередко помещали в храмах как чтимые образы святого. Как известно, преподобный Нил нес особый подвиг: никогда не ложился спать, но только дремал, сидя на пне и опершись руками о крюки, вбитые в стену. Именно в этом положении он и изображается.

В экспозиции ЦАКа выделяется целый комплекс паломнических реликвий, сделанных из перламутра, кости, камня. В основном это работы греческих мастеров XIX–XX веков. Основные сюжеты связаны со святынями христианского мира. На перламутровых резных иконах наиболее часто помещались сцены Рождества Христова, Богоявления, Благовещения, Бегства в Египет, Воскресения Христова. В витрине представлены предметы со Святой Земли: камень с горы Синай, связанный с

«Богоматерь Владимирская», лицевое шитье. XVI в.

чудесным явлением Неопалимой Купины, разноцветный песок из иудейской пустыни в стеклянном сосуде, рыбки из Тивериадского озера, именуемые рыбками апостола Петра. Здесь же находится копия одного из гвоздей, которыми Господь был пригвожден ко кресту.

«Апокалипсис». XVII в.

На двух фрагментах Мамврийского Дуба помещены живописные изображения Ветхозаветной Троицы.

Из современных изделий, привезенных из Святой Земли, можно выделить макет кувуклии, облицованный резными перламутровыми пластинами. Эта работа повторяет формы Кувуклии Гроба Господня.

В собрании ЦАКа выделяется группа мозаичных икон XIX века петербургской работы: «Спас Вседержитель», «Спас Нерукотворный», «Христос в терновом венце», «Вознесение Господне», «Святая Мария Магдалина», «Апостол Павел», «Святитель Николай», «Преподобный Сергей». Техника исполнения мозаики настолько кропотлива, что мастер зачастую не успевал за год выложить более 1 кв. м поверхности. Технология же изготовления смальты — материала для мозаики, была восстановлена выпускником Славяно-греко-латинской Академии М.В.Ломоносовым.

Большой редкостью являются также костяные иконы со сквозной ажурной резьбой работы холмогорских мастеров XVIII—XIX веков. Среди них можно особо отметить «Преображение Господне», «Распятие с предстоящими» и образ «Святые Зосима и Савватий с видом Соловецкого монастыря».

Наш музей по праву может гордиться представленными здесь древними церковными книгами, среди которых 4 рукописи и 34 печатных издания, датируемые XVI—XIX веками.

Интерес представляют рукописи XVI века: Псалтирь «с воследованием» и Устав, написанные полууставным письмом и украшенные орнаментом.

К XVII веку относится замечательный лицевой Апокалипсис с толкованием святого Андрея, архиепископа Кесарийского, имеющий богатые заставки, инициалы, концовки и пятьдесят миниатюр. Певческий сборник XVII века включает в себя Ирмологий, песнопения обихода и Октоих. Если Ирмологий имеет киноварные пометы, появившиеся после Никоновских реформ, то нотация обиходных песнопений и Октоиха еще не имеет этих помет. Печатные издания представлены книгами, вышедшими в Москве, Киеве, Остроге, Вильно, Львове. Наибольшую библиографическую ценность представляют работы русского первопечатника диакона Иоанна Федорова. Это первая печатная русская книга — «Апостол» 1564 года и «Острожская Библия» 1581 года — первая печатная Библия на Руси. Достоин внимания и «Львовский Апостол» 1574 года, который также был издан Федоровым.

В витрине с головными уборами русских иерархов представлены куколки Святейших Патриархов Никона (макет) и Сергия, а также цельнометаллическая митра святителя Димитрия Ростовского (весит около полутора килограммов), митра с меховой опушкой и редчайшая митра соломенного плетения. Здесь же помещена панягия первого русского Патриарха Иова.

ЗАЛ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИВОПИСИ

Большой раздел экспозиции посвящен картинам русских художников, писавших на религиозные темы в XIX—начале XX века. Это была эпоха возвращения к ду-

«Страстная седмица». М.В.Несторов. 1914

ховным традициям Руси, начало которой связывают с волной патриотизма, захватившей Россию после победы в войне 1812 года. Прежде художники не обращались к патриотическим и церковно-историческим темам, теперь же в русском обществе просыпается интерес к истории нашей страны и ее культуре. Художники начинают создавать полотна, рассказывающие о судьбах видных деятелей нашего государства и Русской Православной Церкви. Таковы картины С.Д.Милорадовича «Суд над Патриархом Никоном», В.В.Смирнова «Мученическая смерть князя Михаила Черниговского в Орде», А.Н.Новоскольцева «Последние минуты митрополита Филиппа» и некоторые другие.

Кроме исторической тематики многие мастера обращаются к Евангельским сюжетам. Из таких работ в собрании ЦАКа выделяются произведения Сурикова, Поленова, Маковского. Картина В.И.Сурикова «Исцеление слепорожденного» написана на сюжет IX главы Евангелия от Иоанна. Это одна из восьми крупных работ художника. Она глубоко символична: Суриков изобразил на полотне момент своего духовного прозрения. Прежде будучи неверующим человеком, художник обратился к Богу после смерти своей жены (она изображена в сумраке как непричастная уже земному временному бытию, за правым плечом Христа). Утратив опору в жизни, он обрел истинную опору в Боге. Свое обращение он расценил как исцеление от слепоты: Господь коснулся его внутренних очей, и они отверзлись. Работа датирована 1888 годом.

Интерес к евангельской тематике был настолько велик, что даже нецерковные люди, в том числе и В.Д.Поленов, посещали Святую Землю для работы над картинами в обстановке, насколько возможно приближенной к повествованию Священного Писания. Поленов посетил места, связанные с жизнью Спасителя, и оставил серию

«Исцеление слепорожденного». В.И.Суриков. 1888

Палестинских работ. Он создавал наброски с натуры, делал зарисовки пейзажей, местных жителей, а затем использовал их в своих картинах для изображения евангельских событий. В ЦАКе помещены его полотна «Христос Спаситель» и «За кого Меня почитают люди? (Исповедание апостола Петра)».

В.Е.Маковский пытается как художник осмыслить Гефсиманскую молитву Спасителя, стараясь передать в работе атмосферу духовного напряжения. В музее экспонируется эскиз к картине «Моление о Чаше».

Работа М.В.Нестерова «Страстная седмица» (1914) символически изображает духовный поиск русского народа: к Распятому Христу с молитвой притекают люди разных сословий русского общества. Здесь мы видим представителей духовенства, крестьянства, дворянства (в их числе Н.В.Гоголя и Ф.М.Достоевского). Действительно, в XIX веке общество в лице своих лучших представителей обращается к тем христианским идеалам, которыми жила Святая Русь. Неудивительно, что пейзаж, использованный в работе — типично русский, не имеющий ничего общего с Палестиной. Художник писал его

недалеко от Сергиева Посада. К теме Святой Руси обращены и картины «Видение Христа отроку Варфоломею» (будущему преподобному Сергию) и «Всадники».

Однако некоторые из тех, кто стремился к духовному возрождению, образом для подражания избирали не Русь, а Византию. Таков Виктор Васнецов, пытавшийся возродить в своих работах византийское искусство. В конце XIX — начале XX века многие храмы покрываются росписями, выполненными в «Византийском стиле». Впрочем, сам Васнецов подходил к своему эксперименту критически, говоря: «Перед иконой XVII века без сомнений поставлю свечку, а перед своей — сперва подумаю». В нашем музее представлены два образа Богородицы, выполненные художником.

Поскольку изменение русского самосознания было связано с войной 1812 года, то в зале находится макет храма Христа Спасителя — памятника, увековечившего славную победу. Храм строился в течение 44 лет в период правления трех императоров — Николая I, Александра II и Александра III — в благодарность Богу, Которому было угодно, чтобы земля русская очистилась от полчищ «галлов, а с ними двенадцати язык» к Рождеству 1812 года.

В экспозиции последнего зала представлены также две картины XVII века — «Праведный Ной с сыновьями» и «Прокопий и Иоанн, Устюжские чудотворцы», которые знакомят посетителей с истоками русской живописи.

В ЦАКе экспонируется коллекция икон конца XIX — начала XX века палехских мастеров. Стоит выделить уникальную работу — аналойный образ святителя Льва, Папы Римского. Святитель держит обеими руками Евангелие, причем кисти рук прикрыты офомором. Этим символическим приемом иконописец хотел показать то, что сам являлся калекой — он не имел рук и ног. Надпись на обороте иконы гласит: «Сию икону писал зубами Григорий Журавлев Самарской губернии. Бузулуки, 30 декабря 1892 года».

Уникальная по технике исполнения, а потому достойная внимания еще одна работа — гравюра с изображением Христа в терновом венце. Мастер выполнил одной спиралеобразной чертой лик Спасителя, сделав 166 оборотов циркулем, и путем соответствующего нажима оставлял более яркие или более тонкие линии. Автор стремился передать в своем произведении идею единства Божества, поэтому внизу сделана надпись: «Единый единою чертою».

Коллекция ЦАКа с течением времени пополняется, о чем свидетельствуют и последние поступления в музей, в частности, юбилейные медали, посвященные празднованию 2000-летия Рождества Христова, которые выставлены в последнем зале.

Хотя и невозможно в одной журнальной статье рассказать о всем богатстве собрания ЦАКа, хочется надеяться, что эта публикация подготовит читателя к знакомству с нашим музеем, а тому, кто здесь уже побывал, напомнит о его посещении.

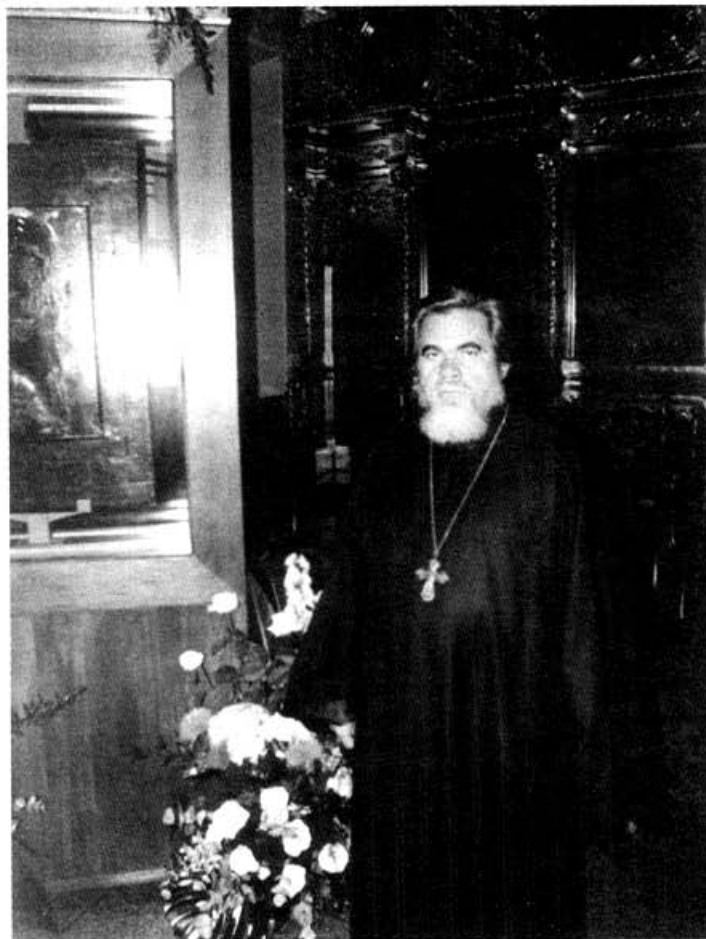
Алексей Моисеев, 4 курс МДС

Храм при музее или музей при храме?

Уникальный, на наш взгляд, опыт взаимодействия музея и Церкви имеется сегодня в Третьяковской галерее. На ее территории воссоздан храм, в который передан целый ряд древнейших икон. Таким образом, эти святыни Земли Русской, оставаясь экспонатами музея, в то же время используются в своем исконном предназначении. О своем видении решения проблемы взаимоотношений Церкви и музея рассказывают протоиерей Николай Соколов, настоятель храма Святителя Николая в Толмачах, и научный сотрудник отдела древнерусского искусства Государственной Третьяковской галереи Людмила Владимировна Ковтырева.

— Сегодня суть основных разногласий между музеями и Церковью сводится к одному вопросу: кто будет владеть культурными ценностями, ранее принадлежавшими Церкви и имеющими ныне общенациональное значение. Какие, на Ваш взгляд, существуют пути решения данного вопроса?

Отец Николай: Сегодня в нашем обществе существуют две четко определенные сферы — духовная и светская. Некоторые вещи целиком и полностью принадлежат духовной культуре — это храмы, утварь, облачения священников, богослужебные книги, иконы, написанные для храмов. Это вещи культового употребления и должны, безусловно, использоваться по своему прямому назначению — для богослужения. Но есть и светская культура, которая прочно вошла в наш быт. Когда писались иконы, этой культуры почти не было, сегодня же она стала неотъемлемой частью нашей жизни. И главная проблема в том, что за 70 лет существования атеистического государства в музейные фонды попало множество предметов культового назначения: икон, образцов прикладного искусства, книг и так далее. Ранее все это находилось в храмах, а сегодня выставляется в музеях. Получается, что две указанные сферы жизни вступают в противоречие между собой. Но на мой взгляд, конфликта можно избежать, создавая структуры подобные той, которую, к счастью, нам удалось создать при Третьяковской галерее. Промыслом Божиим верующим был возвращен храм, имеющий более чем трехсотлетнюю историю. В нем возобновлено богослужение, но одновременно он не ушел

из ведения Третьяковки, и, как и прежде, остается хранилищем древнерусской иконы, скульптуры, живописи. Все это выставлено здесь уже не просто как в музее, а как в храме, то есть в своем исконном предназначении. Имея добрые отношения с музеем, мы по благословению Святейшего Патриарха Алексия создали общину храма-музея, в которую входят только музейные сотрудники. На мой взгляд, это идеальное решение вопроса. На почве взаимодействия музея и храма возникает новый духовный организм, в котором сосуществуют, не мешая друг другу, и светская, и духовная культуры. Церковь не вмешивается в дела музея, а музей, в свою очередь, дает свободу для отправления всех богослужений, таинств и обрядов, которые положены по уставу Церкви.

— Нередко музеи обвиняют священнослужителей в неправильном хранении предметов старины. Приходилось ли Вам сталкиваться с подобными проблемами?

О. Н.: К сожалению, во многих регионах России случаются подобные конфликты. Но в нашем храме дело обстоит иначе. Все наши прихожане — это верующие сотрудники Галереи. Первоначально в общине состоял также директор музея, ныне покойный Юрий Константинович Королев, благодаря которому и был открыт храм. Входить в конфликт с самим собой неестественно. Поэтому, если на базе музеев могут быть созданы такие условия, чтобы музейные работники, будучи зрителями, хранителями, реставраторами были бы членами того или иного православного прихода, то это может предотвратить конфликты. Ведь, действительно, наши приходы часто состоят из людей, которые понятия не имеют ни о хранении, ни об отношении к живописи или иконописи, ни о температурно-влажностном режиме. Это вызывает определенные опасения. Неграмотное обращение с произведениями искусства может привести к их гибели. А это недопустимо и с точки зрения светской, и с точки зрения духовной.

Людмила Ковтырева: Нельзя забывать о том, что икона это часть истории нашего Отечества. Ее нужно уметь хранить, и ее нужно изучать. Есть люди, которые

говорят: «Ну, что на нее смотреть, — только молиться надо и больше ничего». Мне ближе та мысль, что все-таки икону по мере сил надо пытаться постигать. Ведь каждое время имело свой язык, свое представление о прекрасном, и икона это отражает. Сегодня какие-нибудь провинциальные храмы могут потребовать, чтобы им вернули из Третьяковки их иконы. Но как, скажем, Рублева отправить в село Васильевское? Конечно, это недопустимо. И в этом смысле музей оказывается такой пристанью и гаванью, которая дает возможность встречи, поклонения и исследования, а главное, сбережения того, что есть. Может быть, придут другие времена, вопросы будут решаться иначе, но на сегодняшний день ситуация такова, что музей оказался тем местом, где собраны, сохранены и продолжают сохраняться наши национальные святыни.

— Людмила Владимировна, если я Вас правильно понял, Вы считаете, что музеи сегодня являются предпочтительным местом хранения икон?

Л.К.: Здесь есть опасность увлечься очередной экспроприацией. После революции это была экспроприация церковных ценностей, а сегодня такие же горячие головы говорят об экспроприации музейных собраний икон. Почему никто из них не заглянет в антикварные магазины. Их полки уставлены чиновными иконами, не коллекционными домашними благословенными образами, которые передавались из рода в род, а именно церковными иконами, которые были вывезены, иногда варварски и стали сегодня частной собственностью определенных людей. Посмотрите, какие цены, как оцениваются эти образы! И не у кого не возникает вопроса, почему, на каком основании они продают их. Музей-то хоть не торгует. Музей перед собой ставит благие цели. При этом музеи ругают, а об антикварных магазинах никто ничего не говорит. Ведь если эти иконы собрать и отреставрировать, то сколько храмов можно ими украсить? Иконы становятся предметом купли-продажи, контрабанды, уходят за рубеж. У нас же из музея ничего за рубеж не уходит. И пусть многие сотрудники музея были неверующими, но они понимали, чем владеют, что хранят, и берегли, как могли, и нам передали. И я чувствую эту преемственность, идущую от самого Павла Михайловича Третьякова, который очень радел за наше отечество, который хотел, чтобы его музей, его собрание, дало возможность простому человеку понять, что такое русская культура. То, что при музее открылся храм — это великое событие. Это и есть компромиссное решение вопроса. Хотя, нужно сказать, фонды музея таковы, что то, что мы имеем в храме — это еще далеко не все. Но то, что есть, можно видеть, можно исследовать, можно осмысливать и этим жить.

— Какими бы Вы хотели видеть священников, которые будут служить в храмах-музеях подобных Вашему?

О. Н.: Сегодня есть возможность и в Московских духовных школах, и в ряде других школ подготавливать священнослужителей, которые имели бы высшее светское образование и, желательно, художественное образование. Ведь человеку, имеющему специальность ху-

дожника, реставратора, музейного хранителя или просто высшее светское образование, легче будет сотрудничать с музейными структурами, которые занимаются хранением и содержанием икон в запасниках. Непременное условие для такого служения готовность идти на компромисс. Нельзя говорить: только интересы Церкви или только интересы музея. Понятно, есть вещи, не поддающиеся компромиссу: в первую очередь, это догматическое учение Церкви. Но что касается хранения, размещения, или, например, режима работы, то здесь, конечно, необходим компромисс: и ограничение посещений, и даже — при необходимости — богослужений, и какие-то плановые работы, связанные со снятием раритетов, древних икон для их реставрации. Все это вполне нормально, если к этому правильно подходить. Чтобы получить этот храм, нам в свое время пришлось пройти очень большой путь. Сейчас Вы видите его благоустроенным, в нем более 150 икон музейного хранения от XV–XVI до XIX–XX веков. И самая великая святыня России — Владимирская Богоматерь находится сейчас здесь. Но это плод многих лет трудной, сложной, но, в то же время, благодарной работы.

— *Каким должен быть музейный работник, работающий с церковными ценностями? Как он должен себя вести?*

О. Н.: Музейный работник приходит в храм для исполнения своих обязанностей — это очевидно. Но в то же время даже если он сам нерелигиозный человек, он должен понимать чувства верующих, которые приходят сюда с тем, чтобы не просто смотреть на иконы как на произведения искусства, а чтобы молиться перед ними. В данном случае конфликтов почти не возникает. Если у музейного работника нет той веры и того призвания, которого Господь сподобляет человека верующего, то он должен хотя бы проникнуться чувством своего долга перед Церковью, и просто как культурный человек он должен уважать ее традиции.

Людмила Владимировна, а Вы как сотрудница музея что могли бы добавить?

Л.К.: Как музейный работник я понимаю, что у меня свой путь, своя дорога и свои задачи. Они в чем-то отличаются от задач Церкви, но в целом мы делаем, как я надеюсь, Божье дело все вместе, только каждый по-своему. И я признаю власть Церкви и ее право решать какие-то проблемы, но и благодарна за то, что меня воспринимают как человека, который может и должен делать дело для русской культуры и ее истории. Как замечательно сказал Дмитрий Сергеевич Лихачев, задача музейного работника — воспринять и передать. Но при этом я считаю, что в основе нашей работы с иконой, должно лежать благоговейное отношение к ней. Мало быть просто интересующимся человеком. Интересоваться можно экибаной, — цветами, садоводством, а этим надо жить. А жить — значит соучаствовать. И большинство людей, которые здесь работают, это понимают.

— *То есть музейный работник, занимающийся иконами, предметами культа, должен быть верующим?*

Храма Святителя Николая в Толмачах

Л.К.: На мой взгляд, да. Ведь только так можно приобщиться той тайне, которую несет в себе икона.

— *Батюшка, что бы Вы могли пожелать будущим священнослужителям, которые скоро займут места в храмах с музейными ценностями? Как учиться находить возможные компромиссы?*

О. Н.: Знаете, как любому священнику, можно пожелать только теплой молитвы и терпения. Как говорит апостол, сила Божия в немощи совершается. Господь, видя стремление человека, помогает ему. И не отчаивайтесь, не стремитесь получить все сразу. Было время, когда мы могли только входить сюда и совершать молебны, и так продолжалось на протяжении многих лет. Сейчас же здесь совершается полный круг богослужений.

Так, что вспоминайте почаще слова Спасителя: *Терпением вашим спасайте души ваши* (Лк. 21, 19), потому что без терпения и без духовных усилий не только со стороны священника, но и всей общины, невозможно достичь ничего.

Материал подготовил Михаил Первушин, 1 курс МДА

Возрождение «Русской Северной Фиваиды»

10 июля 2000 г. в преддверие дня памяти преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев начался визит Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на Валаам. Это не первый визит нашего церковного лидера на «Афон Северной Руси». Еще мальчиком вместе с родителями он приезжал в это климатически суровое место — на каменистый островной архипелаг на Ладожском озере, исхоженный стопами святого апостола Андрея Первозванного, чтобы напитаться «духовным млеком» — многовековым подвижническим благочестием валаамских иноков.

И лишь спустя долгие десятилетия, взойдя на Первосвятительскую кафедру Русской Церкви, Святейший Патриарх Алексий II в начале 90-х годов посетил вновь переданную Русской Православной Церкви святыню Валаамскую обитель. К сожалению, за десятилетия советской власти монастырь подвергся разрушениям и не мог тогда напомнить тот прежний величественный церковный светильник России, ежегодно звавший к себе сотни тысяч православных паломников. Восстановление Спасо-Преображенского Валаамского мужского ставропигиального монастыря стало одной из главных забот Святейшего Патриарха Алексия II и всей православной России. И последующие визиты, связанные с празднованием дней Валаамских чудотворцев или престольного праздника обители — Преображения Господня, год за годом, метр за метром являли все более явное приближение полного возрождения древней святыни.

В год великого христианского юбилея — 2000-летия Рождества Христова во время нового визита Святейшего Патриарха Алексия II на Валаам была начата большая Патриаршая программа по возрождению этих святых мест.

Еще в апреле 2000 г. начала активно работать специальная Комиссия Фонда под председательством его Президента Валерия Алексеева, а также членов Фонда — генерала Александра Котелькина, Президента холдинговой компании «Интеррос» Владимира Потанина, депутата Государственной Думы РФ Владимира Медведева и членов Комиссии — Председателя Комитета Государственной Думы по делам Севера Валентины Пивненко, наместника Спасо-Преображенского Валаамского монастыря архимандрита Панкратия, стали быстрее решаться насущные проблемы святой обители. Члены Комиссии выезжали на Валаам, в Карельскую республику, руководство которой в лице Председателя Правительства Карелии Сергея Катанандова полностью поддержало инициативу Фонда и активно содействует реализации Патриаршей программы Фонда. И вот, 10 июля, в торжественной обстановке Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II в сослужении архиереев Русской Православной Церкви, С.Катанандова, В.Алексеева, А.Котелькина, В.Пивненко и других был освящен первый камень в основание будущего административного здания для вывода сюда из помещений Валаамского монастыря посторонних организаций. Этим освящением было официально положено начало Патриаршей программе Фонда по возрождению древнейшей православной святыни России и строительству жилья для валаамцев на материке.

Выступая на этой церемонии, Президент Фонда, доктор философских наук Валерий Алексеев отметил знаковость возрождения Валаама именно в год 2000-летия Рождества Христова, когда этот великий юбилей с новой силой возжет в сердцах боголюбивых людей огонь жертвенного служения Церкви и людям.

Лев Порфиоров

“Храмы строят в трудные времена”

Из выступления Президента Международного Фонда единства православных народов, доктора философских наук, профессора В.А.Алексеева на церемонии торжественной закладки и церковного освящения первого камня и начала работ в рамках специальной Патриаршей программы Фонда по возрождению церкви Свв. Косьмы и Дамиана

Сегодня особый день для всех нас, когда мы по молитвам священноначалия и отцов Святой Русской Православной Церкви, по благословению Его Святейшества Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II – Председателя Поместительского Совета Международного Фонда единства православных народов, а также по благословению правящего архиепископа Тамбовской епархии Его Высокопреосвященства Архиепископа Евгения и с его высоким участием проводим торжественную церемонию закладки и освящения первого камня и начала работ в рамках специальной Патриаршей программы Фонда по возрождению здесь, в древнем селении Новое Козьмодемьяновское Тамбовской области, храма во имя святых бессребреников Косьмы и Дамиана, особо почитаемых в Православной Церкви и в нашем народе.

Сейчас наше Отечество и народ переживают трудные времена. Но ведь церковь Свв. Косьмы и Дамиана была построена тоже в нелегкие для нашей Отчизны времена XIX века. Но народ наш русский, православный, находил всегда силы духовные и материальные, чтобы строить храмы. Этим он укреплялся, ибо храмы как раз и строят в трудные времена, когда душа скорбит и обращена к Богу. Как мы это делаем и сегодня, восстанавливая то, что было порушено нашими дедами и отцами, чтобы выполнить свой сыновний долг и облегчить души всех ушедших от нас близких, родных и знакомых, чтобы тем самым очистить и наши души, ибо только через искреннее и усердное покаяние мы сможем вернуть Божию милость всем нам, нашему Отечеству и народу.

Хочу с радостью свидетельствовать, что не оскудевает милость Божия, рядом с нами Господь оставляет немало истин-

ных подвижников благочестия, ревнителей веры христианской, добродетельных и верных сынов Отечества.

Есть такие и в среде членов нашего Фонда и наших земляков, дорогие сельчане. Он сегодня здесь, с нами. Это Александр Дмитриевич Седых, по чьей инициативе и с чьей неустанной помощью начинается ныне специальная Патриаршая программа Фонда по возрождению храма Свв. Косьмы и Дамиана. Я хочу сердечно поблагодарить его за подвижнический труд и пожелать ему и его близким неоскудевающей милости Божией во все его дни.

Наши предки имели Божий дар давать наполненные духовного смысла названия своим градам и селениям. Рядом с сим благим местом находится Богоявленск. Слово обладает вселенской силой, оно зафиксировало некогда состоявшееся, видимо, здесь великое событие. И я верю, что под сенью этого чудесного Богоявления и при наших посильных трудах здесь состоится по милости Спасителя таинственное преобразование и возродится храм, где будет согреваться и воспылать любовью к Богу вечные человеческие души.

Восстанет из пепла

В рамках строительных программ Фонда было принято решение о возведении храма-часовни Казанской иконы Божией Матери в с. Увары Астраханской области. Препятствием к этому храм был разрушен в начале 30-х гг. XX века, как доказательство “торжества” безбожной идеологии, а на его месте был воздвигнут обелиск павшим большевикам. Теперь же чудесным образом храм будет возрожден.

Долгожданные надежды жителей начали осуществляться во время пребывания на Астраханской земле в июле 1999 года Патриаршего Крестного хода, проводимого Международным Фондом единства православных народов. Этой акции Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II придал статус Патриаршей программы, посвященной празднованию великого юбилея – 2000-летия Рождества Христова.

Соискатели премии Фонда «За выдающуюся деятельность по укреплению единства православных народов»

В Комиссию по премиям Фонда поступают предложения по кандидатурам соискателей. Это известные политические, религиозные и общественные деятели из Болгарии, Белоруссии, Кипра, России, Украины и других стран. Среди них бывший спикер Парламента Болгарии Б.Сендов, поэт из Украины Б.Олейник, вице-спикер Палаты Представителей Белоруссии В.Коновалев, президент Кипра Г.Клиридис и другие. На Премию Фонда выдвинута также организация СИНДЕСМОС – Всемирное братство православной молодежи, ведущее свою деятельность уже около 50 лет.

Комиссия по премиям продолжает прием кандидатур.

«СОФРИНО»: 20 лет

На вопросы журнала отвечает генеральный директор Художественно-производственного предприятия Русской Православной Церкви «Софрино» Е.А.Пархаев

— Евгений Алексеевич, в этом году Художественно-производственное предприятие «Софрино» отмечает свое двадцатилетие. Не могли бы Вы рассказать об основных вехах становления и развития завода?

— Все началось с того, что после известного улучшения отношений между Церковью и государством в 40-х годах в подвалах Успенского храма Новодевичьего монастыря были организованы свечной, иконный, пошивочный цеха, цех утвари. В свечном цехе установили четыре барабана, которые крутили самостоятельно. Свечная масса подогревалась в котлах дровами. Резали и маркировали свечи также вручную. Всего в этом цехе работало 16 человек. Примерно столько же работало в цехе утвари на гальваническом и штамповочном участках, где вручную штамповали первые золоченые и серебряные нательные крестики. Часть иконного цеха размещалась в колокольне монастыря. Там методом шелкографии раскрашивались черно-белые изображения, было налажено производство поминальных книжек. Всего в мастерских трудилось около 80 человек. Количество производимых предметов, необходимых для совершения богослужений в храмах, было в то время мизерным. Но для верующих и эта малая толика была очень дорога.

Особые трудности мастерские испытывали с оборудованием: средств на его приобретение не было, да и государственные предприятия не имели права продавать что-либо Церкви. Вот и приходилось самим изготавливать необходимые приспособления, выискивать на свалках брошенное старое оборудование, ремонтировать его, переделывать.

Мастерские размещались в Новодевичьем более десяти лет. Производство требовало ежедневного подвоза сырья, вывоза готовой продукции — все это было весьма не по душе музею, который в то время был полновластным хозяином монастыря. После неоднократных требований убрать мастерские с его территории Совет по делам религий, который в те годы жестко опекал Православную Церковь, обратился в Дзержинский Исполком с просьбой выделить на его территории необходимое место. Было принято решение отдать мастерским помещение плодовоовощной базы, которая располагалась при церкви Тихвинской иконы Божией Матери в бывшем подмосковном селе Алексеевском (напротив станции метро «ВДНХ»). Исполком принял положительное решение. Вновь приступили к ремонту помещения. На средства мастерских был отремонтирован и сам храм. Многих усилий потребовало возведение построек для расширения производства. Разрешения на строительство Совет по делам религий не давал, поэтому строитель-

Е.А.Пархаев в новом гальваническом цехе

ные работы велись по ночам. Несмотря на все эти трудности, с Божией помощью, оборудование мастерских было завершено, и вскоре они переехали в Алексеевское.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II в гостях у предприятия

Лишь иконный цех остался в Новодевичьем монастыре. За счет освобожденных площадей он был существенно расширен и выпускал до полумиллиона икон в месяц. Иконы делали на картоне, на фанере и в рамках.

И все же количество утвари, свечей, икон, которое выпускалось тогда мастерскими, было очень и очень малым сравнительно с потребностями Русской Православной Церкви. Неоднократно поднимался вопрос о строительстве крупного завода, который смог бы решить насущную проблему обеспечения храмов предметами культового назначения. И вот в 1972 году, в ответ на письмо Святейшего Патриарха Пимена, Правительство приняло решение удовлетворить ходатайство Церкви о выделении необходимого участка для строительства. Было учтено пожелание Патриарха о том, чтобы будущий завод находился по дороге между Москвой и Троице-Сергиевой Лаврой — был выделен участок в три гектара в поселке Софрино. Эта земля представляла собой выработанные глиняные карьеры кирпичного завода. В 1973 году был заказан проект, а в 1975 году начато строительство. На начальном этапе много проблем возникало с грунтовыми водами, которые постоянно затопляли фундамент строящегося первого производственного корпуса. Грунт был болотистым, поэтому приходилось завозить много земли, щебня, засыпать участки битым кирпичом. С чувством огромной благодарности вспоминают ветераны «Софрино» помощь и поддержку епископа Калининского и Кашинского Гермона (скончался в 1980 году), который в то время исполнял

обязанности Председателя хозяйственного управления Московской Патриархии и всей душой ратовал за скорейшее строительство завода, а затем и отца Матфея Стаднюка, возглавившего ХОЗУ и активно помогавшего строительству. Основное строительство было завершено к 1980 году. Для успешного развития завода требовалось оснастить его необходимым оборудованием. Первостроители во главе с директором предприятия Павлом Ивановичем Булычевым (скончался в начале этого года), стоявшие у истоков зарождавшегося производства, сделали все возможное для его дальнейшего процветания. Сегодня мы больше, чем когда-либо, осознаем их ценный вклад в наше дело, глубоко почитаем основоположников будущего церковного предприятия.

К моменту переезда в Софрино в мастерских трудилось около 350 человек. За несколько дней до торжественного открытия завода состоялось освящение его церкви, построенной по благословению Патриарха Пимена. Этот малый домовый храм освящен в честь дивного угодника Божия, преподобного Серафима, Саровского Чудотворца. Таким было наше начало. Много энергии было вложено в создание завода. Но потребовался еще и неустанный труд, чтобы со временем все вложенное возвратилось сторицею.

Территория предприятия постепенно увеличивалась. Расширялись и производственные площади. Был построен большой шестизэтажный корпус при помощи Правительства города Москвы и лично мэра Ю.М.Лужкова. Было возведено здание

новой типографии, шесть больших ангаров, которые заняли не только склады, но и производственные участки. Сегодня мы занимаем 18 гектаров земли. Постоянно производится реконструкция предприятия. Закупается современное высокопроизводительное оборудование, наращиваются мощности. Сейчас мы планируем провести большую реконструкцию столярного производства, которое, к сожалению, не соответствует требованиям времени.

Е.А.Пархаев с тружениками «Софрино»

— Сколько людей в настоящий момент трудится на Вашем предприятии? Существуют ли какие-то особые критерии в кадровой политике завода?

— Сегодня на предприятии трудятся около двух с половиной тысяч человек. При подборе кадров мы обращаем особое внимание на то, как человек относится к своему труду, к своим коллегам. Исповедует он христианскую веру или какую-либо другую — это его личное дело. Многие рабочие приходили к нам неверующими. Но постепенно, общаясь со своими товарищами, видя результаты своего труда, делая те или иные предметы церковного обихода, они соприкасались с верой. Многие крестились, крестили своих детей, венчались в нашем храме. Сегодня у нас вновь проводятся богослужения, причем не только для рабочих, но и для жителей поселка Софрино. В нашем храме есть частица святых мощей преподобного Серафима Саровского, переданная в дар Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II.

— Действительно ли «Софрино» — единственное в православном мире предприятие, специализирующееся на производстве церковной утвари? Есть ли подобный опыт в других странах?

— Предприятие «Софрино» действительно уникально. Это единственный завод, построенный на церковные средства. Выпускается предприятием свыше двух с половиной тысяч различных наименований церковных изделий. Сегодня мы можем полностью произвести отделку храма, обставить его интерьер. Мы делаем все — начиная с куполов и крестов для них и заканчивая кисточками для елеопомазания. Ни одна из Поместных Церквей не имеет подобного производства. Практически везде церковная утварь производится частными предприятиями, кус-

тарными мастерскими, большинство из которых имеет узкую специализацию: только утварь или только иконы. Мы же, повторяюсь, делаем все.

— Каким образом Ваше предприятие представлено на мировом рынке? Существуют ли какие-то филиалы или представительства «Софрино» за границей?

— Мы стараемся активно сотрудничать со всеми желающими реализовать наши изделия. Большим успехом мы считаем тот факт, что в Греции, где производство церковных изделий не прекращалось, как у нас, на несколько десятков лет, есть частный магазин с вывеской «Софрино». И греческие священнослужители отдают предпочтение нашим работам. Они говорят, что софринские панагии и кресты изящнее, качественнее и красивее тех, что выпускаются местными мастерами. А ведь когда-то мы с рабочими ездили в Грецию учиться, смотреть, перенимать опыт.

Предприятие участвовало во многих выставках. Наши изделия выставлялись в Германии, США, Франции, Испании, Финляндии, Израиле, Мексике. И везде люди с неизменным интересом знакомились с работами мастеров. Для многих было открытием, что древняя культура нашего Отечества живет и находит воплощение в современных работах. В нашей книге отзывов, хранящейся в музее предприятия, написано немало теплых слов благодарности рабочим за их труд.

— Евгений Алексеевич, каким образом Ваше предприятие взаимодействует с епархиями Русской Православной Церкви, ведь в настоящий момент приходы — это основной потребитель продукции «Софрино»?

— С епархиями Русской Православной Церкви мы стараемся поддерживать самые тесные связи. Надо признать, что это не всегда удается. И причин тут много. В связи с распадом СССР многие епархии испытывают большие трудности при провозе через границу изделий «Софрино». Недавно мы были в Одесской епархии и смогли пообщаться со священнослужителями на эту тему. Все они говорят о тех унижениях, которые им приходится претерпевать при пересечении границы, я не говорю уже о тех поборках, которые взимаются за провозимые предметы церковного обихода. И эта проблема существует во всех епархиях, находящихся на Украине.

Вообще, для ознакомления с особенностями жизни епархий мы решили совершать самостоятельные поездки. Сотрудники отдела сбыта вместе с мастерами уже побывали на Камчатке, в Симферополе и во многих других епархиях. Мы очень надеемся, что эти поездки принесут хорошие результаты. И сотрудничество с епархиями будет еще более тесным. По желанию епархий мы можем организовывать выездные выставки-продажи. Одна из них проходит сейчас с большим успехом в Омске. Хотелось бы, чтобы подобные выставки прошли во всех епархиальных центрах нашей Церкви.

— Наш журнал издается преподавателями и студентами Московской Духовной Академии и Семинарии, которым, наверно, было бы интересно узнать о том, существует ли опыт какого-то сотрудничества Московских Духовных школ и предприятия «Софрино»?

— Свято-Троицкая Сергиева Лавра всегда была источником духовности, культуры. Это одна из величайших святынь

В гостях у предприятия мэр г. Москвы Ю.М.Лужков

России. Поэтому закономерно, что предприятие «Софрино» стремится к сотрудничеству, прибегает к помощи и совету мудреных опытов насельников Лавры, а также профессоров и преподавателей Московских Духовных школ. В настоящий момент мы очень тесно сотрудничаем с иконописной школой при МДА. Ее преподаватели ежемесячно принимают участие в художественном совете, на котором принимаются работы наших иконописцев. Их мудрое руководство и опыт очень нужны нашим мастерам. Результаты уже видны. Значительно повысился уровень иконописи. Мы приняли на работу несколько выпускниц иконописной школы, трудами которых переписываются иконы, используемые как оригиналы для тиражирования полиграфическим способом. Наши художники неоднократно пользовались прекрасным материалом, хранящимся в библиотеке Московской Духовной Академии. Сотрудники часто посещают Церковно-археологический кабинет. Надеемся, что в дальнейшем наше сотрудничество будет только развиваться.

— Сегодня со стороны нецерковной части нашего общества очень часто раздаются упреки, а нередко и обвинения в том, что Церковь или ее представители занимаются предпринимательской деятельностью. Что бы Вы ответили на это?

— Ответом на подобные обвинения могут служить разрушенные храмы и монастыри, которые строились на пожертвования как бедных, так и богатых людей. Все эти святыни без со-

жаления были растоптаны, уничтожены. Как восстанавливать все это сейчас? Церковь, неповинная в разграблении святынь, в одиночку вынуждена нести бремя по их воссозданию. Безусловно, для этого нужны большие средства. А само слово «предпринимательство» происходит от слова «предпринимать», делать что-либо. А что плохого в том, что кто-то хочет заниматься делом? Важно только, чтобы это дело было стоящим, чтобы оно шло на пользу людям.

— Представляется ли Вам возможным существование понятия «православное предпринимательство» или «православный бизнес»? Можете ли Вы назвать себя — директора церковного предприятия — «православным бизнесменом»?

— Я никогда не отождествлял свое дело с понятием «бизнес». Все мои сотрудники — труженики, я и сам стараюсь трудиться и достойно выполнять ответственную миссию, возложенную на меня Святейшим Патриархом — управлять предприятием. Моя цель — сделать все, чтобы наши православные храмы сияли красотой и великолепием. Чтобы изделия «Софрино» были качественными и красивыми, чтобы люди, заходя в храм, радовались душой от общения с Богом и глазами — от общения с красотой.

Материал подготовил
иеромонах Петр (Еремеев)

«Я видела закат старой Академии...»

ВОСПОМИНАНИЯ М.А.ГОЛУБЦОВОЙ О ПРАЗДНОВАНИИ АКТОВОГО ДНЯ В МДА

Одной из традиций, свято хранимых в возрожденных после Великой Отечественной войны Московских Духовных школах, является ежегодный торжественный акт 14 (1-го по старому стилю) октября, в день Покрова Пресвятой Богородицы — престольного праздника Покровского академического храма. Наш журнал регулярно отражает каждое такое событие в рубрике «Летопись». В этом номере нам бы хотелось предложить вниманию читателей воспоминания М.А. Голубцовой* — дочери одного из профессоров МДА — о том, как проходил этот праздник в «старой», дореволюционной Академии.

* Мария Александровна Голубцова (1888–1925) — старшая дочь профессора Церковной археологии и Литургики МДА Александра Петровича Голубцова (1860–1911), по окончании Высших Женских Курсов по историко-филологическому отделению работала в Государственном Историческом Музее. Скончалась от чахотки на 37 году жизни 1/14 января 1925 года. Очерк написан, вероятно, в 1919–1920 гг.

Печатается по книге: Голубцов С. Московская Духовная Академия в революционную эпоху. Т. I. Ч. 3. М., 1999. С. 144–149.

...Первое октября все ждали в Академии, как Татьянин день в Университете. Заранее было известно, кто будет служить обедню, кого ждут на акт, кто из профессоров произнесет актовую речь и так далее. Гимназистки предвкушали удовольствие академического бала или спектакля в клубе, и все через знакомых наперебой доставали билеты, волновались, что не хватит. Наконец, наступает канун Покрова...

В период моего детства и юности ректорами Академии были епископы: Антоний (Храповицкий), Арсений (впоследствии митрополит Новгородский) и Евдоким¹. Антония я помню смутно, больше — его рыжую бороду, двух последних — хорошо. Они были разные люди, но оба любили чинность и торжественность архиерейского служения, особенно преосвященный Арсений. При нем был организован детский хор, где певчие мальчики носили особые одежды, похожие на синодальные. Великолепные облачения, масса служащего духовенства (иногда число священников было больше двенадцати), чинный ход службы — все это придавало богослужению Академии совершенно особый характер. Церковь была небольшая, домовая, что называется, и вмещала в себе, самое большее, человек 500, но в большие праздники набивалось так много народу, что приходилось у входных дверей ставить полицию. Обычно мы, дети, стояли среди обычной публики. Поменьше были — так в самом переди, вместе с семьей профессора Корсунского², а подросли — в гуще. Но в торжественные праздники стоять там зачастую было невозможно,

и в Пасху, а иногда и в Покров мы уходили к профессорам — то есть в особый коридор сзади церкви, где стояло исключительно профессорство со своими семьями. Здесь всегда было много разговоров. Особенно этим отличались некоторые, вроде С.С.Глаголева, который не мог даже в церкви забыть своего остроумия. Большинство недовольно ворчал или уходило в самую церковь, где около стены было небольшое возвышение специально для профессуры. Там всегда стояли стулья для дам, а стена в высоту человеческого роста

Голубцов А.П. Профессор МДА

была задрапирована красным сукном. Папа всегда молился там. В Покров весь коридор и солея тесно заполнялись: кроме своих, здесь бывали иногда бывшие воспитанники Академии, часто с женами, гости, приехавшие на акт, и наиболее почетные посетители Академического храма, вытесненные со своих постоянных мест.

Всеношная начиналась как всегда встречей епископа. Иногда их бывало двое-трое, они выходили из ректорских покоев, пересекая при этом профессорский коридор. В дверях храма их встречал целый сонм академического духовенства с протодиа-

конами. Служба шла чинно, торжественно, с литией, после которой мы всегда ждали кафизм — их в этот день читал Николай Александрович Заозерский своим густым басом, год от года слабевшим. Когда приближалось время прикладываться [к иконе праздника], в церкви начиналось волнение: по академическому порядку полагалось идти сперва профессорам и их семьям, потом студенчеству, а уж затем всей прочей публике. Но последняя иногда теряла терпение и кидалась стихийно к иконе, так что цепь рослых швейцаров оказывалась бессильной сдерживать напор, и получалась жестокая давка. Бывало, преосвященный Арсений, гневно поводя глазами, не вытерпит и крикнет властно: «Иль вы забыли, что вы в храме?» Грозен он бывал в такие минуты, со своей черной, как смоль, головой и осанкой строгого владыки. Нетерпеливый, вспыльчивый, он иногда воевал и в алтаре, ежели что не так делали иподиаконы, облачая его, или если на клиросе «врали». Один молоденький студентик жаловался: «Такого дурака иной раз в алтаре запустит, что ноги подогнутся». Боялись его, зато ни при ком академическая служба не справлялась так чинно, как при Арсении.

Обедня в Покров шла необычайно долго. Маленький колокольчик, висевший у окна профессорского коридора, долго и как-то жалобно звонил, пока показывалась длинная чередя священства, выходявшего на встречу. Наконец, где-то вдали начал гудеть, как шмель, бас протодиакона, читающего молитвы, и в своей лиловой, с «кисточками» мантии появлялся Преосвященный, начинался длинный и интересный чин облачения. Бывало, придешь рано и, вздыхая, смотришь... И уж ноги устанут, когда протодиакон скажет: «Тако просветится свет твой пред человеки», и владыка осенит народ дикирием под трио детских голосов: «Тон деспотин кэ архиереа имон, кирие филате...»³.

За обедней неизбежно бывали посвящения, иногда во все три чина:

³ Владыку и архиерея нашего, Господи, сохрани (с греч. яз. — *Прим. ред.*).

¹ Перечисленные лица были ректорами: Антоний в 1890 — 1895 гг., Арсений (Стадницкий) в 1898–1903 гг., оба — претенденты на патриарший престол в 1917 г.; митрополит Антоний стоял во главе зарубежной Карловацкой Церкви в 1921–1936 гг. Епископ Евдоким (Мещерский) был ректором Академии в 1903–1909 гг., в 1922–1924 гг. он — активный лидер обновленчества. В 1909–1917 гг. ректором был епископ Федор (Поздеевский).

² Иван Николаевич, профессор Греческого языка, умер в 1899 г.

псаломщика, диакона и священника, причем любопытные сгущивались на середине, следя за происходившим в алтаре, а мы нетерпеливо ждали конца. За причастием говорил проповедь первый студент IV курса, часто какой-нибудь знакомый, уже предназначенный к оставлению при Академии. В большинстве случаев проповедь была ученая, рассчитанная на избранных, и иногда действительно интересная. Наконец, обедня кончалась. Все профессора перед многолетием длинной вереницей шли ко кресту, а оттуда, по окончании литургии, — в ректорские покои, где ожидали акта. Там они пили чай, а прочая публика устремлялась прямо в актовый зал, занимая места и вздыхая по пирожкам. Иногда, впрочем, нам, как профессорским, приносили туда чаю с сухарями, и мы радовались. Через полчаса первая зала, вся предназначенная для публики, начинала быстро наполняться студентами, дамами и гостями. Заняты были ряды стульев сбоку в главной зале, где стоял торжественный, покрытый красным сукном стол с рядами кресел, пока пустых. Профессорские жены, барышни и более почетные гости занимали третий, четвертый и пятый ряды стульев, оглядывая друг друга, здороваясь и весело пересмеиваясь.

Но вот из ректорских покоев слышался шум шагов, и через несколько мгновений показались владыка, иподиаконы, а за ними вся корпорация из Академии, во фраках и орденах, кое-кто из заслуженных — даже в лентах. «Днесь благодать Святого Духа нас собра...» — загудел общий хор торжественно и внушительно. Преосвященный занял место, благословил присутствующих, около него расположились по рангу старцы. Лица все знакомые, но за красным столом все кажутся особо значительными и важными. «Объявляю акт Академии открытым!» — вставая, торжественно говорил ректор Академии.

Через несколько мгновений к нему шариком подкатывается маленький человек, бессменный секретарь Академии Николай Дмитриевич Всехсвятский, принимает благосло-

вение и, поправляя свое золотое пенсне, начинает читать годичный отчет: «В отчетном учебном году студентов в Академии состояло столько-то; из них на первом курсе столько-то, на втором — столько-то ...». Мы наизусть знали главные рубрики отчета, всегда писавшегося по трафарету: состав студентов, состав преподавателей, занятия студентов, труды профессоров, перемены в личном составе, средства Академии. Сам по себе скучный отчет все же бывал нам интересен, так как мы хорошо знали всех упоминавшихся лиц, и частенько сухие сообщения отчета тут же дополнялись житейскими мелочами. Во время отчета публика переглядывалась, перемигивалась, а особенно в некоторых местах.

«Труды профессоров» вызывали всегда самое веселое настроение. «Профессор А.И.Введенский напечатал в «Московских Ведомостях» такие-то статьи...», вроде «Наши задачи», — общий смех и взгляды по направлению виновника. «Профессор Казанский напечатал стихотворное переложение псалма...» и так далее. Такие вещи рядом с действительными трудами, конечно, невольно вызывали улыбку даже на самых серьезных лицах.

«Средства Академии». Этот раздел тоже бывал интересен и, главным образом, тем, что ясно было, кто и в каком количестве получил премии. В Академии большинство ее частных средств составляли проценты с капиталов, положенных разными лицами для самых разнообразных целей: за лучшее сочинение студентов первого курса по догматическому богословию; студентам-костромичам за кандидатское сочинение по истории Церкви; преподавателям Академии за сочинение по философии; женатым профессорам... (здесь всегда смех, ибо иногда эта «женатая» премия делилась между монахами!).

Самая крупная премия была Макарьевская — для профессоров, и доставалась она по особой очереди¹. В ней было, кажется, 500 рублей. Некоторые лучшие труды подавались на Уваровскую премию,² это всегда было большое событие.

Отчет окончен. В среде профессоров движение — пробирается к кафедре читающий речь. Он тоже предвзвешенно берет благословение владыки и, симметрично раскланиваясь направо и налево, начинает: «Ваше преосвященство, милостивые государыни и милостивые государи...».

Я многих видала на кафедре во время акта и всякие речи слыхала: «Определение брака в Кормчей» И.М.Громогласова; что-то из истории раскола; из русской истории М.М.Богословского; о Петре Великом; Коновалова — по сектантству; Спасского, Муретова... Помнится, и папину речь слыхала. Но все эти речи как-то слились в одно впечатление актов речи, ученой и по большей части скучной для большой публики. После длительной обедни, перерыва и отчета, слушать целую часовую речь трудно на голодный желудок. Бывало, то и дело ловишь себя на посторонних занятиях: то считаешь медальоны, которыми украшен был лепной потолок актовой залы, то читаешь вирши на них или переговариваешься с соседями.

Наконец, речь окончена. Аплодисменты, более или менее дружные, шум отодвигаемых стульев и «Достойно есть...». Между двумя шпалерами студентов корпорация проходит под звуки «Ис полла эти деспота» в ректорские покои обедать, а мы идем под моросящим дождем домой есть пироги (но без папы). Часа через два он приходит, рассказывает, что было на обеде, и из заднего кармана фрака дает нам великолепное громадное яблоко. Его резали на кусочки, смотря по наличности, но не менее, чем на шесть, и с благоговением ели: «Это с акта!». Папа ложился спать...

Вечером мы с Ваней³ шли в клуб на академический спектакль. Иногда

¹ Очередность была только на Мухомовское и Филаретовское пособия, но не на премии.

² Были также синодальные Макарьевские премии и от Академии Наук.

³ Старший брат Марии, Иван Александрович Голубцов (1887–1966), по окончании Университета — преподаватель, впоследствии — доктор исторических наук (1963).

студенты сами играли, и это было, конечно, самое интересное. Помню, ставили они «Наталку-Полтавку». Сколько тут было смеху, сутолоки и прочего! Потом всегда были танцы: студенты-распорядители с голубыми бантами наскоро растаскивали стулья, втаскивали рояль на авансцену, и начинался вальс — веселый, под конец бешеный, когда уже ничего не видишь, не слышишь и не понимаешь. Весело бывало на академических вечерах. Здесь молодость справляла праздник своей Альма Матер. В боковой гостиной, все окутанные серпантином и осыпанные конфетти певцы бойко перебирали: «По рюмочке, по рюмочке, тилим-бом-бом, тилим-бом-бом! По маленькой, по маленькой, тилим-бом-бом, тилим-бом-бом!»

«Умрешь — похоронят, как не жил на свете. Умрешь — не восстанешь, к веселью друзей», — печально затягивает молоденький стройный брюнет, и веселый хор подхватывает с готовностью и задором юности: «Налей, налей, товарищ, за здравную чашу, ей, врешь, что не пьешь: рюмочку пропустишь». В узком коридоре, толкаясь со встречными парами, ходят нетанцующие или уставшие от танцев. Послушайте, о чем они спорят, и не удивляйтесь, если споры эти отвлечены. Если говорят, то о бессмертии, о Боге, о философских вопросах познания — ведь

это молодежь высшей духовной школы, она любит эти темы и ими заражает своих барышень. Почти у каждого есть своя компания, но тем более жалко одиноких юношей в этот вечер. Как тени, бродят в своих еще не форменных куртках новенькие студенты, не знают бедняги куда приткнуться: знакомых девиц у них еще нет, между собой они плохо сплочены, и вот они-то, подпирая стенки, уныло стоят в кругу зрителей около танцующих, сидят печально в дыму буфета или бесцельно и одиноко бродят по коридору, завистливо глядя на своих старших товарищей. А те в Посаде, как свои: они наперечет знают и гимназисток старших классов, между собой уже давно на «ты», танцуют как настоящие кавалеры. К концу вечера редет в зале, но теснее становится в буфетной, в биллиардной, особенно шумно в маленькой комнатке по коридору, где ужинают артисты. Здесь обычно кончается праздник, и на другой день невидимые свидетели рассказывают, что там разошлись под утро, а кое-кто и ночевал.

Профессура справляла Покров не так весело и единодушно, как студенчество. Говорят, раньше бывали и у нас собрания по вечерам, но я этого не помню. В девяностых годах, а особенно в начале этого столетия, традиции Академии начинали рваться. В круг старых профессоров вли-

лось много новых элементов. Эти молодые вносили с собой новые обычаи. Но все же я помню и «старую» Академию в лице Дмитрия Федоровича Голубинского Василия Осиповича Ключевского, Евгения Евсигниевича Голубинского, Кипарисова, Корсунского, Григория Александровича Воскресенского, Н.Ф.Каптерева, П.И.Казанского, П.И.Цветкова и других, тоже пожилых. Я знала их, конечно, поверхностно, многих видела только в церкви да при мимолетных встречах на улице. Но у меня от каждого осталось на душе свое впечатление. Все они умерли на моих глазах, уступая место «молодой» Академии. И несмотря на то, что все они были люди очень разных дарований и вкусов, было в них что-то общее, что делало их одной семьей. Это был особый мир, со своими законами, неписанной конституцией, которая свято соблюдалась и невольно возбуждала уважение посторонних. И теперь, когда Московская Академия, волею Провидения, лишилась своего крова,¹ растеряв почти всех своих профессоров и большинство студентов, когда ее традиции, и, кажется, даже самое ее существование — в большой опасности, мне хочется вспомнить все, что я знаю о старой Академии, вызвать в своей памяти ее любимый образ, хотя бы в форме неясного силуэта на золотистом фоне заката. А я видела, и в том убеждена теперь, закат старой Академии. Может быть, она возродится, и даже наверное, как ученое и учебное учреждение, необходимое для Церкви нашей теперь больше, чем когда-нибудь. Но быт Московской Духовной Академии возродиться едва ли сумеет. Для этого нужно вернуть всю совокупность неповторяемых условий жизни, которая создала таких людей, как Горский, Голубинский, Ключевский.

¹ В 1918–1919 гг. в стенах Академии разместились военные учебные заведения, эвакуированные из Петрограда, и с 1919/20 учебного года Академия ютилась несколько лет, пока совсем на закрылась, в разных местах Москвы.

Тяжелая дума

С.А.ДУРЫЛИН — РАЗНОЧИНЕЦ, ЛИТЕРАТОР, СВЯЩЕННИК, ПРОФЕССОР

В одном из залов ЦАКа выставлен портрет кисти М.В.Нестерова, на котором изображен молодой православный священник. Приглядевшись, замечаешь, что не так-то он и молод, а некоторая угрюмость во взгляде свидетельствует о тяжелых испытаниях, перенесенных в жизни. Кто это? Подпись под портретом удивляет: «Портрет неизвестного священника». Но ведь Нестеров-то знал, кого он пишет, и время написания — конец 20-х годов XX века — сравнительно близко к нам, чего ж таиться? Дело в том, что это портрет Сергея Николаевича Дурылина, уже снявшего с себя священный сан. Это — портрет *бывшего* священника, и потому М.В.Нестеров не желал привлекать лишнего внимания к проблемам Церкви той тяжелой поры потрясений и испытаний.

Первоначальное название портрета — «Тяжелая дума». И действительно, человек, смотрящий на нас с портрета, имел судьбу сложную именно потому, что оказался не только причастным, но и прямо участвовавшим в важных процессах переустройства церковной жизни первых десятилетий XX века, того века, в котором Православная Церковь приподнялась было, сбросив с себя оковы синодального правления и гнет государственного пригляда, но встать в полный рост так и не успела, попав вскоре под много более тяжкий гнет богоборческого атеистического государства.

Есть люди, в судьбах которых эпоха отражается удивительно ярко. Их жизнь оказывается настолько тесно переплетенной с историческими событиями, будто сама История пишет их судьбу, предлагая всегда очень трудный и опасный выбор пути. Сергей Николаевич Дурылин был активным участником многих событий в общественной и церковной жизни России начала XX века, будучи деятелем «второго ряда». Он не из тех, кто принимал судьбоносные решения, но от него и от стоявших рядом с ним — таких как отец Павел Флоренский, М.В.Нестеров, отец Валентин Свенцицкий, отец Алексей и отец Сергей Мечевы, С.Н.Булгаков и десятки менее известных нам людей, зависела судьба этих решений. Марксизм — либерализм — Христианство — Православие — таковы вехи духовного развития Сергея Дурылина, во многом типичные для того времени. Борьба за возрождение Церкви, за снятие с нее панциря «духовного государственного учреждения» и превращение в центр жизни человека, обсуждение и решение многосложнейших во-

Нестеров М.В. Портрет священника. 1927

просов о соотношении традиции и новизны в церковной жизни — это все начиналось тогда, но не получилось. Те же вопросы остаются и для нас во многом нерешенными до конца.

В данном очерке не ставится задача рассказать о жизни С.Н.Дурылина, это отчасти сделал он сам в опубликованной книге «В своем углу». Здесь задача иная: увидеть в его судьбе судьбу его времени, постараться понять цели и мотивы деятельности церковных людей, оказавшихся призванными к действию на переломе эпох в жизни Церкви, а, может быть, и извлечь некоторые уроки.

ИЗНАНКА ЖИЗНИ

Как шел Дурылин к священству? То был типичный путь разночинца конца XIX в. Он родился в 1877 году и рос в тихом уголке Москвы у Богоявления, что в Елохове, в большом доме Николая Зиновьевича Дурылина, купца средней руки. Богоявленский приход был боль-

шим. Вокруг высокого и красивого храма, позднее ставшего кафедральным собором, стояли в то время купеческие и дворянские особняки, деревянные дома в обрамлении садов и палисадников. Тихо было, бульжная мостовая заросла травой, но ко времени рождения нашего героя неподалеку встали высокие кирпичные корпуса фабрик, а позднее на Коровьем броду появилось Высшее техническое училище. Текла тихая Яуза, и так же мерно текла жизнь маленького Сережи, окруженного любовью родителей. Нежную любовь к матери, Анастасии Васильевне, он пронес через всю жизнь. В письме от июля 1915 года признавался: «Со смертью мамы я потерял самую оправдывающую нужность своего существования, и теперь мне не найти ее...»¹

Церковь была естественной частью жизни. В Елохове, вспоминал Дурылин, «стоят плечо с плечом, грудь в спину, спиной в грудь. Несколько тысяч человек в церкви — и все «простого» народу... Крестины и похороны были непрерывным ежедневным явлением у Богоявления, а каждое воскресенье... в церкви венчали пара за парю новобрачных, богатых и бедных...» Семей ездили к Троице, на Угрешу (Никола-Угрешский монастырь).

Ровное течение детства оборвалось с разорением и скорой смертью отца, когда Сергею едва минуло десять лет. Пришлось узнать изнанку жизни. Еще мальчиком он становится репетитором у состоятельных недорослей. Давал уроки за обед, за ужин, «а лучше бы хоть за пятак», — вспоминал позднее. Проявившиеся литературные способности побуждали Сергея Дурылина к творчеству. Были написаны «холмы» стихов и прозы, самостоятельные исследования поэзии Лермонтова, оставшегося любимым поэтом на всю жизнь. Гимназия показалась ему ненужной, да и не хватало денег на оплату учения. С легкостью в 17 лет он бросает учебу и вступает во взрослую жизнь: становится сотрудником издательства «Посредник». Такие перемены в жизни естественно привели и к пересмотру мировоззрения.

В детстве Сергей послушно принимал готовые верования и считал их неприкосновенной святыней, по воскресеньям и праздникам ходил с родителями в храм, дома читал молитвы утром и вечером. Но по мере быстрого взросления сначала со страхом, потом с самодовольством одно верование за другим подвергалось сомнению, критике, признавалось нелепым и отвергалось.

В то время сама духовная жизнь русского общества была как бы многослойной, в ней уживались равнодушие к вере и тупое обрядоверие, пришедший с Запада крайний атеизм и глубокое благочестие, схоластическое богословие и богословские искания, сектантство и традиционное богомыслие. Дурылин попал в разночинскую среду, для которой были характерны революционность, то есть последовательная и бескомпромиссная борьба против власти и вера в Знание, должностующее дать ответы на все вопросы. Конечно же, недовольство существующим строем, отказ от признанных авторитетов и поиски чего-то нового нашли отклик в его юной, романтической душе.

С «ЧУВСТВОМ ЧРЕЗВЫЧАЙНОСТИ»

Дурылин переживает период атеизма и жесткой критики тогдашнего российского общества. Приобщившись к революционным идеям еще в гимназии, в 16 лет он пишет стихотворение «Рабочая песня», которое публикуется в подпольном издании; в 1904–1907 годах трижды сидел в тюрьме по несколько месяцев «за пропаганду». Его самый близкий друг Михаил Языков активно занимался революционной деятельностью и был убит жандармами в 1906 году.

Сергей Дурылин по воспоминаниям друзей юности, был «натурой созерцательной, мягкой, весь ушедший в себя, как бы боящийся внешнего своего проявления». Литература и искусство стали для него высшими ценностями. Однако это не помешало ему принять в 18 лет решение жить исключительно личным трудом и выполнить его. Определились симпатии и склонности Дурылина в общественной жизни и в литературе: он становится «своим» в издательстве «Мусажет», ставшим одним из центров московских символистов — литераторов и художников. На мусажетских собраниях, — вспоминал Борис Пастернак, — Андрей Белый, Борис Садовский и другие занимались с молодежью историей немецкой романтики, русской лирики, эстетикой Гете и Рихарда Вагнера, древнегреческой досократовской философией. Дурылин пишет стихи, и его произведения вошли в сборник, выпущенный в 1911 году наряду со стихами А.Блока, А.Белого, М.Волошина, Н.Гумилева, В.Ходасевича, М.Цветаевой. Он помог напечатать первые поэтические произведения Бориса Пастернака.

Накануне первой русской революции Сергей Дурылин входит в Религиозно-философское общество имени Владимира Соловьева и скоро становится секретарем общества. Начало XX века частью русского общества воспринималось с обостренной тревогой, «все более и более нарастает чувство чрезвычайности» (А.Белый). Мир становится иным, все больше соблазнов и искушений, все серьезнее угрозы — и вновь в людях пробуждается религиозная потребность. По словам отца Георгия Флоровского, в те годы «религиозная тема ставится как тема жизни, не только как тема мысли... Вспыхивает жажда веры. Рождается потребность... строить свою душу»².

И Сергей Дурылин переживает новый кризис. Для него смена убеждений не была подобна смене костюма. Он с болью отказывался от ложных, не оправдавших себя идеалов и, принимая новые ценности и идеи, устраивает согласно с ними свою жизнь и деятельность. В письме к своему революционному наставнику доктору А.С.Буткевичу, эмигрировавшему после революции 1905 году, Дурылин обвиняет его в том, что он и подобные ему «натаскивали молодежь на революционное дело», не дав им времени самим выработать свою философию жизни, без которой невозможно какое-либо ответственное действие. Дурылин отводит упрек в забывчивости: он не забыл

² Георгий Флоровский, *прот.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С.452.

¹ С.Н.Дурылин. В своем углу. М., 1991. С.26.

Нестеров М.В. Философы. 1917

ни нищих мужиков, ни голодных детей, ни убитого друга, но прежде принятия частных решений (то есть, включения в революционную, антигосударственную деятельность) необходимо уяснить коренные, «самые тревожно-властные» проблемы бытия. Впрочем, о том, что он так и не освободился от революционных увлечений молодости, говорит то, что в 1924 году он с волнением вспоминает о Вере Фигнер, знаменитой революционерке, одной из организаторов убийства Александра II¹.

НА ПОРОГЕ ДВУХ АСКЕТИЗМОВ

1910 год стал переломным. Дурылин поступает на первый курс Археологического института и возвращается к вере отцов. В 1906 году он впервые побывал на русском Севере — в Архангельске, Соловках, Кандалакше. Путешествие произвело на него сильнейшее впечатление и, думается, не только красотой северной природы, но и правильностью жизни в тех краях, верностью заветам предков. В Соловецком монастыре он знакомится с епископом Михеем (Алексеевым), беседует со старцами. В декабре 1915 года он впервые едет в Оптину пустынь.

Но прежде чем рассказать об этом этапном событии в его жизни, отметим некоторые особенности его натуры. Это скрытность, замкнутость, доходящие подчас до нелепостей. Дурылин, например, уменьшал свой возраст, из-за чего в некоторых книгах датой его рождения называется 1886 год. Но это и тяга к людям, особенно к молодежи, желание влиять на людей и воспитывать их. В начале 1910-х годов вокруг получившего известность молодого

писателя сложился круг молодежи, большая часть которой сохранила с ним дружбу до конца своих дней, даже после того, как он снял с себя священнический сан. Не зря же тянулись к нему молодые, чистые сердца, значит было в нем что-то, привлекавшее людей.

В те же годы заметна и определенная двойственность мировосприятия Дурылина. Судя по его публикациям, вера в его душе встала рядом и на равных с искусством, и эстетические мотивы имели определенное значение в процессе его обращения в Православие. Летом 1912 года Дурылин приехал в Нижегородскую губернию на озеро Светлояр в канун «китежской ночи», когда, по преданию, в предзакатный час в тихих водах озера является град Китеж, слышится звон колоколов и видятся китежские старцы в белых ризах. По легенде, имевшей широкое хождение среди старообрядцев, град Китеж после гибели его защитников от полчищ Батюга стал по молитвам праведников невидимым и ушел под воду. Легенда произвела сильнейшее впечатление на Дурылина и послужила импульсом к исследованию религиозно-философского значения феномена Китежа как тяготения народной веры к иной, «праведной Церкви», невидимой, но доступной каждому.

Думается, также неслучайно в предреволюционные годы высшим авторитетом для Сергея Николаевича становится В.В.Розанов, один из самых ярких и самых противоречивых русских философов и писателей, яростный и непримиримый критик Православной Церкви и христианства в целом. О степени их близости свидетельствует то, что Розанов сделал Дурылина своим душеприказчиком². Неслучайно и увлечение Дурылина учением А.Добролюбова о «невидимой Божией Церкви», издание им текстов Лао Цзы и жития святого Франциска Ассизского. Его, как и многих интеллигентов, многое коробило в жизни синодальной Церкви, оставшейся в некоторых своих основах государственным институтом; его угнетала церковная неграмотность простого люда и очевидно возраставшее равнодушие к вере: после первой революции он пришел с матерью в родной храм Богоявления и поразился — там было почти пусто, «куда же ушел этот народ, некогда наполнявший храм до почти смертельной тесноты?» Разочаровывала монашеская жизнь, о недостатках которой открыто писали церковные иерархи. (например, епископ Никон (Рождественский) в журнале «Приходское чтение» в 1910 г.)³. Он напряженно искал Истину... Но как бы то ни было, в декабре 1915 года, накануне Рождества, Дурылин вместе со своим другом Николаем Чернышевым впервые отправился в Оптину.

Поезд опоздал, и вместо пересадки в Калуге на другой поезд до Козельска молодым паломникам пришлось проехать несколько десятков верст на лошадях. «Радостно было смотреть на намечающиеся церкви, башни, колокольню, — писал в письме к будущему протоиерею Сергею Сидорову Н.С.Чернышев. — И кажется, будто свет

² В.В.Розанов: pro et contra. СПб., 1995. Т.1. С.237.

³ П.Н.Зырянов. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М., 1999. С. 243.

¹ С.Н.Дурылин. Указ. соч. С. 218–219.

невидимый оттуда идет. Место истинно православное и святое. Крепкая опора Церкви в России... Сила духа, здесь царящая, вводит сама в молитву. Строгость молитвы окружающих облегчает молитву каждого... Очень советую, Сережа, вам сюда поехать, прямо нужно православному человеку тут пожить. Исповедовались мы у отца Анатолия...»¹

Так в жизнь Дурылина вошел великий Оптинский старец Анатолий (Потапов, † 1922). Записей об их беседах не сохранилось, но, думается, представление об исканиях мятущегося, потерявшегося в жизни интеллигента может дать беседа старца Анатолия с князем Н.Д.Жеваховым: «Батюшка, отец Анатолий, не разберусь я ни в чем... Иной раз бывает так тяжело от всяких противоречий и перекрестных вопросов, что я боюсь даже думать. Так и кажется, что сойду с ума от своих тяжелых дум...» «А это от гордости», — ответил отец Анатолий. «Какая там гордость, батюшка, всегда я старался быть везде последним, боялся людей, сторонился и прятался от них». «Это ничего, и гордость бывает разная. Есть гордость мирская — это мудрование; а есть гордость духовная — это самолюбие... Наш учитель — смирение. Бог гордым противится, а смиренным дает благодать. А благодать Божия — это все...»²

Спустя год, в декабре 1916 года Дурылин вновь вместе с Николаем Чернышевым и Сергеем Сидоровым приезжает в Оптину. Судя по воспоминаниям, в ходе бесед со старцем Анатолием он высказывает ему свое желание стать монахом, но не получает на то благословения, потому что пока не готов к этому³. В письме тех лет он пишет: «Я был на пороге двух аскетизмов: в юности — рационалистического интеллигентского, теперь стою на пороге полумонашеского... И я знаю, что должен стоять, постояв, переступить этот порог и уйти. А во мне борется что-то, я люблю молодость, красоту...»⁴ Личность и получения Оптинского старца сильнейшим образом повлияли на Дурылина и его молодых друзей: те отбросили мистические увлечения и обрели твердость в Православии, а ему в 39 лет уже мало было только верить, ему хочется служить Церкви — но чем, как?

В те годы Дурылин часто появляется с рефератами в Религиозно-философском обществе, где молодые слушатели и слушательницы находили выступления молодого литературоведа с религиозно-философской устремленностью «поэтичными, лиричными, романтическими». Он появлялся обычно в зале окруженный стайкой молодых круглолицых и румянолицых девиц Богомоловых (их было несколько сестер). Молодые люди были в восторге от романтической взволнованности Дурылина, то рассматривавшего судьбу Лермонтова в свете идей Владимира Соловьева, то толковавшего о значении Китежа как «Церкви невидимого града», то открывавшего глубины

творчества Николая Лескова. Знал ли он тогда слова старца Нектария, что «все стихи мира не стоят одной строчки Священного Писания»?..

Дурылин любил молодежь и ощущал свое призвание в учительстве. Он стал другом и наставником молодых Сережи Фуделя, Сережи Сидорова и Николая Чернышева. По воспоминаниям С.И.Фуделя, он водил их «в кремлевские соборы, чтобы мы через самый покой их камня ощущали славу и тишину Церкви Божией, водил на теософские собрания, чтобы мы знали, откуда идет духовная фальшь, на лекции Флоренского «Философия культуры», чтобы мы поняли живую реальность таинства, в Щукинскую галерею, чтобы мы через Пикассо услышали, как где-то, совсем близко, шевелится хаос человека и мира, на свои чтения о Лермонтове, чтобы открыть в его лазурности, не замечаемой за его «печоринством», ожидание «мировой души» Соловьева...

Те университеты, которые мы тогда проходили, особенно под влиянием С.Н.Дурылина, в главном можно было определить так: «познание Церкви через единый путь русской религиозной мысли, начиная от древних строителей «обыденных храмов» и кончая, точно случайными, ответами великого Света у некоторых современных русских писателей...»⁵

АПОКАЛИПСИС И РОССИЯ

Наступает 1917 год, в котором происходит важнейший исторический переворот в истории России и в судьбе русской Церкви. Снимаются заслоны на пути стихий, хаос воцаряется в мире и смущает души людей. Происходит то, о чем задолго предупреждали русские старцы. Так святитель Феофан Затворник в 1893 году писал в письме: «Гибнет Русь православная!.. Враг нашел вход в стадо наше, и все пошло кверху дном...»⁶

Первые декреты Временного правительства об отделении Церкви от государства, о необязательности преподавания Закона Божия в учебных заведениях, о конфискации помещений церковно-приходских школ и о свободе выбора исповедания в 14 лет означали, что новое государство мыслит себя «внеконфессиональным», отбрасывая все историческое наследие России. Новый обер-прокурор Святейшего Синода, революционный бюрократ-мечтатель В.Н.Львов самоуправно вмешивается в дела церковного управления, смещая иерархов и продвигая к кормилу церковного управления «демократическое духовенство». Осенью большевистская партия с легкостью смела власть самовлюбленных либеральных болтунов и установила свою диктатуру. Уже 31 октября (ст.ст.) 1917 года проливается кровь священномученика Иоанна Кочурова, и это становится началом эпохи жесточайших гонений на русскую Церковь.

Но в 1917 года еще сохранялись у людей иллюзии и надежды, иные пошучивали. Известен рассказ, как

¹ Записки священника Сергея Сидорова. М., 1999. С.174.

² Житие иеросхимонаха Анатолия (Потапова). Введенская Оптина пустынь, 1995. С.174.

³ «Пастырь добрый». Жизнь и труды московского старца протоиерея Алексея Мечева. М., 1997. С.667.

⁴ С.Н.Дурылин. Указ. соч. С.26.

⁵ «Новый мир», 1991, №4. С. 186.

⁶ Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Собрание писем. Вып. I и II. М., 1994. С.252.

В.В.Розанов пришел с Дурылиным в Московский Совет и заявил: «Покажите мне главу большевиков — Ленина или Троцкого. Ужасно интересуюсь. Я — монархист Розанов». Дурылин едва сумел увести его¹.

Летом того же года в окрестностях Сергиева Посада М.В.Нестеров пишет двойной портрет отца Павла Флоренского и С.Н.Булгакова, назвав его «Философы». В переданном на холсте глубоком, сосредоточенном молчании двух русских мыслителей угадываются вопросы, волновавшие тогда всех: в чем воля Божия относительно страны и Церкви? Как надлежит поступать православным по отношению к наступающему злу?..

Сергей Николаевич Дурылин, к тому времени член Братства Святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа при Чудовом монастыре, входит в Кружок ищущих христианского просвещения, а в своей маленькой комнатке в Обиденском переулке жарко спорит с друзьями о будущем России и будущем Церкви. В качестве гостя он присутствует на заседаниях Поместного Собора, а весной 1918 года приглашен вместе с отцом Павлом Флоренским и М.А.Новоселовым принять участие в работе Соборного отдела о духовно-учебных заведениях². По инициативе горячего апологета Православия М.А.Новоселова в апреле 1918 года на его квартире открылись по благословению Патриарха Тихона Богословские курсы, на которых владыка Феодор (Поздеевский) читал курс Священного Писания, сам Новоселов — патристику, а Дурылин — церковное искусство. Вскоре он переезжает в Сергиев Посад и принимает активное участие в работе Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. В 1918–1920-х годах он работает вместе с отцом Павлом Флоренским, который был секретарем этой Комиссии и с которым Дурылин был знаком ранее и чье влияние на себе ощущал сильно, особенно высоко ценя «Столп и утверждение Истины». В труднейший и голодный 1918 год затевается издание серии книг религиозно-национально-философского содержания «Духовная Русь» с участием А.Ф.Лосева, Н.А.Бердяева, С.Н.Булгакова, кн. Е.Н.Трубецкого. В ней Дурылин намеревался издать две свои работы: «Религиозное творчество Лескова» и «Апокалипсис и Россия»³.

Но все сильнее раскручивается кровавый и безжалостный маховик репрессий против народа и Церкви: убивают царя, разгорается жестокая гражданская война. Православие клеймят как «устаревший пережиток царского строя», священников изгоняют из храмов, объявив «классовыми врагами», и даже убивают, церковные святые подвергаются поруганию. Все это происходит где при активном сопротивлении или ропоте народа, а где и при его молчании или содействии. Рушится миф о «народе-богоносце».

Священник Алексей Мечев

Каждый человек в эти роковые годы принужден был сделать свой выбор, сделал свой выбор и Сергей Николаевич Дурылин: он едет в Оптину пустынь и просит у старцев Анатолия и Нектария († 1928) благословение на принятие монашества. Ему хотелось укрыться за высокими стенами монастыря от ужасов жизни, хотелось молить Бога о прекращении вражды, о единении людей. Но старцы благословили его на иной путь — служения людям в качестве священника. По свидетельству протоиерея Сергея Сидорова († 1937), Дурылин кроме иеросхимонахов Анатолия и Нектария, пользовался глубоким уважением старца архимандрита Феодосия († 1920)⁴. Решение о принятии священства было истинно мужественным поступком: встать в ряды воинства Христова в те годы означало не только отказаться от житейских благ и благополучия, но и быть готовым в любую минуту отдать свою жизнь за Христа.

⁴ «Пастырь добрый». Жизнь и труды московского старца протоиерея Алексея Мечева. С. 667.

¹ В.В.Розанов: pro et contra. Т.1. С. 236.

² Переписка священника Павла Александровича Флоренского и Михаила Александровича Новоселова. Томск, 1998. С. 32.

³ А.Тахо-Годи. Лосев. М., 1997. С. 68–69.

ОТЕЦ СЕРГИЙ

Переехав в Москву, Дурылин готовится к перемене своей жизни под опекой отца Алексея Мечева († 1923) в известном всей церковной Москве храме Николы в Кленниках. 2 марта 1920 года он рукоположен в сан иерея и начинает свое служение в храме святителя Николая на Маросейке, где проводит внебогослужебные беседы.

Новый священник быстро получает известность своими «назидательными беседами». Отец Сергей два раза в неделю занимается с детьми, участвует в составлении службы Всем святым, в земле Русской просиявшим, где ему принадлежат тропари канона святым Калужским (песнь 4, тропарь 7) и Тамбовским (песнь 9, тропарь 1) и второй светилен, обращенный к Софии Премудрости Божией¹.

Церковную жизнь России тех лет неверно было бы свести лишь к мученическому стоянию за веру. «Это была жизнь скупости во всем и какой-то великой темноты, среди которой, освещенный своими огнями, плыл свободный корабль Церкви, — много позднее вспомнил С.И.Фудель. — В России продолжалось старчество, то есть живое духовное руководство Оптиной пустыни и других монастырей. В Москве не только у отца Алексея Мечева, но и во многих других храмах началась духовная весна, мы ее видели и ею дышали. В Лавре снимали тяжелую годуновскую ризу с рублевской «Троицы», открывая божественную красоту. В Москве по церквам и аудиториям вел свою проповедь Флоренский, все многообразие которой можно свести к одной самой нужной истине: о реальности духовного мира»².

Стоит привести и свидетельство «с другой стороны», свидетельство непримиримого врага патриаршей Церкви — вождя обновленческого движения Александра Введенского: «В церковной жизни увеличивается религиозность. Массы новообращенных заливают дворы Господни... Новая церковная интеллигенция занимается организацией церковных сил... В 1919–1920 годах, несомненно, наряду с притаившейся... струей контрреволюции в Церкви шумели весенним побегом воды подлинной религиозности»³. Вопреки демоническому злу во многих крупных городах России образовались христианские студенческие кружки. В Москве их организатором был Владимир Марцинковский, который привлекал не только православных, но и католиков, баптистов, протестантов, евангелистов. В кружках изучали Евангелие и Ветхий Завет.

Дурылин был воодушевлен этой обстановкой духовного обновления, тем более, что находился среди его активных деятелей. Перестраивалась жизнь приходо-в, вновь был поднят вопрос об имяславии, пересматривались некоторые вопросы церковной истории России. Впервые за два века открыто, с участием мирян обсужда-

лись кардинальнейшие вопросы жизни Церкви. Сторонники имяславцев имелись в среде духовенства, среди монашества и в кругу молодых москвичей, среди которых особенно активен был философ А.Ф.Лосев. Близкий к Дурылину М.А.Новоселов самостоятельно занимался глубоким исследованием этого вопроса. Тогда формулировались основные идеи, позже вошедшие в документ под названием «Большое имяславие», в котором, в частности, утверждалось: «Похулено и осквернено сладчайшее Имя Иисусово, и вот постигла Россию великая разрушительная война, падение и расслабление великого народа, безумие и окаянство жесточайшего сатанинского десятилетия...»⁴

На все прочее отец Сергей не обращал внимания. Быт его известен по воспоминаниям: жил в четырехметровой холодной комнате, при постоянных «стуках»: люди шли один за другим, просьбы, слезы; недоедал, недосыпал, был плохо одет. Сам он будто ничего этого не замечал, но трудно было при такой непрактичности и неприспособленности просто выжить. У отца Сергея украли, например, материнский плед, служивший одеялом; он не раз падал в обморок от голода. Одна из молодых прихожанок, двадцатилетняя Ирина Комиссарова, стала подкармливать его: приносила с работы ведро ржаной каши, на которую собиралась ее знакомая молодежь, и отец Сергей кормился этой кашей.

Весной 1921 года отец Сергей совершает решительный поступок: без благословения отца Алексея Мечева переходит служить в Боголюбскую часовню у Варварских ворот Китай-города и становится там настоятелем. Поселившись во внутренних помещениях Варварских ворот, он служит там со своим другом отцом Петром⁵. Мы не знаем, что побудило отца Сергея оставить храм Николы в Кленниках, но связей с отцом Алексием, его сыном, отцом Сергием и маросейской общиной он не порывал. Но как не вспомнить один из заветов Оптинского старца Нектария: «Самая высшая и первая добродетель — послушание. Это самое главное приобретение для человека... И жизнь человека на земле есть послушание Богу»⁶.

А душу священника Сергея Дурылина смущают сомнения, позднее запечатленные в отрывочных записях: «Смотришь на липкую октябрьскую черноземную грязь, на старые заборы, на завалившиеся избы в деревнях, на заплыванные хмурые полустанки, из каждой щели которых глядит белесая вошь, слышишь «мать твою» во все предметы видимого и невидимого мира, видишь широкие скулы... бесцветные глаза, задыхаешься от густого... облака махорки, плывущего над Россией, обоняешь отвратительный рвотный запах самогона... Дело в том, что человек бесконечно одинок, неопишимо одинок... И это одиночество... он пытается истребить, сливаясь с другими в любви, в знании, в искусстве, в Боге. Напрасный

¹ Переписка священника Павла Александровича Флоренского и Михаила Александровича Новоселова. С. 667.

² «Новый мир», 1991, №4. С. 187.

³ Цит. по: П.Н.Милюков. Очерки по истории русской культуры. Том второй. М., 1994. С. 215–216.

⁴ А.Тахо-Годи. Указ. соч. С. 117.

⁵ «Пастырь добрый». Жизнь и труды московского старца протоиерея Алексея Мечева. С. 668.

⁶ Вениамин (Федченков), митрополит. Божьи люди. Мои духовные встречи. М., 1997. С.145.

труд! Чем теснее слияние, тем глубже одиночество... Человечеству верилось до сих пор — и все было хорошо: и святые святые, и папы непогрешимы, и мощи благоуханны, и чудеса несомненны... Но вот пришел какой-то роковой рубеж времен... и не верится. И с этим никто и ничего не поделает. Всему человечеству не верится»¹. Тайна души человеческой открыта Богу, не нам, но можно представить, как трудно было отцу Сергию.

«ВЕКОВОЙ РУБЕЖ ВРЕМЕН»

Летом 1921 г. еще одно страшное бедствие обрушивается на русский народ — голод в Поволжье. Голодали целые губернии, вымирали деревни. В августе 1921 года Святейший Патриарх Тихон обращается с посланиями к главам христианских Церквей с призывом во имя христианской любви «немедленно высылать хлеб и медикаменты». Был создан Всероссийский Церковный комитет помощи голодающим, и во всех храмах начались сборы денег для оказания помощи. 6 (19) февраля 1922 года Патриарх выпускает послание, в котором допускает жертвовать на нужды голодающим драгоценные церковные украшения и предметы, не имеющие богослужебного употребления. Но богоборческая власть увидела в этом послании повод для нового витка борьбы против Церкви: 13 (26) февраля ВЦИК постановил изъять из православных храмов все драгоценные церковные вещи, в том числе и имеющие богослужебное назначение. Едва Патриарх осудил это, назвав святотатством, как вся пропагандистская машина большевиков обрушилась на него и на Церковь, обвиняя «церковников» в равнодушии к бедствию народа.

Война государства против Церкви приобретала небывалый размах. Во всех газетах появлялись статьи и фельетоны с клеветой и нападка на священников, монахов и архиереев, тысячи агитаторов выступали на собраниях и митингах, клеймя «жадных и корыстных попов». Советскими законами священнослужители были лишены гражданских прав, не могли получить продовольственные карточки, дети священнослужителей не принимались в вузы и на работу в советские учреждения. ВЧК (с 1922 года — ОГПУ) установило через своих «секретных сотрудников» контроль за деятельностью церковных общин; власти всех уровней принимали различные меры для стеснения деятельности священников, активно занимавшихся проповедничеством и имевших авторитет. Например, в декабре 1920 года Секретный отдел ВЧК принял решение «о нежелательности появления Патриарха Тихона на церковных службах», и органы юстиции крайне редко давали санкцию церковным общинам Москвы на приглашение Святейшего Патриарха для службы в приходском храме². Глава ВЧК Дзержинский в декабре 1921 года предложил Политбюро ЦК ВКП(б) проведение «политики развала» Церкви, для чего предлагал использовать тонкие методы «лавирования»³. Так было положе-

но начало расколу Церкви и появлению под контролем чекистов «обновленческого движения». 11 марта 1922 года Троцкий, возглавивший в Политбюро борьбу с Церковью, предлагает создать секретную комиссию для руководства изъятием церковных ценностей. 19 марта 1922 года Ленин пишет «строго секретное» письмо членам Политбюро, запретив им снимать копии. Это письмо по поводу событий в Шуе, где рабочие возмутились изъятием церковных ценностей и попытались этому воспрепятствовать, опубликовано лишь в начале 90-х годов. Письмо имело директивный характер не в отношении целей, они давно были известны, а в отношении методов борьбы с верой: предлагалось действовать «с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь подавлением какого угодно сопротивления», требовалось подавить сопротивление «с такой жестокостью, чтобы они [духовенство] не забыли этого в течение нескольких десятилетий»⁴. Поднимается волна массовых арестов духовенства, вскоре на скамью подсудимых власти посадят Святейшего Патриарха Тихона, митрополита Вениамина и еще многих священнослужителей; положено начало концентрационному лагерю на Соловках, где позднее соберется собор русских архиереев...

20 июня 1922 года священник Сергей Дурылин был арестован и помещен в Бутырскую тюрьму. По обыкновению начались хлопоты, и наиболее авторитетные из его знакомых во главе с академиком архитектуры А.В.Щусевым обратились с ходатайством к народному комиссару просвещения Луначарскому. Для знакомых отца Сергия советский нарком виделся могущественной личностью, они не знали, что в партии ему постоянно ставили в вину бывшее «богоискательство», что его якобы свободные диспуты о вере со священником Александром Введенским — спектакль, о деталях которого «диспутанты» договаривались заранее за чашкой чая на квартире наркома. Луначарский отлично понимал, когда, за кого и о чем можно ходатайствовать перед могущественными ВЧК и Политбюро, знал, что по инициативе Ленина готовится высылка за границу наиболее видных философов и писателей, настроенных откровенно оппозиционно к Советской власти. Он поставил условие: Дурылин должен снять с себя сан, лишь тогда он сможет помочь. И отец Сергей снимает с себя священнический крест и становится мирянином.

Быть может, провидели это Оптинские старцы, не благословив его на монашеский путь? Старец Нектарий в революционные годы твердо говорил: «Я тебе заповедую монашество больше всего хоронить. Если к тебе револьвер приставят, и то монашества не отрекайся. Отречься от монашества — отречься от второго крещения, а значит, и от Христа»⁵.

Он отсидел еще полгода во Владимирской тюрьме, в 1923 году его отправляют в ссылку в Челябинск — и по

³ Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. Новосибирск-Москва, 1997. С.9.

⁴ Там же. С. 141–142.

⁵ Вениамин (Федченков). митрополит. Указ. соч. С. 158.

¹ С.Н.Дурылин. Указ. соч. М., 1991. С. 256, 258.

² Акты Святейшего Патриарха Тихона. М., 1994. С. 169.

благословию отца Алексия Мечева за ним едет та Ирина Комиссарова, которая некогда кормила его кашей и которой впоследствии предстояло стать его женой. Но это начало новой жизни Дурылина. Ему предстоит стать доктором филологических наук, профессором, видным историком театра и критиком, он напишет много хороших книг, в том числе биографию великого русского художника М.В.Нестерова, будет награжден орденом Трудового Красного знамени и медалями, о нем появится статья в Большой Советской Энциклопедии, его друзьями станут замечательные писатели, музыканты и актеры, хотя немало видимых и невидимых бед и напастей придется ему пережить. Он принужден был служить, но служил не Советской власти, а своему народу и любимому искусству.

В 1944 году дочь друга его молодости, протоиерея Сергея Сидорова (расстрелянного к тому времени в застенке, но до ареста не изменившего отношения с Дурылиным) приехала к нему на дачу в подмосковное Болшево. «Помню ощущение довольства и сытости, столь необычные для меня в обстановке тогдашнего недоедания и неустройства. Помню обед на залитой солнцем террасе, белые салфетки, милую тихую его жену. И самого Сергея Николаевича, маленького, суховатого, немногословного и очень уверенного в себе, незаурядного, талантливого человека»¹.

«ПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОГО СВЯЩЕННИКА»

В записях для себя, опубликованных почти через сорок лет после его кончины в 1954 году, Сергей Николаевич Дурылин вспоминал старца Анатолия: «Он никогда и никому, сколько знаю, не приказывал и не повелевал никем, хотя знаю десятки людей, только и желавших, чтоб он приказывал им. Я сам был одним из них долгие годы. Вероятно, если бы сказать ему, что он высоко ценит свободу человеческую и свободное деяние человека, он засуетился бы, замыл бы разговор с детской стеснительностью, с улыбкой пощады и даже вины какой-то. А он действительно ценил эту свободу... Где свобода, там и борьба. От этой благой борьбы он не избавлял тех, в силы коих верил...»² Эту трудную проблему свободы в христианстве Дурылин решал своей жизнью.

Он снял с себя сан, хотя многие отрицали этот факт. Б.Селиверстов считал, что Дурылин сана не снимал, но прекратил служить из-за женитьбы на Ирине Дмитриевне из мечевской общины³. С.И.Фудель объяснял иначе: «Человек полный веры, наверное, ничем не жертвует, отходя от мира, с тайным вздохом о своей жертве, так как, наоборот, он все приобретает: он становится теперь у самых истоков музыки, слова и красок. Если священство есть не обречение «сокровища, скрытого в поле», а некая

Преподобный Анатолий Оптинский (Потапов)

«жертва», то, конечно, тоска о пожертвованном будет неисцельная, и воля в конце концов не выдержит завязанного ею узла. Так я воспринимаю вступление Сергея Николаевича в священство и его уход из него»⁴. А в письме находившегося в ссылке митрополита Кирилла (Смирнова) от 12 (25) апреля 1934 года мы вдруг видим упоминание об «одаренном человеке» — «отце С.Дурылине»⁵, а уж маститый иерарх должен был знать давние-давние новости...

Для написания М.В.Нестеровым портрета «неизвестного священника», в 1927 году, Сергей Николаевич Дурылин принужден был вновь надеть рясу и священнический крест. Тяжелая дума на его лице. О чем? Быть может, вспоминал он в те минуты слова святителя Феофана Затворника: «Бог везде доступен. И Сам Он не ближе к Афону, чем к Елатье. Всяко делайте, как душа!..»

¹ Записки священника Сергея Сидорова. С. 171.

² С.Н.Дурылин. Указ. соч. С. 315.

³ «Пастырь добрый». Жизнь и труды московского старца протоиерея Алексия Мечева. С. 668.

⁴ Цит по: «Пастырь добрый». Жизнь и труды московского старца протоиерея Алексия Мечева. С. 668.

⁵ Акты Святейшего Патриарха Тихона. С. 869.

Величит душа моя Господа

ТОЛКОВАНИЕ НА ДЕВЯТУЮ ПЕСНЬ БОГОРОДИЦЫ МАРИИ
ПРЕПОДОБНОГО НИКОДИМА СВЯТОГОРЦА (ОТРЫВОК)

Вниманию читателя предлагается отрывок из толкования преподобного Никодима Святогорца на Песнь Богородицы, которая поется по 8 песне канона, а именно его объяснение первых слов Песни Богородицы «Величит душа моя Господа». Известно, что преподобный Никодим Святогорец (1749–1809) — автор 172 изданных и неизданных сочинений, из которых около 20 — это огромные труды, порой более 1000 страниц. К сожалению, русскоязычный читатель недостаточно хорошо знаком с ними. На русском языке известны только «Невидимая брань» и «Добротолюбие» в переводе святителя Феофана Затворника. «Пидалион» (толкования на церковные каноны), «Духовные упражнения», «Толкования на послания апостола Павла и на соборные послания» в 4 томах, «Подвижническое руководство» (*Συμβουλευτικὴν Ἐγχειρίδιον*), «Руководство для духовника» (*Ἐξομολογητάριον*), «Новая лестница» (толкование на степенны) — вот далеко не полный перечень первостепенных по значимости сочинений Святого.

Толкование на Песнь Богородицы содержится в книге святого Никодима «Сад милостей». Недавно оно вышло в Греции отдельным изданием. Язык автора возвышен. План ясен и схоластически строг. Богородица возвеличила Господа словами, мыслями и делами, что изъясняется в самых возвышенных тонах и подкрепляется святоотеческими высказываниями, в особенности, мыслями из Слова на Введение (53 гомилия) святителя Григория Паламы. Подчеркивается исключительное положение Божией Матери, Ее роль как духов-

ного учителя, первой подвижницы, ставшей законодателем аскетической практики умного делания. Такие мысли продолжали афонскую традицию почитания Божией Матери, к Которой на Святой Горе Афон искони относились с огромным благоговением. Преподобный Никодим Святогорец очень близок святителю Григорию Паламе: современный греческий исследователь его творчества протопресвитер Георгий (Марнеллос) небезосновательно считает, что после четырехвекового перерыва он — первый монах-писатель, достигший меры совершенства Фессалоникийского Святителя. Не случайно, что преподобный Никодим, перевел и приготовил к изданию все сочинения святителя Григория, но, к сожалению, судьба этого огромного труда, до последнего времени считавшегося утерянным, так и не прояснилась. Таким образом, частые упоминания святителя Григория Паламы и ссылки на его Слово на Введение указывают не только на простое цитирование, но и на глубокое постижение сокровенных смыслов его сочинений.

Перевод с «простого» греческого языка, на котором писал преподобный Никодим Святогорец, сделан в Греко-латинском кабинете при МДА по книге: Νικόδημος Ἀγχιερῆτης. Ὁβριμνηΐα τῶς ὑνάτης ἰδίως τῶς Θεοτόκου Μαρίας. Θεσσαλονίκη, 1991. ΣΣ. 15-22. В сносках указываются источники цитируемых текстов со ссылками на греческую Патрологию Миня (PG) или на Фессалоникийскую патрологическую серию «Греческие Отцы Церкви» (ЕПЕ).

Иеромонах Дионисий (Шленов)

Икона Божией Матери Афонская.
Современное письмо

Дева Мария возвеличила Господа помышлениями, словами и делами. Во-первых, помышлениями великими, высокими и достойными величия Божия. Ведь Она в течение всей своей жизни, и особенно за те двенадцать лет, которые находилась внутри во Святая Святыя, ни о чем не помышляла и ни чем не занималась, кроме как созерцанием, или, лучше сказать, Боговидением: Она возвысилась над всяким малоценным созерцанием земного, к чему так стремится мир, и превзошла одновременно все чувственное и умопостигаемое, а также все силы души, а именно: чувство, воображение и мнение, и различные рассуждения разума, и одним только умом, безвидно и безобразно, стала созерцать Бога, подобно некоему бес-

плотному Ангелу, как величаво говорит о Ней митрополит Фессалоникийский Григорий в своем первом *Слове на Введение*¹. Только одна и только Бога созерцающая, и только одна только Богом созерцаемая; только одна и только Господа величающая и только одна только Господом величаемая; только одна и только Господа любящая и только одна только Господом любимая.

И если богоносный отец и великий философ Максим, толкуя слова псалма *во Израиле велие имя Его*², сказал, что «созерцающий, постигая умом величие Божие, достойно Его возвеличивает», кто иной оказался более созерцательным и проникновенным, чем Богородица в высоких созерцаниях Бога? Или кто иной, будь то Ангел или человек, более чем Она постиг величие Божие? Конечно, никто. Так значит, никто иной из ангелов и из людей не мог подобающе возвеличить Бога в той мере, как Его возвеличила Богородица.

Посему и вышеупомянутый Фессалоникийский Григорий высоко и велеречиво сказал, что Богородица, проводя равноангельное и боговидное житие внутри, во Святая Святыя, устремилась к одному умному деланию, намного большему, чем созерцание древних мудрецов, и удостоилась созерцания настолько более высокого и превосходящего созерцание древних, насколько истина выше воображения³. В самом деле через возвращение ума в себя, внимание и божественную непрестанную молитву, соединившись вся всецело с Собой, Она возвысилась над всяким видом и образом, благодаря чему устроила новый путь на небеса, а именно умное (назову его так) безмолвие: прилепившись к нему умом, Она восходит над всеми тварями и созерцает славу Божию совершеннее Моисея и видит Божественную благодать, которая совершенно не постижима чувствами, но является неким священным и любезнейшим зрелищем для монахов, чистых душ и ангелов. Это умное делание и созерцание Богородица Сама открыла и трудилась над ним, и передала последующим делателям. Обо всем этом говорит тот же Григорий Фессалоникийский в первом *Слове на Введение*, переложеном на простой греческий язык⁴.

Во-вторых, Дева возвеличила Господа словами великими, словами высокими, словами, подобающими Божественному величию, потому что вся Ее жизнь была не чем иным, как славословием Бога, и в устах Ее не обрелось ничего иного, кроме величия Бога, и Его возношения и славы. Так что, где бы ни звучали глас и слово Богородицы, они были всегда *в великолепии*, по речению

¹ Ср.: *Святитель Григорий Палама*. Слово 53, 47. 'Ελληνες Πατέρες 'Εκκλησίας (ЕПЕ) 79. ΣΣ. 322-323. См. русский перевод архимандрита Амвросия (Погодина): *Святитель Григорий Палама*. Беседы. Т. 3. М., 1994. СС. 113-114.

² Пс. 75, 1.

³ Ср.: *Святитель Григорий Палама*. Слово 53, 49. ЕПЕ 79. ΣΣ. 324-325. См. русский пер.: Беседы. Т. 3. С. 115.

⁴ Ср.: *Святитель Григорий Палама*. Слово 53, 51.52.59. ЕПЕ 79. ΣΣ. 326-329, 338-339. См. русский пер.: Беседы. Т. 3. СС. 116, 123, 128, 134.

Давида¹. Но по преимуществу и в особенности Дева возвеличила Господа словами этой Песни: Она называет Его *Сильным* и Всесильным, именует Его *святым* и всесвятым, возвещает, что *милость Его* изливается во все роды людям, и исповедует, что Он *расточает гордых и сильных, и возносит смиренных, исполняет алчущия, отпускает ни с чем богатящихся, воспринимает Израиля* и исполняет, *якоже глагола ко Аврааму и семени его*. В самом деле, все это возвеличивает Господа и укрепляет Его славу и господство.

Наконец, в-третьих, Дева возвеличила Господа делами великими, делами высокими, делами, достойными Божественного величия, потому что Она благодаря Своей сверхчеловеческой и равноангельской жизни, когда целых двенадцать лет провела во Святая Святых, и через крайнюю и превосходящую естество Свою чистоту удостоилась стать Матерью Самого Сына Божия и Слова. Поэтому не хватит никаких слов, чтобы изобразить, насколько Дева возвеличила Господа и насколько укрепила Его господство и царство. Ведь чем большее число людей Она обратит к Богу, тем больше возвеличивает и укрепляет Божие господство. Кто иной из тварных существ обратил большее число людей к Богу, чем Богородица, Которая через бессеменное рождество привлекла все народы земли к богопознанию и подчинила их царству и господству Бога?

Поэтому все ангелы, имеющие попечение о народах, согласно с песнью Моисея: *постави пределы языков по числу ангел Божиих* (Втор. 32, 8), не покорили столько людей Богу и не возвеличили настолько господство Божие, насколько одна только Богородица. И все апостолы там, куда были посланы, чтобы научить все народы, не спасли столько человеческих душ и не укрепили настолько царство Господа, как одна только Богородица. В самом деле, Она стала виновницей того, что господство и власть Господа возвеличивались, укреплялись и возрастали не только среди иудеев, но и среди всех народов земли; не только на земле, но и на небе; не только на небе, но и среди всех небесных ангелов, потому что Она одна только поставлена границей между Творцом и творением, по Фессалоникийскому святителю Григорию². Она Бога сотворила сыном человеческим, а людей — сынами Божиими, ангелов явила непреклонными на зло и удостоила их совершеннейших дарований³.

И Давид, поскольку не имел достаточных сил, чтобы возвеличивать только самому Господа, призывает всех кротких и святых потрудиться вместе с ним в этом великом деле, говоря им: *«Возвеличьте Господа со мною»* (Пс. 33, 4). А Богоматерь, совершенно самодостаточная в этом великом занятии, будучи Матерью Бога, исключительно Сама от Себя возвеличивает Господа, не нуждаясь в содействии людей. И справедливо говорит это: ведь если все дела и творения, сколь чувственные, столь умо-

постигаемые, возвеличивают Творца всех мудростью, и размером, и красотой, и другими природными совершенствами, с которыми они были сотворены, — *яко возвеличишися дела Твоя, Господи, вся премудростию сотворил еси* (Пс. 103, 24) — насколько же Дева достойнее возвеличивает Господа, не только природными и приобретенными совершенствами, которыми Она была одарена, но более того, совершенствами, вышеестественными и божественными, благодаря которым Она стала красой всего мира, убранством всего творения и украшением ангелов и людей? Если кто-нибудь станет созерцать их внимательно, то тотчас начнет возвеличивать и прославлять Господа, Который столь замечательно Ее одарил.

И по мере того, как возвеличивала Богородица Господа и господство Господне, так, наоборот, умаляла диавола и диавольское владычество, поскольку уничтожила его царство, истребила идолослужение и отняла у него

³ Святой Никодим Святогорец делает следующее пояснение: «О том, что ангелы получили непреклонность через Богородицу от таинства Божественного воплощения, свидетельствует Григорий Богослов, который в своем Слове на Пасху говорит: «Сегодня спасение мира, как видимого, так и невидимого» (Слово 45 PG 36, 624 А). Под спасением невидимого мира он имеет в виду непреклонность ангелов ко злу, по толкованию его комментатора Никиты Гераклеяского (см.: PG 127, 1177–1480). И Иоанн Дамаскин в своем Богословском слове говорит об ангелах: «Ныне они стали недвижимы (на зло)» (Изложение православной веры, 17. PG 94, 872 В; ЕПЕ 19. Σ. 146), а также святитель Фессалоникийский божественный Григорий в своем Слове на Рождество Христово (Гомилия 58 ЕПЕ 79, ΣΣ. 462–463. См. русский пер.: Беседы. Т. 3. С. 182)... Никифор Ксанфопул (1256–1335), толкуя «Святому Духу всякое благодарие, якоже Отцу и Сыну сооблищает» (см.: Октоих. Т. 1. М., 1991. С. 362) на степенях третьего гласа, говорит: «Получили и ангелы способность не уклоняться более к худшему: подобно тому как люди благодаря пришествию Христа были призваны к восстанию от падения, так и сущность ангелов была облагодетельствована тем, чтобы более не соблазняться». И богоносный Максим: «во Христе происходит завершение веков, и то, что движется, останавливается, когда никто (из существующих) более не изменится» (Ср.: Преп. Максим Исповедник. 60 вопросоответ к Фалассию: PG 90, 625 В; *Φιλοκαλῆα* 14 Γ (ЕПЕ). ΣΣ. 194–195)».

Преподобный Никодим упомянул также Слово на Рождество Богородицы византийского ученого монаха Иосифа Вриения (1350–1431), из которого можно перевести соответствующий отрывок: «Поскольку некоторые из ангелов, после того, как отвернулись от истины, ниспали с небес, и, обманув людей, лишили их жизни и привели к вратам ада, то Бог, опять смилостивившись, приготовил другое небо, одушевленное и словесное, так, чтобы через него привести людей к самопознанию, и еще не павших ангелов — к непреложности. И действительно Мария является небом, превосходящим ангелов и высшим небес, потому что оно охватывает своим покровом всю землю, и украшается семью святыми дарованиями, как небо светилами, и проповедь о нем достигает всех концов земли. Из Нее нам воссияло солнце правды — Восток Ему имя. И Кого не вместили небеса, совершенно неместимого, Она одна удостоилась вместить...» (*Ἰωσήφ Βρυώνιος. Τὰ παραλεπίμενα*. Т. 3. Θεσσαλονίκη, 1991. ΣΣ. 43, 44).

¹ Ср.: Пс. 28, 4.

² См.: *Святитель Григорий Палама*. Слово 53, 6. ЕПЕ 79. ΣΣ. 266–269. См. русский пер.: Беседы. Т. 3. С. 88.

те честь и славу, с которыми его почитали и прославляли вместо Богородицы, будто царя и миродержателя, и поклонялись, будто Богу, все народы мира. Это было с любовью точки зрения восстановлением справедливости. Потому что, как праматерь Ева умалила Господа и Его господство через преслушание, а диавола и его владычество возвеличила, так подобало, с противоположной стороны, чтобы дочь Евы Мария возвеличила Господа и владычество Господне через послушание Ему, а диавола и царство диавола умалила, чтобы дочь исцелила прегрешение своей праматери. И каким образом грех и все злое получили начало от жены, таким же образом опять от жены начнется добродетель и все доброе, как говорит Ориген: «как начался грех от жены, так и благое от жены началось»¹.

Относится это речение и к тебе, христианин, и особенно к тебе, жена-христианка. Ведь если ты тоже имеешь великие помышления о Боге и не печешься о мелких и земных вещах, каковыми являются в первую очередь суетные наряды и украшения одежд, то ты подражаешь Богородице и возвеличиваешь Господа. Если ты тоже славословишь Бога словами богословскими и великими и хранишь свои уста от постыдных речей, небылиц, бра-

¹ Ср. у Оригена: «И как начался грех от жены и после этого достиг мужа, так и добрые дела начинались от жен» (*Origenes. Homiliae in Lucam, Werke, vol. 9/ ed. M. Rauer, Berlin, 1959. P. 47*). Из контекста видно, что под «женами» имеются в виду праведная Елизавета и Дева Мария.

В этом месте преп. Никодим Святогорец делает следующее примечание: «Некоторые пытаются дать более точное толкование, подчеркивают, что Богородица не сказала: «величит душа моя Бога», потому что Бог есть имя являющее природу Бога. А Божественная природа, будучи неизменной и всегда одной и той же, не возвеличивается и не умаляется. Но Богородица сказала именно так: «величит душа моя Господа», потому что господство и владычество Бога возвеличиваются и умаляются, так как Господь — это имя относительное, появившееся в связи с рабскими тварными существами. В самом деле Господь называется Господом рабов. Поэтому Бог до создания тварей, не назывался Господом по действию, ввиду отсутствия рабских тварей, но только по возможности: когда были сотворены рабские тварные существа, тогда справедливо Он стал называться их Господом. Бог называется Господом тварей, во-первых, естественно, когда все подчинено Богу по природе, даже сами неверные и нечестивые, по псаломскому речению *всяческая работна Тебе* (Пс. 118, 91), или произвольно по усвоению, когда только служащие Богу через веру и хранение заповедей являются рабами Божиими. В соответствии со вторым значением господство и владычество Бога возвеличиваются и умаляются: увеличиваются тогда, когда большинство людей подчинится добровольно Его владычеству, а умаляются, когда этому владычеству подчиняется меньшинство».

ни и болтовни, а также, если ты своим словом обратишь грешников к покаянию, ты подражаешь Богородице и возвеличиваешь Господа и укрепляешь Его царство. Если ты творишь дела богоугодные и соблюдаешь заповеди Господни и жительствоешь достойно Евангельского зова, оставляешь всякое лукавое деяние, то ты подражаешь Богородице и возвеличиваешь Господа. Об этом сказал Златоуст: «Но каким образом становится великим Бог, ведь Он существует вечно и не нуждается в прибавлении? Когда преданные Ему явят отличное житие, когда и словами и делами Его воспоют, тогда возвеличивается (Бог), Сам не возрастая в чем-либо, но для незнающих Его через служащих Ему представляя великим»². Но также если ты претерпишь искушения, которые обрушиваются на тебя, с великодушием и храбрым рассуждением, то ты возвеличиваешь Господа. Как говорит Василий Великий: «Возвеличивает Господа тот, кто великим разумением и рассуждением, высоко летящим и превознесенным, претерпевает искушения ради благочестия»³.

Но если, наоборот, в твоём уме мысли и помыслы мелочные — о богатстве, о славе, об удовольствиях и о земных вещах, то ты не подражаешь Богородице, потому что всем этим ты умаляешь Господа. Подобным образом, если в твоих устах болтовня и пустословие, и если ты совершаешь дела низкие и недостойные Бога и твоего христианского звания, то всем этим ты умаляешь Господа. И если сказать вообще в отношении порока и страстей, которым ты позволяешь господствовать над собой, этим ты умаляешь Господа. Как сказал мудрый Ориген: «Умалает душа Господа, соразмерно присущей ей злобе»⁴.

² Святитель Иоанн Златоуст в данном месте толкует слова 103 пс. *Господи Боже мой, возвеличился еси зело*. Это толкование относится к его сомнительным сочинениям и не переведено на русский язык. См.: PG 55, 646.

³ Святитель Василий Великий. Беседа на 33 псалом. PG 29, 357 А.

⁴ Ср.: Ориген. Схолии на ев. Луку. PG 17, 321 С. Преподобный Никодим Святогорец не случайно закончил первую часть своего толкования на Песнь Богородицы ссылкой на схолию Оригена. Ориген толкует в данном месте первые слова из Песни Девы Марии: «Величит душа моя Господа» (Лк. 1, 46): «Нужно понять, каким образом душа возвеличивает Господа. Если мы достойно живем по образу Сотворившего нас, и, насколько возможно, уподобимся Первообразу добрыми делами, то мы возвеличиваем Господа делами, словами, мыслями. А умаляет Его каждый соразмерно присущей ему злобе. Итак, душа Марии возвеличивала Господа, а дух Ее возрадовался о Боге Спасе...». Можно предположить, что преподобный Никодим использовал краткую схолию Оригена как план для своего собственного толкования.

ОСНОВЫ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

ДОКЛАД НА ЮБИЛЕЙНОЙ БОГОСЛОВСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Много причин побуждает сегодня снова и снова говорить об основах духовной жизни. Одна из первых — это убеждение значительного числа верующих в том, что добрые дела, исполнение церковных обрядов и участие в литургической жизни является вполне достаточным условием нормальной духовной жизни. Упускается при этом самое важное — что «воздаяние бывает... не добродетели и не труду ради нее, но рождающемуся от них смирению. Если же оно будет утрачено, то первые будут напрасны» (Преподобный Исаак Сирий).

Другая причина — это распространенная, преимущественно в интеллигентских кругах, теософская идея равноценности духовного опыта православных, неправославных и даже нехристианских подвижников и аскетов. Но эта идея, по существу, отрицает безусловную значимость Жертвы Христовой в деле спасения и духовного совершенствования человека.

Целый ряд и других факторов обуславливает постановку вопроса о духовной жизни в качестве одного из самых насущных для Церкви. Из них, в первую очередь, следует назвать проблему духовничества. Верная мысль о необходимости для христианина иметь духовного руководителя подвергается в настоящее время большим искажениям на практике, приводя многих — как пастырей, так и пасомых, не имеющих должного знания святоотеческих указаний по данному вопросу — к тяжелым ошибкам и трагедиям не только в религиозной, но и в семейной, и в общественной жизни. Также одним из серьезных, болезненных фактов в области духовной жизни, обусловленным не в последнюю очередь ложным духовничеством, является развитие в церковной среде нетерпимости и фанатизма.

Эти, как и многие другие ненормальные явления, имеют, без сомнения, своим источником прежде всего незнание учения Священного Предания Православной Церкви об основах духовной жизни.

ЦЕЛЬ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

Хотя единый Триипостасный Бог есть Дух, Его третья Ипостась тоже именуется Духом Святым, тем самым свидетельствуя человеческому сознанию об особенных Ее свойствах по сравнению с другими Ипостасями. Человек, будучи образом Божиим, отражает в себе эту тайну Бога. Он в своем единстве также имеет три «ипостаси»: ум, слово (мысль) и дух, и каждая из них обладает своими особенностями. Святые отцы духом называют нравственную силу человека, содержание которой обуславливается умом, и, прежде всего, пониманием конечной, высшей цели жизни. Этой целью может быть Бог и вечная жизнь в Нем; но может — богатство, власть, слава; могут — различные наслаждения и интересы: телесные (сравните: *Их бог — чрево* Фил. 3,19), эстетические (например, музыка или живопись), интеллектуальные (например, философия или наука). Однако каков бог у человека, такова и его духовность.

Православное осмысление духовности исходит прежде всего из факта святой Пятидесятницы. «Стяжание» христианином Духа Святого, или обожение, и составляет цель духовной жизни. Эта цель достигается только при правильной (праведной) жизни. Поэтому необходимо знание ее основных законов.

В связи с этим возникает задача исключительной важности: найти наиболее существенные признаки и свойства истинной духовности, ее критерии, которые позволили бы отличить истинную духовность от всевозможных видов лжедуховности, мистицизма, прелести. При разрешении этой задачи первым возникает вопрос:

ЧТО ЗНАЧИТ ВЕРА ВО ХРИСТА?

Интересно и необычно пишет об этом святитель Игнатий (Брянчанинов): «Не сознающий своей греховности, своего падения, своей гибели не может принять Христа, не может уверовать во Христа, не может быть христианином. Зачем нужен Христос для того, кто сам и разумен, и добродетелен, кто удовлетворен собою, кто

признает себя достойным всех наград земных и небесных? Начало обращения ко Христу заключается в познании своей греховности, своего падения; от такого взгляда на себя человек признает нужду в Искупителе и приступает ко Христу посредством смирения, веры и покаяния¹.

Обращает на себя внимание формальное противоречие этих слов общепринятому богословскому тезису о вере как начальном условии принятия Христа. Святитель как бы подчеркивает: не в рассудочной вере в то, что Христос есть Бог и Спаситель, и что Он пришел, пострадал и воскрес, заключено «начало обращения ко Христу». Напротив, сама вера в Него рождается из познания «своей греховности, своего падения», ибо «не сознающий своей греховности... не может уверовать во Христа».

В этой мысли находим первое и основное положение духовной жизни, показывающее глубину православного ее понимания. Верующим, оказывается, может стать и является лишь тот человек, который видит свое духовное и нравственное несовершенство, свою греховность, страдает от нее и ищет исцеления. Только такой, смирившийся внутри себя человек способен к правильной, спасающей вере во Христа. Видящий же себя разумным и добродетельным не может быть христианином и не является им, хотя бы и считал себя таковым.

Не здоровые имеют нужду во враче, но больные, — говорит Господь (Мф. 9, 12). На путь исцеления и спасения становятся лишь те, которые увидят болезнь своей души, ее неисцельность собственными силами, и потому окажутся способными обратиться к пострадавшему за них истинному Врачу. Вне такого познания себя невозможна нормальная духовная жизнь.

Это ярко видно на примере земной жизни Спасителя, Который со слезами раскаяния был принят простыми, сознающими свои грехи евреями и с ненавистью отвергнут и осужден на страшную казнь «умной», «добродетельной», уважаемой иудейской элитой — архиереями, фарисеями (то есть ревностными исполнителями церковных обычаев и устава) и книжниками (богословами).

ПОЗНАНИЕ СЕБЯ

Каким же образом приобретается человеком это спасительное познание себя, своего *ветхого человека*, открывающее ему всю бесконечную значимость Жертвы Христовой? Ответ простой: «Я не вижу, — пишет святитель Игнатий, — греха моего, потому что еще работаю греху. Не может увидеть греха своего наслаждающийся грехом, дозволяющий себе вкушение его хотя бы одними помышлениями и сочувствием сердца. Тот только может увидеть грех свой, кто решительным произволением отрекся от всякой дружбы с грехом... в каком бы виде он ни приближался к нему. Кто совершит великое дело — устанет вражду с грехом, насильно отторгнув от него ум,

сердце и тело, тому дарует Бог великий дар: зрение греха своего»².

Одним из практических средств достижения этой цели является борьба с осуждением. «Кто отказался от осуждения ближних, помысл того, естественно, начинает видеть грехи и немощи свои, которых не видел в то время как занимался осуждением ближних»³. Основной же закон самопознания выражен в следующих замечательных словах преподобного Симеона Нового Богослова: «Тщательное исполнение заповедей Христовых научает человека его немощи». То есть познание гибельности своего духовного состояния открывается человеку только при усилении исполнить все заповеди Евангелия. Лишь напряжение стать истинным христианином показывает человеку, насколько он действительно и нищ, и наг, и убог, насколько жизненно необходим для него Христос.

Отсюда становится понятным, что вопрос о том, как приобретается видение греха своего, или познание себя, своего ветхого человека, является центральным в духовной жизни. Только видящий себя погибающим нуждается в Спасителе; *здоровому* (Мф. 9, 12) Христос не нужен. Поэтому для хотящего верить во Христа православно (ведь и *бесы веруют, и трепещут* — Иак. 2, 19), для жаждущего правильной духовной жизни это видение является основной задачей подвига и, одновременно, главным критерием его истинности.

ВЕРА И ДОБРЫЕ ДЕЛА

В связи с этим очень важно заметить, что подвиг и любые добродетели, не приводящие к такому результату, оказываются лжеподвигом, и жизнь обесмысливается. Апостол Павел пишет об этом, обращаясь к Тимофею: *Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться* (2 Тим. 2, 5). Преподобный Исаак Сирий высказывает еще более определенно: «Воздаяние бывает... не добродетели и не труду ради нее, но рождающемуся от них смирению. Если же оно будет утрачено, то первые будут напрасны»⁴.

Оказывается, добродетели и подвиги не сами по себе могут принести человеку благо Царствия Божия, которое *внутри вас есть* (Лк. 17, 21), но *только* рождающееся *от них* смирение. Если же смирение не приобретается — бесплодны и бессмысленны все подвиги, все добродетели! Так выясняется одна из сложных богословских проблем — о соотношении веры и так называемых «добрых дел» в вопросе спасения. Дела сами по себе не спасают человека, они не являются какими-то заслугами. Их необходимость вызвана совсем другой причиной. Без них очень трудно приобрести то, чем единственно спасается человек — смирению. Ибо только через всемерное понуждение себя к исполнению всех заповедей Евангелия можно увидеть и глубокую поврежденность человеческой природы, и свое бессилие самому, без по-

² Там же. Т. 2. С. 122.

³ Там же. Т. 5. С. 351.

⁴ *Сергий (Страгородский), еп.* Православное учение о спасении. СПб., 1903. С. 246.

¹ *Святитель Игнатий (Брянчанинов).* Творения. СПб., 1905. Т. 4. С. 378, 227.

моши Божией чисто исполнить хотя бы одну заповедь Христову, совершить хотя бы одно доброе дело. Потому святые «омывали свои добродетели, как бы грехи, потоками слез»¹.

Святитель Игнатий пишет: «Несчастлив тот, кто удовлетворен собственною человеческою правдою: ему не нужен Христос. Таково свойство всех телесных подвигов и добрых видимых дел. Если мы, совершая их, думаем приносить Богу жертву, а не уплачивать наш необъятный долг, то добрые дела и подвиги соделываются в нас родителями душепагубной гордости»².

Он даже так говорит: «Делатель правды человеческой исполнен самомнения, высокоумия, самообольщения... ненавистью и мщением платит тем, которые осмелились бы отворить уста для самого основательного и благонамеренного противоречия его правде; признает себя достойным и предостойным наград земных и небесных»³.

Эта святоотеческая мысль прямо опровергает широко распространенное убеждение, что так называемые «добрые дела» всегда являются добрыми, независимо от того, по каким внутренним побуждениям и с какой целью совершает их человек. Оказывается, это глубоко неверно. Правда и добродетели *ветхого* и *нового* человека не дополняют друг друга, а *исключают*, ибо первые ослепляют человека своей значимостью, превозносят его и делают великим в своих глазах и тем «отнимают» у него Христа; вторые, напротив, открывают человеку его действительное духовное, а часто и нравственное убожество, бессилие победить себя и приводят ко Христу.

ПРЕЖДЕВРЕМЕННЫЕ ДОБРОДЕТЕЛИ

Обратимся еще к одному закону духовной жизни, который говорит о «сродстве между собой как добродетелей, так и пороков». Этот закон заключается в том, что, оказывается, как приобретение добродетелей, так и взаимодействие страстей между собой подчинены строгой последовательности и взаимообусловленности. «По причине этого сродства, — пишет святитель Игнатий, — стяжание одной добродетели вводит в душу другую добродетель, сродную и неразлучную с первой. Напротив того, произвольное подчинение одному греховному помыслу влечет невольное подчинение другому; стяжание одной греховной страсти влечет в душу другую страсть, ей сродную; произвольное совершение одного греха влечет к невольному впадению в другой грех, рождаемый первым. Злоба, сказали отцы, не терпит пребывать бессупружною в сердце»⁴. Незнание этого закона может привести к серьезным последствиям в духовной жизни. Так, небрежное отношение к «мелким» грехам, произвольное, то есть без насилия страсти, совершение их по-

рабощает волю человека, делает его рабом своих низменных влечений и, в конечном счете, приводит к грехам тяжким, ведущим к скорбям и трагедиям в жизни.

Насколько серьезен и значим этот закон, свидетельствуют следующие слова опытейшего наставника в духовной жизни святого Исаака Сирина: «Премудрый Господь благоволил, чтобы мы снедали в поте лица хлеб духовный. Установил Он это не от злобы, но чтобы не произошло несварения, и мы не умерли. Каждая добродетель есть мать следующей за ней. Если оставишь мать, рождающую добродетели, и устремись к взысканию дочерей, прежде стяжания матери, то добродетели эти становятся ехиднами для души. Если не отвергнешь их от себя, скоро умрешь»⁵.

Удивительные слова. Для духовно неопытного сама мысль о том, что какая-то добродетель может оказаться преждевременной, тем более, смертельной для души, «ехидной», покажется странной, чуть ли не кощунственной. Но именно такова реальность духовной жизни, таков один из ее незыблемых законов, открытый великим опытом святых.

Осипов А.И. Профессор МДА

¹ Святитель Игнатий (Брянчанинов). Творения. Т. 2. С. 403.

² Там же. Т. 4. С. 24, 20.

³ Там же. Т. 5. С. 47.

⁴ Там же. Т. 5. С. 351.

⁵ Там же. Т. 2. С. 57–58.

Лестница преподобного Иоанна Лествичника. Первая пол. XVI в.

ПРАВИЛЬНАЯ МОЛИТВА

Важнейшим условием духовной жизни является молитва. Но и она без соблюдения определенных требований может оказаться бесплодной и даже стать средством глубочайшего падения христианина. Так, не принимается молитва того, кто не прощает других. Не менее важное условие: «Кто молится устами, а о душе небрежит и сердца не хранит, такой человек молится воздуху, а не Богу, и всеу трудится, потому что Бог внимает уму и усердию, а не многоречию»¹.

Особое внимание в духовной жизни всегда уделяется молитве Иисусовой. О том, как правильно ее совершать (а не как-нибудь), пишет в своей замечательной статье «О молитве Иисусовой. Беседа старца с учеником» святитель Игнатий.

«В упражнении молитвой Иисусовой есть свое начало, своя постепенность, свой конец бесконечный. Необходимо начинать упражнение с начала, а не с середины и не с конца... Начинают с середины те новоначальные,

которые, прочитав наставление... данное отцами-безмолвниками... необдуманно принимают это наставление в руководство своей деятельности. Начинают с середины те, которые без всякого предварительного приготовления усиливаются взойти умом в сердечный храм и оттуда воссылать молитву. С конца начинают те, которые ищут немедленно раскрыть в себе благодатную сладость молитвы и прочие благодатные действия ее.

Должно начинать с начала, то есть совершать молитву *со вниманием* и *благоговением*, с целью *покаяния*, заботясь единственно о том, чтобы эти три качества постоянно присутствовали молитве... Особенное попечение, попечение самое тщательное должно быть принято о благоустроении нравственности согласно учению Евангелия... Единственно на нравственности, приведенной в благоустройство евангельскими заповедями... может быть воздвигнут... невещественный храм богоугодной молитвы. Тщетен труд зиждущего на песке: на нравственности легкой, колеблющейся»².

Душою же молитвы Иисусовой является то состояние, которое хорошо видно из следующего случая. «Некоторый инок сказал преподобному Сисою Великому: «Я нахожусь в непрестанном памятовании Бога». Преподобный Сисой отвечал ему: «Это не велико; велико будет то, когда ты сочтешь себя хуже всей твари»»³.

В связи с этим следует отметить, что «признак непрестанности и самодейственности в совершении Иисусовой молитвы отнюдь не является признаком ее благодатности, потому что не гарантирует... тех плодов, которые всегда указывали на ее благодатность». «Духовная борьба, результатом и целью которой является приобретение *смирения*... подменяется у некоторых иной (промежуточной) целью: приобретением непрестанной и самодвижной Иисусовой молитвы, которая... не является конечной целью, а лишь одним из средств ее достижения»³.

ПРЕЛЕСТЬ

Необходимо указать и на опасность, грозящую неопытному подвижнику, не имеющему ни истинного наставника, ни правильных теоретических духовных знаний — на возможность впадения в так называемую «прелесть». Этот святоотеческий термин замечателен тем, что точно вскрывает само существо названной духовной болезни: лезть себе, самообман, мечтательность, мнение о своем достоинстве и совершенстве, гордость. Об основных причинах впадения в прелесть преподобный Григорий Синаит, например, пишет: «Прелесть, говорят, в двух видах является, или, лучше, находит... В виде мечтаний и воздействий, хотя в одной гордости имеет начало свое и причину... Первый образ прелести от мечтаний. Второй образ прелести... начало свое имеет... в сладострастии, рождающемся от естественного похотения».

Еще на одну очень распространенную причину прелести среди многих инок, ревностных христиан и свя-

¹ Святитель Игнатий (Брянчанинов). Творения. Т. 2. С. 266.

² Там же. Т. 2. С. 225–226.

³ Монах Меркурий. В горах Кавказа. М., 1996. С. 7–8.

щеннослужителей указывает святитель Игнатий: «Не без основания относят к состоянию самообольщения и прелести душевное настроение тех иноков, которые, отвергнув упражнение молитвою Иисусовою и вообще умное делание, удовлетворяются одним внешним молением... Они не могут избежать «мнения»... Устное и гласное моление тогда плодоносно, когда оно сопряжено со вниманием, что встречается очень редко, потому что вниманию научаемся преимущественно при упражнении молитвою Иисусовою»¹.

О том, как избежать этой пагубы, святитель Игнатий пишет следующее в своей статье «О прелести»: «Прелесть есть состояние всех человеков без исключения, произведенное падением праотцев наших. Все мы в прелести. Знание этого есть величайшее предохранение от прелести. Величайшая прелесть — признавать себя свободным от прелести. Все мы обмануты, все обольщены, все находимся в ложном состоянии, нуждаемся в освобождении истиною. Истина есть Господь наш Иисус Христос. Как гордость есть вообще причина прелести, так смирение... служит верным предостережением и предохранением от прелести... Да будет наша молитва проникнута чувством покаяния, да соединится она с плачем, и прелесть никогда не воздействует на нас»².

ДУХОВНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ

Оказаться в бедственном состоянии прелести может, к сожалению, любой верующий, каждый подвизающийся, если он живет лишь по своему разумению, без духовного наставника, без руководства святоотеческими писаниями.

Но если понимание написанного Отцами — задача уже не всегда простая, то многократно более трудным всегда являлось обретение истинного наставника. Поэтому мысли и советы святых по данному вопросу особенно важны для нашего времени.

Во-первых, Отцы говорят (1) о необходимости большой осторожности в выборе духовника и предупреждают об огромной опасности, связанной с ошибкой принять бездуховного «старца» за духовного руководителя; учат (2) о правильном отношении к нему, (3) верном понимании послушания и (4) непререкаемости разлучения с заблуждающимся, уводящим от жизни по Евангелию духовником; предупреждают, что в последние времена (5) не будет духоносных наставников, видящих души людей, и потому (6) призывают верующих изучать Священное Писание и творения Святых Отцов и руководствоваться ими с советом старшей, имеющей большой духовный опыт «преуспевшей братии».

Приведем мысли Святых Отцов по этим темам.

(1) Преподобный Кассиан Римлянин (V в.) говорит: «Полезно открывать свои помыслы Отцам, но не каким попало, а старцам духовным, имеющим рассуждение, старцам не по телесному возрасту и сединам. Многие,

увлекшись наружным видом старости и высказав свои помышления, вместо врачевства получили вред от неопытности слышащих»³.

(2) «Всякий духовный наставник должен приводить души к Нему (Христу), а не к себе... Наставник пусть, подобно великому и смиренному Крестителю, стоит в стороне, признает себя за ничто, радуется своему умалению пред учениками, которое служит признаком их духовного преуспеяния... Охранитесь от пристрастия к наставникам. Многие не остереглись и впали вместе с наставниками в сеть диаволу... Пристрастие делает любимого человека кумиром: от приносимых этому кумиру жертв с гневом отвращается Бог... И теряется напрасно жизнь, погибают добрые дела. И ты, наставник, охранись от начинания греховного! Не замени для души, к тебе прибежавшей, собою Бога. Последуй примеру святого Предтечи»⁴.

(3) «Те старцы, которые принимают на себя роль ... употребим это неприятное слово, принадлежащее языческому миру, чтобы точнее объяснить дело, которое в сущности не что иное, как душепагубное актерство и печальнейшая комедия, старцы, которые принимают на себя роль древних святых Старцев, не имея их духовных дарований, даведают, что самое их намерение, самые мысли и понятия их о великом иноческом делании — послушании, суть ложные, что самый их образ мыслей, их разум, их знание суть самообольщение и бесовская прелесть...»⁵ «Возрают: вера послушника может заменить недостаточество старца. Неправда: вера в истину спасает, вера в ложь и в бесовскую прелесть губит, по учению Апостола (2 Сол. 2, 10–12)»⁶.

(4) Преподобный Пимен Великий (V в.) повелел немедленно разлучаться со старцем, совместное жительство с которым оказывается «душевредным»⁷.

(5) Святой Григорий Синаит (XIV в.) «решился сказать, что в его время вовсе нет благодатных мужей, так сделались они редки... Тем более в наше время делателю молитвы необходимо наблюдать величайшую осторожность. Богодуховенных наставников нет у нас!»⁸

(6) «Преподобный Нил Сорский (XV в.) никогда не давал наставления или совета прямо из себя, но предлагал вопрошающим или учение Писания, или учение Отцов. Когда же... он не находил в памяти освященного мнения о каком-либо предмете, то оставлял ответ или исполнение до того времени, как находил наставление в Писании. Этот метод очевиден из сочинений священномученика Петра Дамаскина, преподобного Григория Синаита, святых Ксанфопулов и других Отцов, особенно позднейших. Его держались ... иеросхимонахи Оптиной пустыни Леонид и Макарий... Никогда не давали они советов из себя... Это давало советам их силу»⁹.

³ Там же. Т. 1. С. 491.

⁴ Там же. Т. 4. С. 519.

⁵ *Феофан (Говоров). святитель. О жительстве по совету.* — 5, 72.

⁶ Там же. С. 73.

⁷ Там же. С. 74.

⁸ Там же. Т. 1. С. 274.

⁹ Там же. С. 489.

¹ *Святитель Игнатий (Брянчанинов). Творения.* Т. 1. С. 257–258.

² Там же. Т. 1. С. 230, 228.

Так голос Священного Предания говорит об одном из болезненных вопросов современной церковной жизни.

КАТОЛИЦИЗМ

Особенно ярко обнаруживается действие прелести у католических аскетов, оторвавшихся от опыта духовной жизни древней Церкви. Святитель Игнатий, например, писал: «Большая часть подвижников Западной церкви, провозглашаемых ею за величайших святых, — по отпадении ее от Восточной Церкви и по отступлении Святого Духа от нее — молились и достигали видений, разумеется, ложных, упомянутым мною способом... В таком состоянии находился Игнатий Лойола, учредитель иезуитского ордена. У него воображение было так разгорячено и изощрено, что, как сам он утверждал, ему стоило только захотеть и употребить некое напряжение, как являлись перед его взорами, по его желанию, ад или рай... Известно, что истинным святым Божиим видения даруются единственно по благоволению Божию и действием Божиим, а не по воле человека и не по его собственному усилию, — даруются неожиданно, весьма редко... Усиленный подвиг находящихся в прелести обыкновенно стоит рядом с глубоким развратом. Разврат служит оценкою того пламени, которым разожжены прельщенные»¹.

При этом святитель указывает и на другие скрытые от внешнего взора причины прелестных состояний западных подвижников. Он пишет: «Кровь и нервы приводятся в движение многими страстями: и гневом, и сребролюбием, и сладостолбием, и тщеславием. Последние две чрезвычайно разгорячают кровь в подвижниках, незаконно подвизающихся, соделывают их исступленными фанатиками. Тщеславие стремится преждевременно к духовным состояниям, к которым человек еще не способен по нечистоте своей; за недостижением истины — сочиняет себе мечты. А сладострастие, присоединяя свое действие к действию тщеславия, производит в сердце обольстительные ложные утешения, наслаждения и упоения. Такое состояние есть состояние самообольщения. Все незаконно подвизающиеся находятся в этом состоянии. Оно развивается в них больше или меньше, смотря по тому, сколько они усиливают свои подвиги. Из этого состояния написано западными писателями множество книг»². Это особенно видно на примере таких великих католических святых как Катарина Сиенская, Тереза Авильская или блаженная Анжела.

Святитель Игнатий, изучавший католическую аскетическую литературу не по переводам, а в латинских подлинниках, указывает и конкретные временные координаты отступления новых католических аскетов от единого опыта святых единой Вселенской Церкви. Он пишет: «Преподобный Венедикт († 544 г.), святой папа Григорий Двоеслов († 604 г.) еще согласны с аскетическими наставниками Востока; но уже Бернард Клервосский

(XII в.) отличается от них резкою чертою; позднейшие уклонились еще более. Они тотчас влекутся и влекут читателей своих к высотам, недоступным для новоначального, заносятся и заносят. Разгоряченная... мечтательность заменяет у них все духовное, о котором они не имеют ни малейшего понятия. Эта мечтательность признана ими благодатию»³. Поэтому святитель Игнатий напоминает: «Все святые признавали себя недостойными Бога: этим они явили свое достоинство, состоящее в смирении. Все самообольщенные считали себя достойными Бога: этим явили объявшаю их души гордость и бесовскую прелесть. Иные из них приняли бесов, представших им в виде ангелов, и последовали им... Иные возбуждали свое воображение, разгорячали кровь, производили в себе движения нервные, принимали это за благодатное наслаждение и впали в самообольщение, совершенное омрачение, причислились по духу своему к духам отверженным»⁴.

ИСТИНА ОДНА

Прелесть, как видим, возникает у тех, кто живет не по святоотеческим началам, а по своим мыслям, желаниям и пониманию, и ищет у Бога не спасения от греха, а благодатных наслаждений, откровений, даров. Их обычно и «получает» в изобилии горе-подвижник в своем разгоряченном воображении и действием темных сил. Прелесть поэтому — не один из возможных и равноценных вариантов духовности, не особый путь к Богу, но тяжелая болезнь, не поняв которой и не оценив должным образом, христианин, особенно подвизающийся, разлагается изнутри.

Особенно часты прорывы к «высотам» у юных подвижников, не познавших еще своего *ветхого* человека, не освободившихся от страстей и уже ищущих состояний человека *нового*, совершенного. Недаром у отцов есть выражение: «Если увидишь юношу, по своей воле восходящего на небо, удержи его за ногу и сбрось оттуда: ибо это ему не полезно»⁵. Причина подобных ошибок все та же: незнание законов духовной жизни, незнание себя. Святой Исаак Сирий в связи с этим предупреждал: «Если некоторые из отцов написали о том, что есть чистота души, что есть здравие ее, что бесстрастие, что видение, то написали не с тем, чтобы мы искали их преждевременно и с ожиданием. Сказано в Писании: *Не придет Царствие Божие с соблюдением* (Лк. 17, 20). Те, в которых живет ожидание, стяжали гордыню и падение. Искание с ожиданием высоких Божиих даров отвергнуто Церковью Божией. Это — не признак любви к Богу; это — недуг души».

«Смирение, — сказал Варсонофий Великий, — делает человека селением Божиим»⁶. Оно предохраняет христианина от всех заблуждений, оно делает его и причастником Духа Святого.

³ Там же. С. 498.

⁴ Там же. Т. 2. С. 126.

⁵ Древний патерик. Гл. 10. С. 159.

⁶ Святитель Игнатий (Брянчанинов). Творения. Т. 1. С. 312.

¹ Святитель Феофан (Говоров). О жительстве по совету. Т. 1. С. 224.

² Там же. Т. 4. С. 499.

ЖИЗНЬ ИКОНЫ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК О ПРОИСХОЖДЕНИИ И РАЗВИТИИ ПРАВОСЛАВНОГО ОБРАЗА

Подходя к православной иконе с точки зрения своей специальности, историки искусства рассматривают ее в общих рамках как один из видов изобразительного искусства вообще. При этом они, естественно, исходят из общих критериев: время создания, стилистические особенности, влияния — и относят икону в разряд религиозного искусства, в лучшем случае, называя иконопись искусством священным.

Все эти критерии, конечно, приемлемы и для нас, православных христиан, для которых икона является неотъемлемой частью религиозной жизни. Однако никакой подход извне, будь он самым положительным, не может вскрыть всей глубины иконы и останется на уровне чистой археологии или эстетики.

В Православии по-прежнему жива традиция священного искусства, сложившаяся в первые века христианства, и поэтому определение иконы как одной из форм религиозного искусства говорит о недооценивании ее как явления жизни Православной Церкви. Хотя икона и обладает всеми материальными качествами любого произведения изобразительного искусства, по своей сущности она отлична от картины (даже картины с религиозным сюжетом), как небо от земли. Поэтому, если принимать во внимание эту ее сущность, ее содержание, то икону нельзя подвести под общую линию истории и философии искусства. Об иконе следует, скорее, говорить не как о некоем виде эволюции искусства, а как о «мутации» в искусстве, — скачке в область духа.

Действительно, всякий вид искусства, стремящийся свидетельствовать о красоте и служить ей, направляет человека к красоте, к некоторому виду духовности, хотя бы частичной и несовершенной. Икона же как символическое явление изобразительного искусства, не отказы-

ваясь от его сути — передачи видения вещей и человека художником, направляет творческую силу человека на самого его Творца — Того, Кто создал и красоту, и человека.

Унаследовав ветхозаветные заповеди, христианская Церковь исповедует непостижимого и неописуемого Бога. Первые христиане в своем большинстве были иудеи, строго соблюдавшие все Десять заповедей, и поэтому, несомненно, боявшиеся, что изображение может стать идолом. Другими словами, они опасались, что религиозное поклонение сможет обратиться на тварь в ущерб служению Истинному Богу. Такой подход был вполне естественным для людей, вышедших из многовековой (даже тысячелетней) традиции, запрещавшей всякое изображение Божества, даже мысленное, и избегавшей даже произносить Имя Божие.

Будучи функцией вечной жизни Церкви, икона развивалась и разрабатывалась параллельно развитию православного учения и богослужения. Так как всякая икона в конечном итоге является свидетельством о Боговоплощении и Божественном деле спасения человека, то неудивителен тот факт, что первые «иконные» иконы (то есть такие, перед которыми мы можем молиться и сейчас) появились в V–VI веках, то есть после первых четырех Вселенских соборов, на которых были сформулированы и провозглашены основные догматы Соборной и Апостольской Православной Церкви.

ИЕРОГЛИФЫ ХРИСТИАНСКОЙ ВЕРЫ

Как видно из памятников двух первых веков христианства, распространившегося за пределы Святой Земли, сначала появляются «иероглифы» христианской веры (знаки, имеющие глубокий смысл для крещеных и непонятные для других, а именно: монограмма Христа, крест разной формы, рыба и другие), затем первые символические изображения, относящиеся к Новому Завету: виноградная лоза, агнец, хлебы, и тому подобное. В III веке на стенах в римских катакомбах появляются сцены из Священного Писания, которые сохранились и до

Автор статьи — доктор богословия, настоятель храма Всех Святых, в Земле Российской просиявших, что в Мурмелоне (Франция). Родился в 1922 году.

наших дней. Общий их смысл и, следовательно, проповедь, которую они несли первым христианам в Риме, относятся к Божественному домостроительству спасения верующих. Ветхий Завет в этих изображениях представлен тремя отроками в печи огненной: они отказались поклониться идолу и исповедовали свою веру в Единого Истинного Бога, как это делали христиане. Он также представлен Ноем в ковчеге, который служит образом верующего, спасенного крещением, как и находящееся там изображение Ионы во чреве китовом или отдыхающим под тыквой, которое в то же время является символом смерти и воскресения Христова. Встречаются в катакомбах, конечно, и картины из Нового Завета, которые обычно толкуются как символы Таинства крещения или Евхаристии. Так, например, беседа Спасителя с самарянякой у колодца говорит о том, что живая вода, которую Он ей предлагает, — это вода крещальная; сцены исцелений — это образы исцеления от первородного греха через крещение; умножение хлебов — образ Евхаристии и так далее. Как мы видим, изображения первых веков христианства имели дидактическое значение: они говорили о главных Таинствах Церкви, но не служили для молитвы, как иконы.

ИКОНА — УТВЕРЖДЕНИЕ ПРАВОСЛАВИЯ

В IV веке, со времени царствования Константина Великого прекращаются гонения на христиан (за исключением короткого периода царствования Иулиана Отступника), и в этот период созываются два первых Вселенских собора, на которых был составлен Никео-Цареградский Символ веры. Благодаря богодухновенным богословам, таким как святые Василий Великий, Григорий Богослов (Назианзин), Григорий Нисский и Иоанн Златоуст, православное богослужение и православное богословие получают те основы и то направление, которые их питают до наших дней. Утвержденное таким образом Православие, подтвержденное последующими Вселенскими соборами, отбросившими главные христологические ереси, рождает икону. И икона сразу становится утверждением и выявлением Православия. Действительно, как мы видим из истории Церкви, живая и настоящая икона возможна только в лоне истинной веры. Иконоборчество и преследования почитателей икон в VIII — начале IX века в Византии были следствием еретических взглядов императоров и их окружения, не понимавших всей глубины учения Церкви о Господе Иисусе Христе как Богочеловеке. Для них область духовная и мир материальный были абсолютно чужды друг другу и несовместимы. Поэтому VII Вселенский собор, восстановивший почитание икон и положивший начало богословию иконы, получил название Торжества Православия.

По причине иконоборчества, сторонники которого уничтожали иконы, до нас дошло очень мало памятников V–VI вв., но зато сохранились иконы редкой красоты, главным образом, в монастыре святой Екатерины на Синае, не тронутым иконоборцами. Синайские иконы написаны в технике энкаустики, то есть пигментами, смешанными с воском. К ним относится, например, икона

Богоматерь с Младенцем и святыми Феодором и Георгием. Вторая половина VI в. Синай

Спасителя с благословляющей десницей и Евангелием в шуйце, икона Пресвятой Богородицы с Младенцем на коленях, восседающей на престоле и окруженной святыми и ангелами, иконы разных святых. Цветовая гамма этих ранних энкаустиковых икон, скорее, скупая, но весьма изысканная: лики очень выразительны, взгляд оставляет глубокое впечатление. Современные им мозаики, украшавшие стены базилик, более иератичны, что, может быть, объясняется тем, что работа велась с менее податливым материалом. Тут следует отметить, что так же, как на иконах, в это время появляются иконописные типы которым изографы всех последующих веков остаются верными, так и на стенах храмов возникают первые композиции Дванадцатых праздников. Таково, например, Крещение Спасителя в церкви Сан Джованни-ин-Фонте в Равенне (Италия, вторая половина V века) или Преображение в соборном храме монастыря святой Екатерины на Синае, построенном при императоре Иустиниане. Все иконы Дванадцатых праздников создавались постепенно, по мере становления богослужений, относящихся к этим знаменательным дням православного ка-

лендаря. Поэтому это не просто иллюстрации к соответствующему евангельскому рассказу, но и толкование к нему, и говорят они верующим о содержании и смысле каждого праздника в той же мере, как песнопения и чтения в храме.

В то время, как в Византии в борьбе за икону выкристаллизовывалось богословие иконы, Церковь на Западе имела дело с «варварами» — франками или германцами, которых не интересовали тонкости богословия. Их вера была прагматичной, и византийские рассуждения казались им лишними. Так, франкские богословы времен Карла Великого заявили, что иконы или стенопись в церквях не подлежат уничтожению, так как это все же не идолы, но не достойны ни поклонения, ни почитания, и их наличие или отсутствие ничего не прибавляет и не отнимает от христианской веры. Безразличие к христологическому аспекту иконопочитания увело западное искусство от православного образа — Запад дал шедевры религиозного искусства, но забыл икону.

Но вернемся к Византии. VII Вселенский собор в 787 году не сразу убедил императоров в своей правоте, и только с воцарением новой македонской династии возрождается иконопись в Византии. После продолжительного перерыва, вызванного иконоборчеством (во время которого в монастырях создавались отдельные иконы, примеры которых можно увидеть в собрании монастыря святой Екатерины на Синае), первыми памятниками этого периода, дошедшими до нас, стали мозаики святой Софии Константинопольской и святой Софии Солунской. Это столь же монументальные произведения, как те, которые можно увидеть на Западе в храмах V–VI вв., однако их композиция уже соответствует известному нам составу икон.

В собрании монастыря святой Екатерины на Синае имеются две доски, объединенные в диптих и относящиеся к X веку, на которых написано двенадцать иконок великих праздников. Набор этот не совсем соответствует известным нам Дванадцатым праздникам: там не хватает трех богородичных праздников — Рождества Богородицы, Введения и Успения. В то же время, среди них есть «Воскрешение Лазаря» и две пасхальных иконы: Сошествие во ад и Явление Воскресшего мироносицам. Это первый известный нам памятник, где встречаются так называемые «канонические» иконописные изводы, которых придерживались иконописцы всех последующих веков до наших дней. Кроме того, диптих исполнен в яично-темперной технике, то есть так, как традиционные иконы пишут до сих пор.

Итак, как мы видим, иконописный канон возник уже в X веке, то есть менее, чем через век после восстановления иконопочитания в Византии, которое имело место в 843 году. Видимо, в этом проявилась воля Божия, ибо просвещая и крестя славян, Византия смогла им передать поистине полноту Православия с его «богословием в красках» — иконой.

ЕДИНСТВО СВЯЩЕННОГО ИСКУССТВА

Иконографическая программа храмовой росписи, несомненно, составила в тот же период, ибо в начале XI века уже появляются храмы, богато украшенные мо-

Преображение. Ок. 565–566 г. Монастырь святой Екатерины, Синай. Фрагмент мозаики

заиками и стенописью всегда в одном и том же духе, проповедуя верующим всего православного мира одно и то же православное учение. Таковы мозаики преподобного Луки в Фокиде (Греция), фрески святой Софии Охридской (Македония), фрески святой Софии в Солуни (Греция), мозаики и фрески святой Софии Киевской, мозаики Нэа-Мони на острове Хиосе (Греция), мозаики святого Марка в Венеции (Италия), мозаики и фрески храма святого Архангела Михаила в Киеве, мозаики в Дафни (Греция) и фрески монастыря Ватопед на Афоне. За короткое время возникла целая гамма шедевров православного священного искусства, — «Торжество Православия» в красках, проповедующее со стен храмов.

План распределения изображений на стенах приблизительно один и тот же повсюду. Им выделяется значение алтарной части храма (в апсиде или просто в восточной части здания): фигуры великих Святителей окружают престол, причем в центре находятся святые Василий Великий и Иоанн Златоуст, творцы литургических текстов. Непосредственно над рядом Святых Отцов Церкви находится икона Причащения Апостолов. Эту

композицию не следует путать с иконой Тайной Вечери: в алтарном изображении Спаситель, стоящий у престола, раздает Хлеб и предлагает Чашу двенадцати Апостолам. Апостолы подходят к Нему слева и справа, обычно по шесть с каждой стороны. Это именно икона Причащения Апостолов, ибо в ней впереди правой группы изображается св. Апостол Павел (не присутствовавший на Тайной Вечере) и среди Апостолов представлены Евангелисты, тоже не все входившие в число тех двенадцати учеников, которые следовали за Христом во время Его жизни на земле. Завершается алтарная композиция иконой Божией Матери в конхе апсиды. Обычно Божия Мать воздевает молитвенно руки к Сыну, изображение Которого находится в куполе. Такое распределение изображений создает перед верующими, молящимися в храме, икону вечной Литургии: сам Христос совершает Таинство в окружении Святых Отцов и Ангелов и в молитвенном предстоянии Своей Матери — образа Церкви, то есть всего собрания верующих, живых и умерших. На столбах апсидальной арки, которую принято называть триумфальной, изображается Благовещение, то есть указывается на воплощение Сына Божия для нашего спасения, открывающее нам доступ в Царство Небесное, свет которого пытаются отразить расписанные или украшенные мозаиками стены храма.

На других стенах храма находятся изображения великих праздников, событий из жизни Спасителя, иконы святых пророков, преподобных и мучеников.

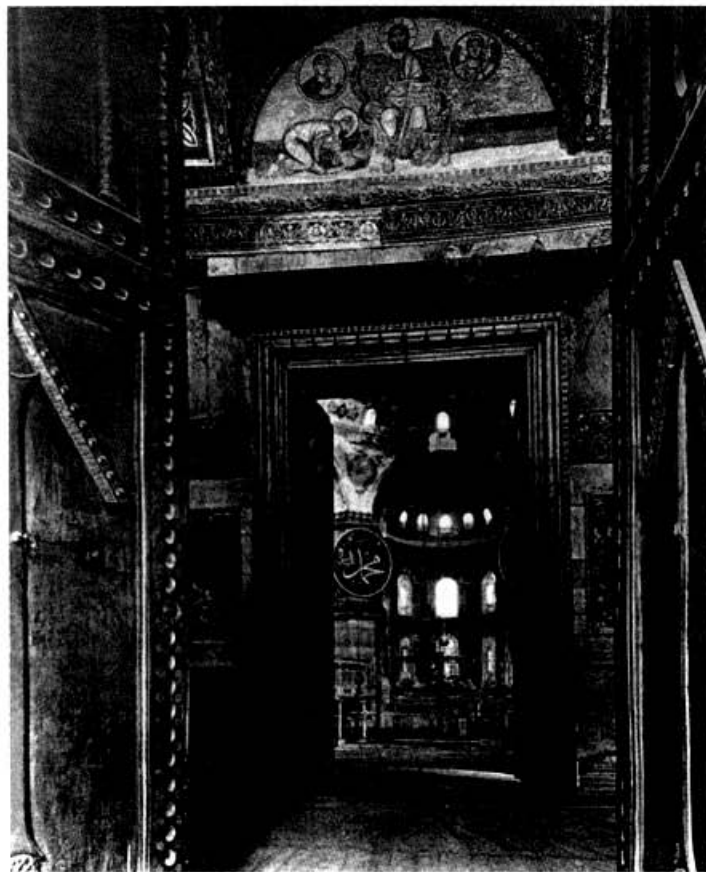
ИКОНЫ НА «СВЕТУ»

XII век был не менее блестящим в отношении духовности и красоты православного священного искусства: до нас дошло немало памятников того времени. Назовем здесь новгородские фрески, кипрские фрески, мозаики в Сицилии и фрески в Курбинове (Македония) или Кастории (Греция). Все они имеют нечто общее, ибо все они рождались из того же православного богословия, самым блестящим представителем которого в то время был святой Симеон Новый Богослов (950–1022 гг.).

Что касается икон XII века как таковых, то в соборном монастыре святой Екатерины на Синае сохранились иконы Двенадесятых праздников и святых, до сих пор поражающие всех своими чистыми и радостными красками. Почти все эти иконы написаны на золотом фоне, который у иконописцев называется «светом». Такой фон как бы излучает мягкий свет и одновременно не создает иллюзии глубины: изображенное на иконе происходит в одной плоскости, перед нами, то есть, на самом деле, — в вечности, вне времени. Действительно, отсутствие глубины, классической перспективы, а другими словами, — отсутствие пространственных соотношений — обозначает также отсутствие времени, необходимого для преодоления того или иного пространственного расстояния. А отсутствие времени — это вечность.

Те или иные цвета одежды святых на иконах XII века уже являются атрибутом той или иной личности, и сна-

чала устное предание иконописцев, а затем и иконописные подлинники пронесли их через века до нашего времени. Несмотря на это, у иконописца еще остается много места для личного творческого подхода. Возьмем, например, цвета одежды Спасителя и Божией Матери: согласно иконографическому преданию, хитон Спасителя (или «испод», как говорят иконописцы) должен быть красно-коричневого цвета с золотым клавом, а плащ — синий. На иконах встречаются оттенки хитона, начиная от довольно светлого красного цвета, до пурпурного, а плащ может быть от темно-синего до сине-зеленого цвета. Цвета одеяния Пресвятой Богородицы противоположные: синий хитон и красный мафорий. Иконописное предание говорит, что Божия Мать должна быть одета как Царица Небесная — в пурпур, подобно тому, как одевались византийские императрицы. Оттенки древнего пурпура, который добывали из средиземноморских ракушек, бывали разные, и поэтому в мозаичных изображениях Божией Матери ее одеяния чаще всего бывают насыщенного синего цвета (за исключением Софии Киевской), тогда как на иконах и на фресках мафорий чаще всего пишется темно-красным, а в России — даже нередко цвета красной охры или коричневым (особенно на севере в XV–XVI вв.). Точно так же, как плащ Спасителя, хитон Божией Матери иногда бывает зеленовато-синего оттенка, а на италогреческих иконах — даже голубого. Неизменным атрибутом фигуры Богородицы являются красные императорские туфельки на тех иконах, где Она написана в

Собор святой Софии, Константинополь

Успение Пресвятой Богородицы. Ок. 1265 г. Церковь Святой Троицы, Сопочаны. Фреска

рост, и три звезды на мафории (одна на лбу и по одной на каждом плече) как знак Ее девственности до, во время и после рождения Спасителя.

ВИЗАНТИЗМ И СЛАВЯНСТВО

В начале XIII века Константинополь пал под натиском западных крестоносцев, Византия распалась на части и замечательное развитие «классической» византийской иконографии было остановлено. В связи с внутренними трудностями влияние Византии в соседних славянских странах сильно ослабло, что вызвало развитие национальных славянских сил. Однако, Русь не успела создать много собственных памятников, так как в 1223 году подверглась нашествию татаро-монголов и вынуждена была бороться за свое существование. Зато на смену Византии в области православного священного искусства пришла Сербия. Благочестие великих сербских королей и православная культура народа принесли замечательные плоды в области иконографии в XIII–XIV вв. Сербские фрески этого периода верно следуют православному мировоззрению: энергичное и вместе с тем одухотворенное письмо свидетельствует о вере создавшего их народа. Несмотря на то, что сербы следуют православной иконописной тра-

диции, что святые на их фресках «каноничны», лики их часто кажутся списанными с местных жителей. Краски сербских икон этого периода глуховаты, но отличаются яркими вспышками синего или зеленого цвета и киновари. Моделировка ликов более контрастна, чем в византийских иконах XII века. С ослаблением Сербского государства начинает слабеть и сербская иконопись. После кровавой битвы с турками на Косовом Поле (в 1389 г.) только небольшая часть Сербии остается более или менее свободной от турецкого ига. Там вплоть до XV века строятся храмы, расписанные фресками. Однако эти фрески более созерцательны и менее динамичны и своеобразны, чем фрески предыдущих столетий. Со второй половины XV века Сербия оказывается полностью под турецким владычеством и не создает больше крупных произведений священного искусства.

В Болгарии еще до Сербии создан оригинальный иконографический стиль, но до нас дошло очень мало памятников. Среди них следует отметить одухотворенные лики на фресках в Бояне (XIII в.). Болгария была завоевана турками на сто лет раньше Сербии, и почти все ранние памятники болгарского священного искусства погибли.

В XIV веке Византия также находится под властью турок. Однако в духовном отношении этот век оказывается плодотворным — это время святого Григория Паламы и исихастских споров. Глубокая духовность видна в ликах икон этого периода, как бы прислушивающихся к звуку «глаголов неизреченных». Движение исихазма нашло живой отклик в России, а также отразилось и в русских иконах.

Собственно говоря, Руси было дано очень мало времени для освоения христианства: спустя два с половиной века после своего крещения в 988 году, она подвергается нашествию татаро-монголов, которые сначала были язычниками, а потом стали мусульманами. Только север страны не подвергается набегам кочевников, но зато находится под постоянной угрозой «северных крестоносцев» — тевтонских рыцарей и шведов. До XIII века Русь питается от византийских источников: греческие мастера-иконографы работают на Руси и обучают своему искусству русских учеников, что ясно заметно в ранних русских памятниках. Но в конце XIV века сложившееся русское религиозное самосознание и духовность создают свои, русские иконы (одновременно с фресками) сначала в Новгороде. Радостные чистые краски и упрощенные линии новгородских икон свидетельствуют о прямой и спокойной вере народа, создавшего их. Постепенно суровые лики ранних новгородских и псковских икон смягчаются, и мы видим спокойно-созерцательные лики русских икон XV века — духовного и художественного апогея русской иконописи.

Среди русских икон различают разные виды писем: новгородские, псковские, ростово-суздальские, северные и другие. Над ними в конце концов возобладала так называемая «Московская школа», известнейшими представителями которой являются преподобный Андрей Рублев, Феофан Грек, мастер Дионисий и др. Иконы этого периода отличаются богатством и гармонией чистых тонов, подобно византийским иконам XII века. Лики на них написаны очень мягко, без сильных контрастов, и их нельзя отнести к какому-нибудь определенному этническому типу: это лики общечеловеческие, и говорят они нам о возможном преображении каждого человека, о Царстве вечного света, которое преподобный Серафим Саровский еще при жизни показал своему собеседнику Мотовилу.

ЧЕРЕЗ КРИЗИС К КАТАРСИСУ

Кризис священного искусства, традиционной иконописи в России возник не из-за внешних причин, как турецкое нашествие на Балканах и в Греции, а по причине постепенного обмирщения и подражания Западу, которые вводились властями. Все западное, заграничное стало модным и поддерживалось государственной властью, которая, начиная с XVIII века, стала также распоряжаться жизнью Церкви. Иконы превращаются в религиозные картины или лубок. К счастью, в недрах страны иконописная традиция продолжала передаваться от учителя к ученику. В начале XX века она была вновь открыта любителями народного искусства, а также благодаря бого-

Апостол Павел. Преп. Андрей Рублев

словию, вспомнившему о богословском и литургическом значении икон.

В Греции под турецким игом, враждебным всякому яркому проявлению христианства, иконопись продолжала жить вдали от политических центров: на острове Крите, на Афоне (фрески Феофана Критского 1522 г.), в Метеорах. Эти греческие иконы и фрески отражают как духовную жизнь, так и темперамент создавшего их народа. Лики их энергичны и решительны: кажется, что они в любой момент готовы защищать свою веру. Сильный контраст света и тени, а также краски их соответствуют средиземноморской природе. Так, XVI век в Греции дал последнюю вспышку традиционной православной иконописи, после которой и там она исчезла под влиянием Запада. Как и другие православные страны, Греция только в XX веке опять вернулась к настоящей православной иконе, которая написана потому, что так «изволися Духу Святому», по выражению Отцов великих Вселенских соборов.

Поистине, пути Господни неисповедимы. Так, непостижимым образом в конце XIX века начинает открываться русским людям, а затем Западу и всему миру духовная красота русской иконы, а через русскую икону — и духовность всей византийской живописи.

Тропарь Успению

Подвижно.

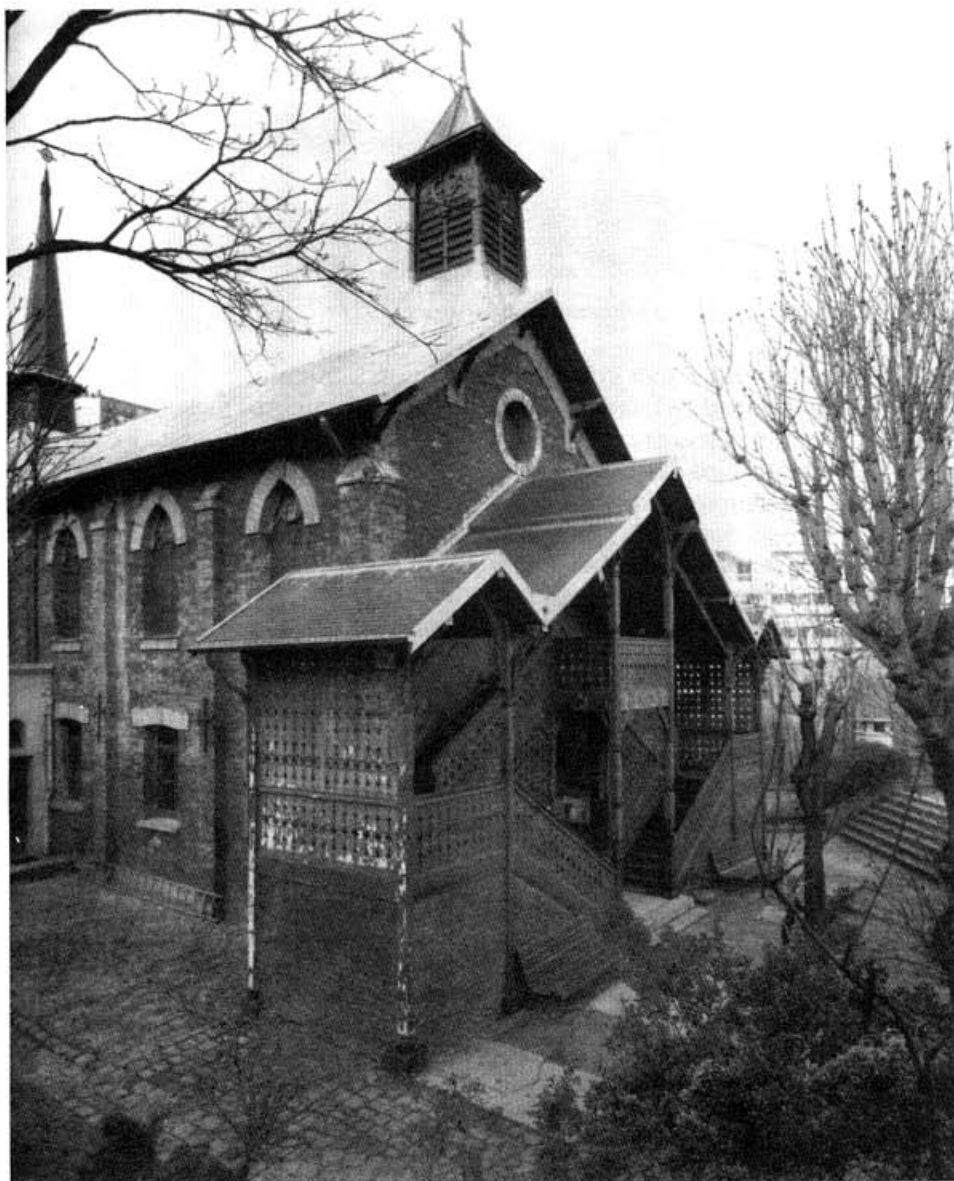
А. Бессарабов, 3 курс МДА

В рож- -дес- -тве дев- -ство
 сох- -ра- -ни- -ла е- -си, во ус-
 -пе- -ни- -и ми- -ра не ос- -та- ви- ла е- си Бо-го-
 -ро- -ди- -це; пре- -ста- ви- ла- -ся е- -си к жи- во- -ту Ма- ти
 су- -щи Жи- во- -та, и мо- лит- ва- ми Тво- и- ми из- бав- ля- е- ши от
 смер- ти ду- -ши на- -ша.

Пути парижского богословия

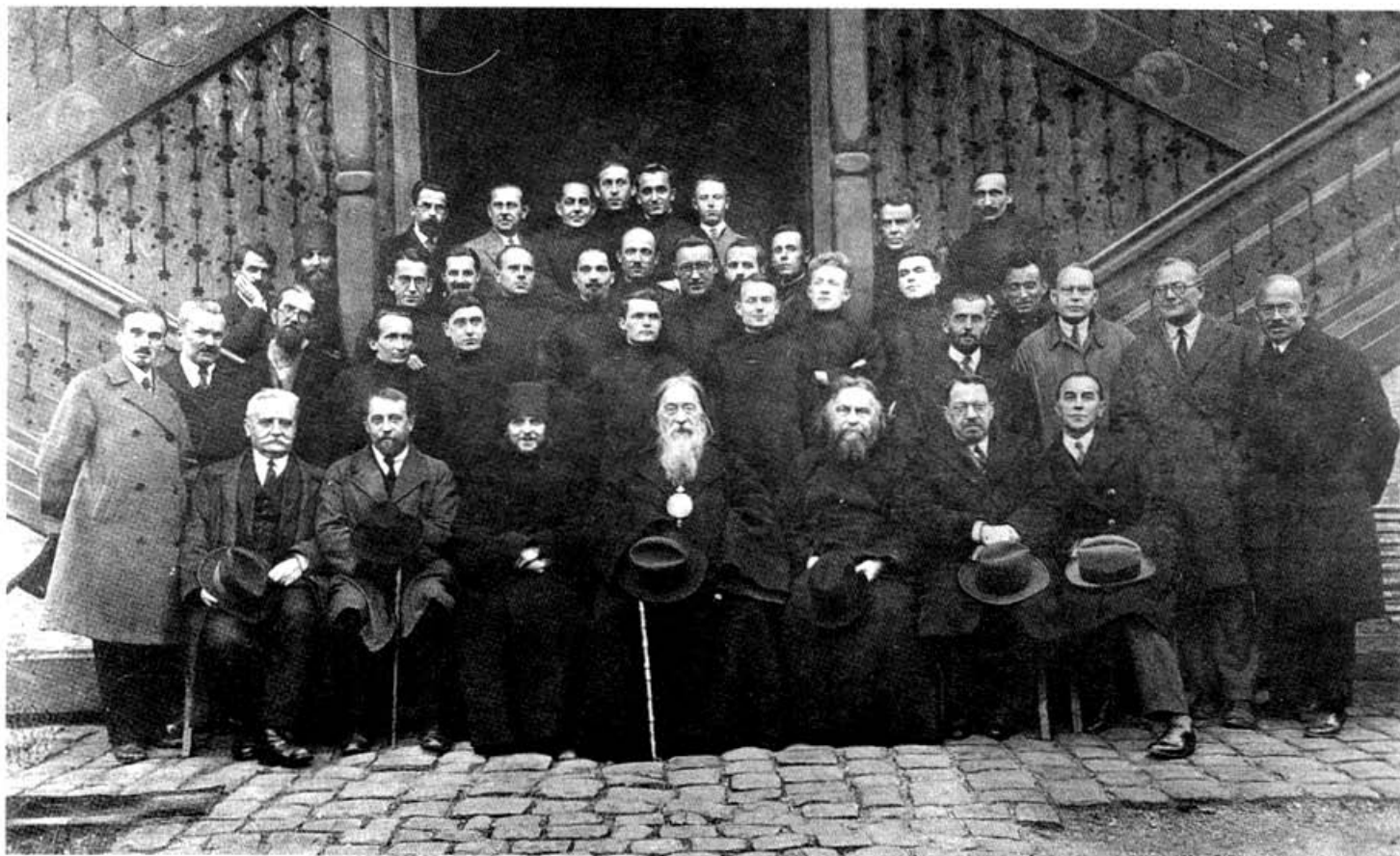
СВЯТО-СЕРГИЕВСКИЙ БОГОСЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

В начале 20-х годов перед митрополитом Евлогием (Георгиевским), управлявшим по назначению Святейшего Патриарха Тихона православными приходами русской эмиграции в Западной Европе, встал вопрос о необходимости открыть дополнительный приход в Париже. Действительно, единственный русский православный храм в Париже — в честь святого Александра Невского — не вмещал всех молящихся. Кроме того, митрополит Евлогий был далеко не удовлетворен его приходской деятельностью. По словам владыки, как приходской Совет, так и приходское Собрание, превращались в «базар», «улицу», «болтовню о дрязгах, кляузах», «борьбу мелких самолюбий». Связано это было, вероятно, с тем, что в собор часто приходили не столько помолиться, сколько, что называется, на людей посмотреть и себя показать. Митрополит Евлогий надеялся, что в новом приходе создастся очаг более деятельной церковно-приходской жизни¹.

18 июля 1924 года, в день памяти преподобного Сергия Радонежского, на северо-востоке Парижа была приобретена территория будущего Свято-Сергиевского подворья. Усилиями организованного при нем приходского совета немецкая кирха,

¹ *Евлогий, митр.* Путь моей жизни. Париж, 1947. С. 409, 439.

Митрополит Евлогий с преподавателями и студентами института. 1931 г.

стоящая на купленной территории, была отремонтирована и приняла вид, более напоминающий православный храм. Освящение престола, посвященного преподобному Сергию, было совершено 1 марта 1925 года.

В первый же год существования подворья при нем образовался Богословский институт. Мысль о создании богословской школы в эмиграции возникла еще в 1922 году на съезде Всемирного Христианского Студенческого Союза, в среде деятелей Русского Студенческого Христианского Движения (РСХД): Л.А.Зандера, А.Никитина и Л.Н.Липеровского. Проект нашел поддержку в профессорско-преподавательских кругах русского рассеяния. Митрополит Антоний (Храповицкий), Н.Н.Глубоковский, Н.П.Рождественский, А.П.Доброклонский, Н.С.Арсеньев, С.Л.Франк, Б.П.Выше-славцев, Карсавин, С.Н.Булгаков, В.В.Зеньковский, Г.В.Флоровский,

А.В.Карташев — все они поддержали начинания владыки Евлогия. Доктор Дж.Мотт, председатель Всемирного Христианского Студенческого Союза, оказал широкую финансовую помощь этому проекту¹. Впоследствии, на основании этого, близкие к карловацкой группировке круги обвинят митрополита Евлогия в продаже Богословского института ма- сонству².

Перед новосозданным учебным заведением стояло несколько целей. Важнейшими из них были «продолжение богословских традиций» дореволюционных Духовных академий, подготовка «кадров богословски образованных людей и пастырей», так как «потребность в образованных священниках чувствовалась в эми- г- рации»³.

¹ А.Князев, *протопресв.* Свято-Сергиевский Институт. Париж, 1974. С. 43.

² Н.Д. Тальберг. К сорокалетию пагубного евлогийского раскола. Джорданвилль, 1966 г.

Кроме того, в рассеянии еще считали, что падение советской власти — дело нескольких лет. Поэтому Богословский институт был также призван восполнить пустоту, образовавшуюся после исчезновения богословских школ в России, и подготовить резерв священников, могущих пополнить ряды образованного духовенства после нормализации церковной жизни в России. Наконец, институт должен был нести свидетельство о Православии в западном мире⁴. И если протопресвитер Алексей Князев (Ректор института с 1965 по 1991 год) считал, что Богословский институт имел преимущественной целью развитие церковных наук и осуществление высшего богословского образования, то митрополит Евлогий настаивал на том, что институт призван к воспитанию пастырей для русской право-

³ *Евлогий, митр.* Указ. соч. С. 447.

⁴ Там же. С. 447.

славной диаспоры. Так, он с удовлетворением отмечал, что воспитанники института — «лучшие представители духовенства в [его] епархии», и, хотя они часто проявляли «неподготовленность в богословской науке», это не помешало «им быть впоследствии примерными пастырями»¹. Нам представляется, что именно в связи с этой целью, первым инспектором Института, епископом Вениамином (Федченковым), была создана «здоровая духовно-церковная атмосфера с монашеским уклоном, сосредоточенная на литургической жизни»². Хотя развитие русской богословской мысли имело большое значение, важнейшим все же было воспитание пастырей, чему сильно способствовала такая монашеская настроенность.

Сразу после того, как было принято решение открыть при Сергиевском подворье Богословский институт, кандидаты стали собираться со всей диаспоры, так что скоро их набралось около сотни. По вполне понятным финансовым причинам лишь 29 человек были оставлены при институте. 30 апреля 1926 г. в институте был совершен молебен перед началом учения и проведен торжественный акт, на котором профессор Карташев прочитал лекцию на тему: «Критический анализ летописного повествования о миссионерской деятельности святого апостола Андрея Первозванного на Руси». Хотя до начала учебного года оставалось еще несколько месяцев, было решено тут же начать уроки в форме подготовительных лекций. Здесь необходимо отметить отличие от дореволюционной системы, когда в Академии поступали, как правило, выпускники семинарий, а в семинарии — дети духовного сословия. Первые студенты Богословского института представляли собой в этом смысле очень разнородный состав: бывшие кадеты,

выпускники гимназий, политехнических школ и всего несколько бывших академистов и семинаристов. Отсутствие навыков богословского мышления восполнял немалый жизненный опыт, приобретенный в рядах Белой Армии и на чужбине, в лишениях, а также искренняя решимость посвятить себя служению Церкви. Далеко не о каждом дореволюционном семинаристе можно было сказать то же самое. Студенты безропотно подчинялись монашескому строю института, и неслучайно более трети первого выпуска 1928 года составляли монахи.³ Вообще стоит отметить нравственную высоту первых выпускников, которые не только переносили тяготы студенческой жизни в нищенствующем Институте, но и в дальнейшем часто не могли надеяться на лучшую участь, так как нередко шли на приходы, не способные их прокормить и работали на тех же заводах, что и их пасомые. Еще будучи студентами, они участвовали в церковном служении: в «четверговых» (четверг — неучебный день) детских катехизических школах, в детских православных лагерях и кружках молодежных организаций (в частности, в Русском Студенческом Христианском Движении), в подготовке служб на приходах, не имеющих возможности нанять псаломщика. Они также участвовали в популяризации богословской мысли через студенческое братство Преподобного Сергия. Последнее, помимо периодического издания «Сергиевских Листков», в которых публиковались статьи, проповеди и лекции преподавателей института, также издавало чинопоследования Пасхи, Страстной Седмицы и других служб, чтобы верующие могли следить за содержанием этих богослужений.

В отношении студенческого состава необходимо отметить всеправославное значение института. Здесь учились молодые люди не только из среды русской эмиграции, но и из самых разных православных стран мира. Это явление особенно

развилось после войны, когда в институт стали поступать греки, киприоты, ливанцы (из которых трое станут позже митрополитами и основателями баламондской богословской школы), а также финны, немцы и швейцарцы.

Как было отмечено выше, одной из целей деятельности института можно назвать свидетельство о Православии перед Западным миром. Являясь единственной православной школой в Западной Европе, он неминуемо стал глашатаем Православия в старом свете. С самого начала деятельности института его преподавательские кадры участвуют в экуменическом движении. Это участие проявлялось в лекциях, которые богословы института читали в инославных школах. Сотрудничество школ также привело к защите диссертаций преподавателями института в инославных школах, и наоборот. Кроме того, они активно присутствовали на некоторых съездах таких движений, как: «Life and Work» и «Faith and Order»⁴. Примером достижений православных богословов в экуменическом движении является тот факт, что после серии лекций отца Сергия Булгакова протестанты «Faith and Order» согласились войти в дискуссию о мариологическом вопросе, который они до тех пор просто отказывались рассматривать. Иным аспектом экуменической деятельности института явились концерты студенческого хора под управлением М.М.Осоргина и И.К.Денисова. Несомненно, первейшей целью концертов было собирание средств в пользу института, но для множества неправославных зрителей, благодаря объяснениям лектора Л.Зандера и глубоко духовному исполнению, они превращались в истинное свидетельство о православном литургическом опыте.

Этот аспект деятельности института отметил современный богослов, диакон Андрей Кураев: «Православ-

¹ *Евлогий, митр.* Указ. соч. С. 452.

² Выступление протопресвитера Бориса Бобринского на собрании, посвященном памяти митрополита Евлогия. Цит. по: № 8. декабрь 1997 г. «Епархиальный вестник Архиепископии». Ср. *Евлогий, митр.* Указ. соч. С. 448.

³ Ср. *А.Князев, протопресв.* Указ. соч. С. 43–45; *Евлогий, митр.* Указ. соч. С. 451–452.

⁴ Слияние этих движений приведет к созданию Всемирного Совета Церквей. Отметим, что в комиссию, стоящую у истоков этого слияния, входили С.Безобразов и Г.Флорский.

ные богословы эмиграции ... дали возможность западным богословам и богословам ощутить духовную подлинность и жизненность православной традиции ... (Они) использовали экуменические трибуны для того, чтобы проповедовать Православие»¹.

Важным этапом жизни института является война 1939–1945 годов.² После начала войны было решено продолжать уроки для семнадцати студентов силами одиннадцати преподавателей. В материальном отношении военные годы были исключительно тяжелыми, так как помимо общего кризиса институт потерял все финансовые пособия, до тех пор получаемые им от разных международных и зарубежных организаций. Институт понес большие человеческие потери: некоторые преподаватели и студенты были арестованы и высланы в концентрационные или трудовые лагеря в Германию, преподавателям Федотову и Афанасьеву пришлось эмигрировать. В середине 1944 года скончался отец Сергей Булгаков. Мы, однако, видим, что богословская деятельность института не только не затухает, но развивается с новой силой. В военное время были написаны известные труды архимандрита Киприана (Керна) «Евхаристия» и отца Василия Зеньковского «История Русской Философии». Великим Постом 1945 года в стенах института состоялась первая в его истории защита докторской диссертации — архимандрит Киприан представлял на соискание докторской степени свою работу на тему: «Антропология Святителя Григория Паламы».

Это развитие академической науки продолжалось и в послевоенные годы, когда были защищены докторские диссертации епископа Кассиана («Водою, Кровью и Духом», 1946 год), отца Н.Афанасьева («Церковь Духа Святого», 1947 год), и В.Зеньковского («История Русской Философии», 1948 год).

В послевоенные годы к профессорско-преподавательской корпорации присоединились выпускники института: А.Князев (Ветхий Завет, Еврейский язык — выпуск 1943 года), А.Шмеман (История Церкви — вы-

*Епископ Вениамин (Федченков),
первый инспектор Института*

пуск 1945 года), И.Мейендорф (Византология и Патрология — выпуск 1949 года), Н.Осоргин (Устав — выпуск 1950 года), П.Евдокимов (Нравственное богословие — выпуск 1928 года), Б.Бобринский (Дог-

матическое богословие — выпуск 1949 года). Первая эпоха жизни института завершается именно в эти годы, видевшие кончину старшего поколения преподавателей: после отца С.Булгакова ушли из жизни К.Мочульский (†1948), Г.Федотов (†1951), М.Осоргин (†1951), Б.Вышеславцев (†1954). В 1946 г. скончался ректор и основатель Института митрополит Евлогий (Георгиевский); его преемник — митрополит Владимир (Тихоницкий) — назначил ректором возведенного в сан епископа архимандрита Кассиана (Безобразова). Вскоре (в 1950–1951 годах) институт лишился и величайшего богослова — отца Г.Флоровского, переехавшего вместе с отцами А.Шмеманом и И.Мейендорфом в США, где они начали преподавать в Свято-Владимирской семинарии.

Таким образом, мы уже не видим изначального разнообразия богословских течений: выпускники института представляли собой более однородный состав, чем тот, который был собран в стенах института при его основании.

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Преподавательский состав Института изначально был достаточно пестрым. Здесь сотрудничали как выходцы из Духовных академий, так и выпускники университетов. Представителями академического сословия были епископ Вениамин (Литургика, Гомилетика и Пастырское богословие), А.В.Карташев (История Церкви, Ветхий Завет и Еврейский язык) и М.М.Осоргин (Устав). Преподаватели, вышедшие из университетских кругов, были многочисленнее: С.Н.Булгаков (Догматическое богословие), Г.В.Флоровский (Патрология), Г.П.Федотов (Агиология и История западных церквей), Л.А.Зандер (Логика и Сравнительное богословие), Н.Н.Афанасьев (Каноническое право), В.Н.Ильин (Литургика и Философия), Б.П.Вышеславцев (Нравственное богословие), В.В.Зеньковский (Философия, Психология, Педагогика и Апологетика), С.С.Безобразов (Новый Завет).

¹ Кураев Андрей, диакон. Вызов экуменизма. М., 1998. С. 18–19.

² Франция вступила в войну с Германией в 1939 г.

Университетский состав преподавательской корпорации, а также свобода от какого-либо государственного давления повлекли за собой два аспекта деятельности института. С одной стороны, преподаватели института не были связаны путями академического, официального богословия; кроме того, они почти всегда специализировались по нескольким предметам. Благодаря этому они смогли продвинуть богословскую науку в новых направлениях, поставить перед ней ряд новых вопросов, снабдить ее новой методологией. С другой стороны, некоторый разрыв с традиционной богословской школой повлек за собой направление, которое отец А.Князев условно называет «либеральным»¹. Богословы данного направления «задавали себе вопрос, поставили ли Отцы Церкви, будучи при этом, несомненно, свидетелями Православия, все вопросы, и решили ли они все трудности. Исходя из Отцов, они считали необходимым идти дальше, принимая во внимание проблематику и концептуальное наследие, проистекающие из развития философии со времен Отцов». Это направление коренится в школе русских религиозных философов конца XIX – начала XX вв. Несомненно, похвально желание попытаться дать ответ на вопросы, поставленные перед богословием современностью, например, на целый ряд экклезиологических вопросов (о положении диаспоры, о роли мирян и так далее). Тем не менее, мы все же можем указать на опасность богословских исканий, уходящих чрезмерно далеко от святоотеческого наследия. Примером таковых можно считать софиологию отца С.Булгакова². Разбор этого учения превосходит и объем данного труда, и способности автора. Можно лишь указать на обширную полемику, связанную с вышеуказанным учением. Опасность,

по нашему мнению, более всего в том, чтоб «исходя от Отцов» и «идя дальше Отцов», не отойти от духа и учения Отцов. Подобное предостережение отцу С.Булгакову высказывал и митрополит Евлогий³, который при этом всегда защищал свободу богословских исканий преподавателей института. Нельзя забывать и о том, что, как пишет отец А.Князев, богословы указанного направления, и особенно отец С.Булгаков, сумели перенять святоотеческую целостность молитвы и богословия, искание богомыслия в Евхаристическом служении. Именно со времен отца С.Булгакова Догматическое богословие перестало быть сухой, школьной дисциплиной, но вновь стало живой частью церковной жизни⁴.

Рядом с этим «либеральным» направлением существовала иная точка зрения, сторонники которой стояли за безоговорочное возвращение к святоотеческому наследию. Считаю, что разрыв с отеческой традицией был трагедией русского богословия, они утверждали, что именно творческое раскрытие учения Отцов Церкви, возвращение к их стилю и категориям мысли позволит возродить богословие и произвести творческий синтез, дав ответ на новопоставленные вопросы⁵. Ярчайшим представителем этого течения можно назвать отца Г.Флоровского, о котором когда-то было сказано, что он «самый православный» из современных богословов⁶.

Ярким примером некоторого противостояния обеих тенденций являются книги «Пути русского Богословия» Флоровского и «История русской философии» Зеньковского. Флоровский доказывал, что трагедия русской богословской школы в том, что волей исторических событий она удалась от наследия византийских Отцов. По мнению же Зеньковского, русская религиозная

Профессор
протоиерей Георгий Флоровский

мысль была оплодотворена встречей с религиозной мыслью Запада. Впрочем, сосуществование обоих богословских течений в стенах института, часто вполне мирное, повлекло за собой богатство изучаемой в нем тематики и ответов, данных на различные, остро поставленные вопросы.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ БОГОСЛОВСКОЙ РАБОТЫ В ИНСТИТУТЕ

Касательно Догматического богословия, почти все было сказано выше, в описании двух богословских направлений, имеющих место в институте. В соответствии со своим «либеральным» направлением отец С.Булгаков († 1944), преподаватель Догматики, поставил себе целью переосмысление «православной доктрины»⁷, построение новой богословской системы, сосредоточенной на понятии о Софии, Премудрости Божией. Здесь мы видим связь с русской религиозной философией конца XIX – начала XX вв. В.Соловьева и П.Флоренского. По мнению отца

¹ А.Князев, *протопресв.* Указ. соч. С. 64–65.

² Хотя очень важно помнить и то, что «множество мыслей [о С.Булгакова] находят свое место в православной богословской мысли» (А.Князев, *протопресв.* Указ. соч. С. 67).

³ Евлогий, *митр.* Указ. соч. С. 449.

⁴ А.Князев, *протопресв.* Указ. соч. С. 67.

⁵ Там же. С. 64–65.

⁶ П.Евдокимов. *Le Christ dans la pensée russe.* Париж, 1970. Цит по: А.Князев, *протопресв.* Указ. соч. С. 67.

⁷ А.Князев, *протопресв.* Указ. соч. С. 65.

А.Князева (хотя лишь Л.А.Зандер полностью перенял учение отца С.Булгакова), все преподаватели довоенного поколения были его учениками по духу, по преемству его методологии, его любви к богословию, а также в творческом подходе к множеству вопросов, поставленных современностью в области экклезиологии, мариологии, пневматологии и эсхатологии¹.

В области экзегетики мы вновь встречаем вышеописанную двойственность богословских направлений, но проявляющую себя с меньшей остротой. Реформация XVI века не коснулась Русской Церкви. Поэтому принцип реформаторов «*sola Scriptura*», ставящий под вопрос авторитет Церковного Предания, не нуждался в критике со стороны русских Духовных академий. В эмиграции вопрос стоял иначе: встретившись с Западным миром, русское богословие должно было изучить методы современной библейской критики и определить, в какой мере они применимы в православном богословии. В Свято-Сергиевском Институте Новый Завет преподавал С.С.Безобразов (будущий епископ Кассиан, ректор института с 1947 по 1965 год). Выпускник Петроградского Университета, он был хорошо знаком с критическими методами западной экзегезы. Исключительно одаренный филолог, он не колебался применить в своей экзегетической работе те же филологические и археологические методы и открытия, которыми пользовались западные библеисты. Пересмотрев поставленные западными богословами «синоптическую» и «иоанническую» проблемы, он пришел к выводу, что традиционные датировка и авторская принадлежность Священных книг столь же обоснованы с научной точки зрения, сколько и гипотезы западных экзегетов. Интерес к текстуальной критике проявился в работах: «Христос и первое христианское поколение» и «Водою, Кровью и Духом» (докторская диссертация). Несколько иным был подход преподавателя Ветхого За-

та А.В.Карташева († 1960), выпускника Санкт-Петербургской Академии, ученика профессора В.В.Болотова и гебраиста И.Г.Троицкого. В отличие от владыки Кассиана (Безобразова), его интерес к текстологическому изучению Священного Писания был преимущественно обусловлен желанием оправдать буквой Писания типологическую интерпретацию Отцов. В опубликованной отдельным изданием актовой речи «Ветхозаветная библейская критика» А.В. Карташев пытается богословски обосновать возможность текстуальной и исторической критики Священного Писания.

Священники Иоанн Мейендорф и Александр Шмеман

Патрологию преподавал отец Георгий Флоровский². По свидетельству отца А.Князева³, он был человеком исключительной эрудиции в своей области. При этом он умел вести уроки Патрологии так, что они были живым свидетельством святоотеческого духа и опыта, а не сухим изложением знаний об Отцах и их учении. Именно его труды инициировали развитие патрологии в Свято-

Сергиевском институте и вне его. В частности, можно вспомнить о работах В.Кривошеина (будущего архиепископа), отца Иоанна Мейендорфа, отца Киприана (Керна) и других.

Вслед за митрополитом Антонием (Храповицким)⁴ парижские литургисты В.Н.Ильин, М.М.Осоргин и, с 1937 года, архимандрит Киприан (Керн) развивали мысль о том, что литургическая молитва — это воплощенное богословие, которое дано нам Церковью для постоянной актуализации Откровения. В.Ильин особенно настаивал на символическом и богословском содержании православного богослужения. Со своей стороны М.Осоргин, преподаватель Устава, уставщик Свято-Сергиевского прихода и регент хора, сумел передать студентам свою любовь к уставному богослужению и строгому пению. Любовь отца Киприана к академической науке, соединенная с его живым интересом к разным литургическим традициям⁵, породила в его лекциях и работах синтез исторического и богословского подхода к Литургии.

Как мы отметили выше, А.В.Карташев был учеником профессора В.В.Болотова, и, надо сказать, учеником вполне достойным: все преподавание истории Церкви в институте лежало на нем. Отец А.Князев⁶, один из его студентов, выделяет ряд характерных черт в лекциях Антона Владимировича. Карташев всегда подчеркивал влияние политики на историю Церкви, утверждая, что некоторые вмешательства государства в жизнь Церкви были столь же промыслительные сколь и действия Соборов. Показывая, какое влияние может иметь догматическое содержание (православное или еретическое) народной веры на политическую и культурную жизнь государства, не говоря уже о жизни Церкви, он считал идеалом христианской цивилизации византийскую симфонию, обоснования для которой виделась ему в

¹ А.Князев, *протопресв.* Указ. соч. С. 67–69.

² В середине 50-х годов, после чего он уехал в США, где преподавал в Свято-Владимирской Семинарии.

³ А.Князев, *протопресв.* Указ. соч. С. 72–73.

⁴ Там же. С. 74.

⁵ Отец Киприан много путешествовал по православному Востоку и Балканам.

⁶ А.Князев, *протопресв.* Указ. соч. С. 78–79.

халкидонском догмате. Более всего Карташев интересовался историей Русской Церкви, так как полагал, что именно в ее жизни наиболее конкретным образом встал вопрос о влиянии Церкви на общество.

Кроме упомянутых предметов, можно вспомнить о кафедрах Пастырства, Этики и Культуры, Канонического права. Пастырское богословие преподавал архимандрит Киприан, лично знавший таких пасторологов и пастырей, как митрополит Антоний (Храповицкий), митрополит Гавриил Таврический, отец Алексей Мечев. Этику (Нравственное богословие) вел профессор Вышеславцев († 1954). Подчеркивая, что этика не является морализмом, но ведет человека к спасению, он настаивал на том, что всякое законничество должно быть преодолено, то есть всякий закон призван к тому, чтобы стать лишним, так как исполняющий его должен потерять нужду в нем, изменив внутреннего человека. В какой-то мере можно упрекнуть профессора Вышеславцева в том, что он чрезмерно настаивал на личном аспекте преображения внутреннего человека и недостаточно четко изложил учение об обожении человека на пути к спасению¹. Многие преподаватели института писали на тему культуры, так что в их работах можно найти множество разных мнений в этой области. Все они, однако, сходятся на мысли о том, что Церковь призвана к тому, чтобы вдохновлять и освящать не только внутреннюю жизнь человека, но и все проявления человеческой деятельности. Экклезиологическая тема также проявляется в преподавании канонического права Н.Афанасьевым: в отличие от «православной» схоластики, часто определяющей Церковь как «общество, управляемое канонами», преподаватели института настаивали на определении Церкви как богочеловеческого живого организма — Тела Христова, Храма Духа Святого. В связи с этим каноническое право теряло юридический аспект и переосмысливалось в экклезиологической перспективе.

Епископ Кассиан (Безобразов)

Заключая этот краткий обзор кафедр института, нельзя не вспомнить о трудах Г.П.Федотова († 1951), проложившего путь православной агиологии. Он является одним из первых богословов, которые попытались воспользоваться методами и достижениями западной агиологии применительно к восточной агиографии. Тем самым он настаивал на богословском аспекте личной святости вообще и различных типов святости (мучеников, святителей, преподобных, князей и так далее) в частности. Его подход к агиографии изложен в его труде «Святые Древней Руси» (Париж, 1931).

В заключение можно сказать, что расцвет Института приходится на первую половину двадцатого века, или, вернее, на период до 1970-го года: в 1960-х годах умирают последние представители старого поколения преподавателей — архимандрит Киприан († 1960), А.Карташев († 1960), В.Зеньковский († 1962),

Л.Зандер († 1964), Епископ Кассиан († 1965), отец Н.Афанасьев († 1966) и П.Евдокимов († 1970).

В этот первый период жизни института произошло заметное развитие отечественной богословской мысли, освобожденной от пут схоластики и официальности, и встретившейся с западным миром и его научными методами. В 1970–1990 годах мы уже не видим столь яркого развития богословской науки. Что же касается воспитания пастырей, то уже в 1956 году на Епархиальном Собрании отмечалось, что «из 30 студентов института — 20 иностранцев, но даже среди русских вряд ли все станут священниками»². Данная проблема весьма актуальна и по сей день.

Сергей Тутунов,
4 курс МДС

¹ А.Князев, *протопресв.* Указ. соч. С. 81.

² Хроника жизни Русской Православной Церкви в Западной Европе (периодическое издание). № 29, 1956.

Псковское Духовное Училище

Вот уже шестой год действует Псковское Духовное Училище. Это среднее специальное учебное заведение Псковской епархии, которое готовит священнослужителей, церковнослужителей, регентов, преподавателей воскресных школ.

Псковская Духовная Семинария известна тем, что в ней учился, а впоследствии и преподавал будущий святитель Тихон, Патриарх Московский и всея Руси. Здесь же, в домово́й церкви Трех Святителей, 14 декабря 1891 года он был пострижен в монашество. Семинария была закрыта в 1919 году. В ее здании сейчас располагается филиал Псковского Педагогического Института.

Лишь в 1994 году, спустя семьдесят пять лет, возобновилось духовное образование на Псковской земле. Открытие Псковского Духовного Училища проходило в тяжелых условиях. Здание, переданное училищу, находилось в плачевном состоянии. Его долгое время занимали всевозможные организации, последней из которых была одна из структур АО «Электросвязь». Ближайшие храмы Покрова Пресвятой Богородицы и Святителя Николая были заброшены в течение длительного времени. Их восстановление проходило при непосредственном участии студентов.

Училищный храм Покрова Пресвятой Богородицы (см. фото) стал действующим после открытия Духовного Училища. В 1997 году над входом в храм архимандритом Зеноном была выполнена фреска «Знамение Пресвятой Богородицы». В ноябре 1999 года купол Покровского храма был увенчан новым крестом. Храм все еще находится в лесах. Планируется заменить и кровлю.

В настоящее время в училище функционируют два отделения пастырское и регентское. Процесс обучения построен по семинарскому типу и осуществляется по учебным программам Московских Духовных школ. На пастырском отделении изучаются: Патрология, Гомилетика, Догматическое, Основное, Сравнительное и Нравственное Богословие, Литургия, Церковный Устав, Общая Церковная История, История Русской Церкви, Ветхий и Новый Заветы. Регентское отделение имеет цикл необходимых музыкальных предметов: вокал, дирижирование, сольфеджио, гармония и другие.

Псковское Духовное Училище существует без государственного финансирования. Несмотря на трудности содержания, численность учащихся составляет около 60 человек. Преподавательский состав насчитывает 27 человек. За время существования училища в нем было три выпуска общей численностью 50 человек. Из них 11 были рукоположены в сан пресвитера, 6 — в сан диакона. Некоторые продолжают свое обучение в различных Духовных Семинариях. Многие уже осуществляют свое пастырское служение на приходах Псковской епархии.

При Псковском Духовном Училище действует и Воскресная школа. Ее преподавателями являются выпускники училища.

Особое внимание к жизни и деятельности Училища проявляет правящий архиерей Архиепископ Псковский и Великолукский Евсевий. Именно ему принадлежала мысль об открытии духовной школы на Псковской земле. Владыка часто приезжает в Училище на занятия, а в конце года экзаменует выпускников. В Покровском храме традиционно совершаются архиерейские богослужения — в престольный праздник Покрова Пресвятой Богородицы, в день церковного новолетия, перед началом и в конце каждого учебного года.

Постепенно формируется материально-техническая база Училища. В мае 1999 года удалось приобрести автобус, что позволило совершать в выходные дни и на каникулах паломнические поездки. Учащиеся уже побывали во многих святых местах Псковской епархии, в Санкт-Петербурге, Новгороде, а также в Москве, где посетили Николо-Угрешский, Свято-Данилов, Донской монастыри и Троице-Сергиеву Лавру. Совсем недавно на территории училища была построена баня. Есть в училище и своя просфорня, свечной цех, прачечная.

В 2000 году состоялся четвертый выпуск учащихся. Почти все из них собираются продолжить обучение в Духовных Семинариях. Мы надеемся на Покров Пресвятой Богородицы, на помощь святителя Николая Чудотворца, на то, что они никогда не оставят нас своими молитвами и заступничеством.

*Максим Кузнецов, 3 курс
Псковского Духовного Училища*